

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков

1

Шел снег.

Густо мельтеша в воздухе, снежные крупинки косо неслись по ветру, с тихим невнятным шорохом быстро засыпая иссушенную морозом траву, жухлые заросли осоки на болоте, белыми пятнами ровно устилая замерзшие водяные прогалы, которые, чтобы не оставлять следов, тщательно обходила Зоська. Но этих прогалов в траве было много, и она поняла, что никуда от них не деться на этом мшистом болоте, и пошла напрямик, не разбирая дороги. Местами она неглубоко проваливалась в мох, но до воды не доставала, все-таки болото за последние дни хорошо промерзло. То ли от снегопада, то ли от близости вечера болотно-лесное пространство вокруг все больше мрачнело, хмурилось, наполняя смутной тревогой и без того беспокойную душу. Только что выбравшись из лесных зарослей, Зоська уже раза три оглянулась, хотя сзади никого вроде не было. Чтобы отрешиться от недобрых мыслей, она остановилась, огляделась и vareжками обмахнула с плеч снег, отряхнула юбку. Но не прошло и минуты, как снег снова густо залепил ворсистую ткань ее плюшевой куртки, и она подумала, что напрасно отряхиваться, лучше побережь варежки, которые и без того промокли насквозь и не грели. Руки все больше зябли, особенно когда она переходила голые, без кустарников, участки болота, где сильней становился ветер и, кажется, густел снег.

Снегопад был ей ни к чему, он даже становился помехой; те, что посылали ее в эту дорогу, рассчитывали на черную, без следов, тропу. Но еще часа два назад ничто, казалось, не предвещало непогоды, разве что облачное небо вверху, которое нынешней осенью всегда было облачным.

И вот теперь этот снег...

Оглянувшись, Зоська увидела на забелевшей кочковатой земле заметные издали следы своих ног, обутых в уже отсыревшие и латанные-перелатанные сапожки. Правда, снег засыпал следы, и, если снегопад не прекратится к ночи, следов можно будет не опасаться.

Хуже, что она заблудилась.

Она шла около часа, но ожидаемой лесничевки все не было видно, вокруг тянулось замерзшее незнакомое болото, местами поросшее чахлыми извилистыми березками, кустами лозняка и ольшаника. Теперь ей самой не понять, как она сбилась с тропы, возможно, проглядев в кустарнике ее очередной поворот, или, может, та просто исчезла под снегом. Зоська шла наугад, лишь чутьем определяя нужное направление. Спросить тут было не у кого, она знала, что ближайшая деревня километрах в восьми за речкой, до деревни надо еще идти да идти. Оружия у нее не было никакого, хотя оружие перед выходом можно было попросить у ребят, но когда она намекнула на то Дозорцеву, тот запретил категорически – в ее деле лучше обойтись без оружия. Компаса ей тоже не дали. Компас, наверно, помог бы в пути, но в случае задержания наверняка бы навел на подозрения, а малейшего подозрения ей надо было избегать. Правда, у нее был паспорт, немецкий аусвайс, но она не очень надеялась на эту тоненькую, с синими печатями книжечку, выписанную на некую Аделаиду Августевич. Аусвайс был старый, потрепанный; видно, не она первая отправлялась с ним из партизанской зоны в немецкую, хотя имя его прежней владелицы Зоське очень понравилось. Ей бы такое имя.

А то – Зося Нарейко.

Хотя, что ж, каждому – свое.

Зоське бы вот только перейти это болото, где-то перелезть через речку и выбраться на Скидельский шлях – там начиналась знакомая местность, там были люди, там бы она вздохнула. Правда, она понимала, что там ее ждало немало других опасностей, но теперь ей казалось, что здесь страшнее. Она почти уже не глядела себе под ноги, где привычно шумела-шастала жесткая на морозе трава, – она пристально всматривалась вперед, в густевшие над болотом сумерки, пестревшие окрест множеством пятен, тусклых полос вдаль, каких-то неясных теней. Казалось, в разных местах, замерев, ее поджидали лесные чудовища, может быть, волки, а может, и недобрые люди. Но всякий раз, подойдя к ним ближе, она обнаруживала, что это темнели высокие кочки жесткого папоротника или кусты можжевельника, а то низкорослые, пересыпанные снегом елочки. Пожалуй, ничего больше и не могло быть в эту пору на мерзлом болоте, однако, по мере того как темнело, привязчивый страх все больше охватывал девушку.

Она упрямо гнала его прочь, мысленно ругая себя за пугливость и то и дело уговаривая: ну, чего ты боишься, дурочка, чего же здесь страшного? Бояться придется там, где люди, дороги, посты у въездов в деревни, проверка документов,

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru полиция. Здесь же безлюдное болото, ненастный осенний вечер, снег – все, хотя, может, и мало расположенное к путнику, зато вполне безопасное. Чего здесь бояться?

И тем не менее здесь ей казалось страшнее, чем там, впереди, вблизи от деревень с постами, полицией и проверками всех подозрительных прохожих.

Она взошла на едва приметный в болоте пригорок, покрытый неболотной, низкорослой, безо льда травой, с редкими деревьями ольшаника, беспорядочно серевшими на белой земле. Снегопад будто бы поредел, и хотя небо вверху стало темнее, чем прежде, кустарник просматривался далеко, за ним вроде мерещилась стена дальнего леса, и Зоська подумала: не там ли кончается это проклятое болото?

Она спустилась с пригорка, прибавила шагу, как вдруг шагах в пяти от нее метнулось что-то живое и, как показалось, громадное. Зоська в ужасе замерла и только мгновение спустя увидела невдалеке зайца. Большущий русак широкими прыжками размахисто уходил прочь, все дальше в болото, пока не исчез в сумрачной мешанине заснеженной травы и кустарника.

Медленно отходя от испуга, Зоська перевела дыхание, нерешительно, сама не зная почему, оглянулась и застыла в немом удивлении, заметив силуэт человека, как бы осторожно наблюдавшего за ней сзади. Зоська на мгновение зажмурилась, а когда открыла глаза, силуэт уже исчез в густеющих сумерках, слившись с неясными пятнами земли и кустарника. С замершим сердцем Зоська еще полминуты вглядывалась, но тщетно: сзади решительно не было ничего такого, что хоть бы отдаленно напоминало собой человека. Она подумала, что ошиблась, что это ей показалось, и, обругав себя за напрасный испуг, быстро направилась дальше.

Несколько минут она шла мелкоколесьем, то и дело уклоняясь от холодных ветвей ольшаника и едва сдерживая напряженное желание оглянуться хотя бы затем, чтобы убедиться, что сзади никого нет.

Она заставила себя смотреть только вперед, где уже угадывался в сумерках широкий прогал, кустарники кончались, до тускло серевшей в ночи стены хвойного леса было рукой подать. Зоська подумала, что, по всей вероятности, где-то здесь должна быть река. Не бог весть какая эта речушка, в которой летом надо было поискать место поглубже, чтобы искупаться, осенью разлилась и теперь с самого начала пути тревожила Зоську – как через нее перебраться? Легко было Дозорцеву там, в лесу, советовать поискать брод, который должен быть где-то возле лесничевки. Но как ей найти теперь этот брод, если она потеряла саму лесничевку и даже не знает, в какой стороне та осталась.

Так оно и оказалось, река была здесь. Еще издали Зоська узнала ее по ряду кряжистых ольх, привольно разросшихся вдоль берегов по краю голой, заболоченной поймы. Между рекой и кустарником лежал открытый, обильно засыпанный снегом участок. Прежде чем выйти на него, Зоська остановилась, взглянула в одну сторону, затем в другую и, не удержавшись, торопливо оглянулась назад. Но в тускло мерцающих снежных сумерках всюду было безлюдно и тихо-покойно, лишь беспорядочные порывы ветра, порошившие на болото снежной крупой, нарушали сонную тишину ночи.

Зоська вышла на пойму, решительно направляясь к ближайшей группе кривых старых ольх, раскинувших на берегу замысловатую вязь своих голых сучьев. Еще издали между их комлей она увидела противоположный в кустарнике берег и припаянный к нему тусклый закраек льда, местами темневший разводами подмокшего снега. Такой же, с плавно выгнутой, будто подтаявшей, кромкой, закраек тянулся и вдоль этого берега, а между ними чернела неровная полоса чистой воды. Была она неширокой, эта злосчастная полоска, местами ледяные закраины почти смыкались, но вода упрямо разъединяла их всюду, и Зоська в нерешительности остановилась. Нет, здесь перейти не было возможности, следовало поискать что-нибудь более подходящее.

Обойдя с наболотной стороны несколько ольх, она снова приблизилась к невысокой, но обрывистой кромке берега. Река здесь круто изгибалась, уходя в сторону леса, и широкая ледяная закраина с противоположного берега почти впритык подходила к обрыву у самых ног. Возможно, Зоське и удалось бы до нее добраться. Если бы на что-то опереться. Или еще лучше положить с берега длинную палку и по ней осторожно перейти на ту сторону.

Надо было поискать подходящую жердину.

Пригибаясь, чтобы уклониться от низко нависавших сучьев, Зоська обошла ольховые кусты, пробуя рукой прочность их шершавых комлей, невзначай бросила взгляд назад, на притуманенную даль поймы, и снова в растерянности содрогнулась, застыв в неудобной, с повернутой головой, позе: теперь уже не могло быть сомнения – через пойму из кустарника по ее следам шел человек.

Полминуты она стояла, почти омертвев, не сводя взгляда с поймы. Отсюда было трудно рассмотреть идущего, сумерки туманной пеленой смазывали его очертания, но, вглядевшись, она поняла, что это мужчина и что он идет через пойму к реке

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru уверенным шагом человека, имеющего определенную цель и, наверно, знающего путь. Руки его размеренно двигались в такт шагу, они не были заняты оружием, но было ли у него что за плечами, она не смогла рассмотреть. Тем не менее она остро почувствовала, что он уже видит ее, что ей надо скорее уходить от него и что уйти в ее положении можно только за реку.

Она испуганно метнулась по берегу, пытаясь соскочить под обрыв, но увидела внизу темную полоску мокрого снега и побежала дальше. Из-под снега у самой воды торчал какой-то корявый сук с налипшей грязной листвой. Она на бегу выдержнула его и перебросила через черный поток на край льдины. Однако сук оказался коротким, к тому же здорово выгнутым на середине, он сразу перевернулся и почти весь ушел в воду. Боясь не успеть и лихорадочно работая руками, Зоська выбралась из-под берега и обеими руками вцепилась в нетолстый наклонный отросток в ближайшем кусте. Повиснув на нем, она кинула взгляд на пойму: почему-то замедлив шаг, человек приближался к речке. Их разделяла какая-нибудь сотня шагов, Зоська изо всей силы потянула деревцо, и то неровно выломилось у самого корня. Не пытаясь даже очистить его от ветвей, она соскользнула с обрыва и перебросила над водой эту шаткую, малонадежную опору.

Все-таки она успела, хотя и намочила у берега ноги, в левом сапоге сразу захлюпало, но теперь, наверно, можно было рискнуть. Недолго раздумывая и почти физически ощущая пугающее приближение незнакомца, она ступила на корявый конец дерева и взмахнула руками.

Ей удалось сделать лишь три робких, торопливых шагов, как верхушка деревца, подогнувшись, соскользнула с закрайка и Зоська очутилась в воде.

Она рванулась к недалекой и такой недосыгаемой кромке закрайка. Но ноги в воде вдруг потеряли опору, дно ушло в сторону, она погрузилась в воду почти до пояса, с ужасом ощутив, как течение туго ударило ее в бедра, грозя свалить с ног. И тогда сквозь шум разворошенной ее телом воды где-то вверх раздалось:

– Зоська, стой! Ты что, сдурела?!

«Антон?!»

В страхе и замешательстве она замерла, узнав голос того, кого меньше всего ждала тут увидеть. Но ошибки быть не могло – сноровисто соскочив с обрыва, Антон подхватил из воды ее деревцо и размахисто бросил его мокрой верхушкой ей в руки.

– Держись! Держись, я тяну...

Она уже и сама справилась с довольно сильным на глубине течением и, медленно преодолевая испуг, ухватилась за ветки.

– Давай сюда! Во, на сухое... Эх ты, дурочка! Разве так можно соваться?..

– Ой, и напугалась же, божечка... И откуда ты взялся?

– Взялся... Разве так можно? Тут глубина – во! – отмерил он себе ладонью по грудь, и она, преодолевая холод, пристально посмотрела ему в лицо. Нет, ей не мерещилось, это в самом деле был он, Голубин, партизан из третьего взвода, которого она несколько дней назад стала называть Антоном.

– А я гляжу, догоняет кто-то! Так напугалась, что... Сердце едва не выскочило.

– Промокла здорово? Ну конечно! А ну быстро за мной! – скомандовал он. – Бегом! Тут деревня где-то была.

Она не сопротивлялась, сразу подчинилась его властной строгости, тем более что строгость эта была ей во спасение, она и сама чувствовала, что этак недолго и околеть на ветру. Взобравшись на обрыв, он побежал вдоль реки куда-то по пойме влево, и она, едва преодолевая обжигающий ноги и низ живота холод, побежала следом.

– Руками, руками вот так! – показал он, взмахивая на бегу руками. – Вверх, вниз! Вверх, вниз! Грейся!

Река отвернула в сторону, туда, где был лес, темная стена которого отдалилась и пропала в сугробы, там же где-то исчезли корявые кусты ольшаника. Они бежали открытой поймой к темневшим впереди низкорослым зарослям, и она чувствовала, как все больше деревенеют ноги в мокрых отяжелевших сапогах; юбка сначала мокро хлюпала сзади, потом стала жестко лубенеть на морозе, варежки остались в реке, и голых рук она почти уже не чувствовала.

– Откуда ты взялся? Тебя что – послали за мной?

– Послали, да. Успокойся. Ты же такая разведчица, что...

– А что?

– Да ничего. Хорошо вот – подоспел. А то бы...

Она все еще не могла преодолеть недоумения, понять, почему он оказался тут, за десяток километров от лагеря. Когда ее посылали в эту дорогу, не было и речи о Голубине, готовили к заданию ее одну. Но вот он здесь, и первое ее удивление быстро сменялось радостью. Это была приятная для нее неожиданность, если бы только не тот ее нелепый испуг, сдуру загнавший ее в реку. Но кто знал, что это Голубин, а не какой-нибудь полицай или немец. Принимая упрек, Зоська виновато

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru молчала. Холод все больше сковывал ее движения, ноги выше колен недобро горели, словно обожженные; внутри, правда, от долгого бега становилось теплее, и она чувствовала, что прекращать бег нельзя. В беге было спасение, и она покорно бежала рядом с неожиданным спутником и спасителем, с которым лишь утром рассталась возле отрядной кухни, сказав, что увидятся теперь не скоро, может, через неделю или две. Она не могла сказать, куда и зачем отправляется, Голубин, однако, что-то понял, насторожился, даже попытался ее задержать, ухватив за рукав, но она вырвалась и с тропки игриво помахала ему vareжкой. В последнее время, когда отряд перебазировался в южную половину Сухого бора и она по утрам стала помогать тетке Степаниде на кухне, этот Голубин частенько задерживался возле нее после ужина, раза два они даже недалеко прогулялись вдвоем, и она подумала, что, может, надо бы ему намекнуть, куда она идет. Но тогда возле кухни она ничего не сказала, а потом ей стало не до Голубина, часа три она просидела в штабе, выслушивая инструктаж начальника разведки Дозорцева да заучивая пароли для связи со своими людьми в деревнях, пароль-пропуск через зону соседней партизанской бригады. Путь был не близок, все надо было зазубрить на память – там спросить будет не у кого, и с Голубиным она больше не увиделась.

Чтобы она не отставала, Антон заметно придерживал бег и широким шагом размашисто, с хрустом, мял сапогами подмерзшую траву поймы, уверенно увлекая Зоську в сумерки снежной ночи. Она хотела сказать, что ей надо за речку, но сдержала себя – действительно, сперва надо было обсушиться, и она почти с радостью ухватилась за эту его участливую помощь, которая оказалась кстати. А она, дура, боялась.

– Тут где-то деревня. Забыл, как называется. Кондыбовщина, кажется. Не слышала такой?

Она молча повертела головой.

– Что, здорово искупалась? А ну? – Он скинул рукавицы и на бегу пошлепал ее по спине и ниже. – Жакетка вроде сухая. Юбка только. И ноги. А ну живее! Шире шаг, малышка! – бодро закомандовал он.

– Там так глубоко! Никогда не думала, – сказала она, постукивая зубами.

– Глубоко, конечно. Не летом. Надо было у лесничевки переправляться, а ты вон куда шибанула.

– Я и хотела у лесничевки. Да вот... заблудилась.

– Я так и подумал. Еще не вышла из зоны, а уже заблудилась. Как же ты там будешь, разведчица?

Что она могла на это сказать? Начало, безусловно, не удалось, могло быть и хуже, если бы не подоспел он. А может, без него она была бы осмотрительнее и не влезла сгоряча в реку. Но уж заблудилась, точно, по своей оплошности, тут уж винить было некого.

2

Минуту они молча бежали рядом. Зоська с нетерпением вглядывалась вперед, стараясь в редевшем мелькании снежинок заметить первые признаки деревни, но деревни все не было, даже не начиналось поле, под ногами по-прежнему стлалась некошенная трава поймы. Антон начал поглядывать в сторону и даже оборачиваться назад, где затемнелось в ночи что-то высокое, похожее на пригорочек с хвойной рощицей. Наверно, этот пригорочек был тут единственной видимой приметой на их болотном пути, и Антон, вдруг остановившись, громко, с досадой выругался:

– Ах ты, черт! Вон куда мы зашли. Это же Круглый грудок. Деревня в стороне осталась.

Зоська разочарованно выдохнула, она едва уже держалась на ногах, в груди все горело от усталости; а руки, и особенно ноги выше колен, совершенно задеревенели от стужи. Юбка быстро смерзлась и жестко терла ее тощие бедра.

– Что ж теперь делать? – растерянно проговорила она, остановившись и чувствуя, что выхода нет, видно, придется ей замерзнуть на этом болоте.

– Да, дела! – сокрушался Антон. – Надо же... Думал, этот грудок слева, а он... Наделала ты беды с этой речкой.

Ее разозлили упреки Антона, хотелось крикнуть, что это все из-за него, что, не появившись он у нее за спиной, она бы не сунулась сломя голову в эту проклятую речку, постаралась бы найти переход понадежнее. А то ведь сам ее напугал, загнал в ледяную воду и еще упрекает. Но что-то удержало ее от этого объяснения, все-таки она чувствовала, наверно, и свою здесь вину и потому, пересилив обиду, коротко бросила:

– Ладно! Я уж сама как-нибудь...

Однако в голосе ее уже слышались слезы, видно, он почувствовал это и смолк,

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru снова взглядевшись в сумерки. Что-то там вроде серело в отдалении, но она не могла различить что, – одубевшими пальцами она вытирала глаза.

– Постой! – сказал он. – Гляди, стожок вроде? Действительно! А ну бегом!

Она тоже различила в сером ветреном сумраке сизые копны стожков на болоте возле кустарника. Передний стожок был совсем близко, в какой-то полусотне шагов – покосившийся, с заснеженным боком и черной палкой вверху, он явился для нее очень вовремя; ничего лучшего теперь, наверно, нельзя было и придумать. Антон, опередив ее, первым подбежал к стожку и, ощутив его бока, начал энергично выдергивать сено, чтобы забраться внутрь. Подбежав туда же, Зоська сунула в жесткое шуршащее сено свои онемевшие руки. Но пересыпанное снегом, настывшее сено только студило, к тому же оно было туго спрессовано в этом стожке, и Антон, как ни старался, за десять минут сделал лишь небольшое углубление в его боку.

– Черт! Слежалось – не выдерешь. А ну дергай, тут вроде податливей, – указал он ей место в стожке, а сам побежал к следующему.

Зоська, кажется, совсем замерзла, хотя на этой стороне стожка было затишнее от ветра, но мокрые ноги и бедра стыли жестоко. Руки, однако, стали согреваться в сене, из травяных недр которого вместе с душистыми ароматами трав как бы исходило накопленное за лето тепло. Она уже готова была втиснуться телом в небольшое, образовавшееся под ее руками углубление, как издали снова донесся голос Антона:

– Эй, сюда иди! Слышь, топай сюда!

Голос был бодрый, призывный, она сразу почуяла в нем надежду и, бросив на снег горсть сена, побежала к соседним стожкам. Возле одного из них стоял Антон и, махнув ей рукой, тотчас куда-то исчез, вроде бы зашел за стожок.

– Сюда! Лезь сюда, – услышала она, подбежав ближе и едва различив в темноте черную дыру в округлом боку стожка, откуда доносился приглушенный голос Антона:

– Зачем дергать, когда готовое ложво есть. А ну, лезь. Хотя погоди – я вылезу.

Он задом выбрался из сенной норы, и она, недолго раздумывая, нырнула в ее душистую теплоту, обещавшую какое ни есть укрытие от ледящего ночного ветра.

– Вот, будем сушиться. Что – еще холодно? – подобревшим голосом говорил он, забравшись следом и шурша сеном у входа. – Ничего! Надышим, знаешь, как тепло станет! Только ты раздевайся. Раздевайся, раздевайся, скидывай с себя все мокрое. Да, вот еще... На мой кожан – укройся. А я лаз заделаю. Тепло будет, увидишь.

Стуча зубами, она поспешно устраивалась в этом гулко шуршащем, полном травяных запахов укрытии, стараясь не думать о возможных последствиях этой ее ночевки. Кое-как сняла с ног мокрые сапоги, развернула портянки и сунула ноги в ласковое тепло кожанки. Антон тщательно заделывал сеном лаз, и она, недолго размышляя, стащила с себя все мокрое, что только можно было стащить, ту же завернулась в кожанку и, все еще дрожа и крупно вздрагивая, никак не могла найти положения, чтобы скорее согреться.

– Вот это ночлег! – удовлетворенно сказал Антон, с шумом устраиваясь рядом. – А что? Не хуже, чем в землянке, правда?

– Правда, – тихонько сказала она и, подумав, спросила: – А ты... по своему заданию или как?

– Я? – неопределенно переспросил он, подвигаясь поближе, вплотную к ее поджатым ногам. – Да почти что по твоему.

– Это как – вместе, значит, пойдем?

– Безусловно. Не возражаешь?

– Нет, что ты!

Зоська горестно вздохнула. Если бы не те ее нелепые страхи, все могло оказаться удачнее, они бы заночевали в деревне, при людях, а не в этой норе, где хотя и теплее, чем в поле, но... Она, не шевелясь и почти не дыша, скорчилась, забывшись в самый конец этой прорытой кем-то норы. Все-таки было не по себе от этого непривычно близкого соседства с мужчиной. Хотя бы он не начал приставать, она просто не знала, как повести себя с ним. С одной стороны, она была обязана ему, вытащившему ее из воды, устроившему в это убежище, согревшему своим полушубком. А с другой – кто знает, что у него на уме. Надо бы от него держаться подальше и вести себя по возможности строже.

– Ну как, греешься? – заботливо спросил он, придвигаясь поближе. Голос его прозвучал совсем не так, как на пойме, – это был совсем другой голос, с нотками доброты и сочувствия, каким его Зоська привыкла последнее время слышать в лагере.

– Греюсь, – сказала она.

– Скоро согреешься, – пообещал он. – Это я знаю. Как-то заночевал осенью. Дождь шел, промок, сухой нитки не было. А в стогу все обсохло. Лучше, чем на печке в избе. Помнишь Заглядки? – вдруг спросил он без всякой связи с их сегодняшним

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
происшествием, и она улыбнулась.

– А, Заглядки? Как же... Такие вечеринки устраивали там!..

– Вечеринки на славу. Кузнецов это любил. Умел повоевать и погулять любил.

– Так молодой был.

– Молодой, да. Двадцать четыре года.

– Кажется, когда все было. А уж нет ни Кузнецова, ни многих, – горестно вздохнула Зоська.

– Кто знает, может, и нас скоро не будет.

– Нет! – зябко встрепенулась Зоська. – Не хочется об этом думать. Нельзя об этом. О другом надо.

– Это верно, что о другом, – согласился Антон. – Но о чем ты ни говори, как ни отвлекайся, а это в тебе сидит, как присохло. Как хвороба какая.

– Шумит все, – тихо сказала Зоська.

– Ветер. Шуметь долго будет. Зато нас не слышно, заглушает.

– Все равно страшно. Тише надо.

– А ничего. Тут нигде никого.

Оба, замолчав, прислушались, но действительно вокруг было тихо, лишь снаружи глухо шумел в сене ветер. Завернутые в колушк Зоськины ноги стали понемногу согреваться, влажная ткань исподнего помалу теплела, нора набиралась человеческого духа, и усталость сладкой волной расходилась по утомленному телу девушки.

– А знаешь, – сказал вдруг Антон, и она разомкнула смежившиеся было веки, хотя в абсолютной темноте все равно ничего не было видно. – Я помню, как ты была одета. Там, в Заглядках. На тебе было голубое платье в цветочках. Правильно?

– Правильно, – просто ответила Зоська. И платье в цветочках, и тот, единственный с ним танец под балалайку, когда Антон лихо выхватил ее из группы девчат и минут десять молча кружил по избе, она хорошо помнила и теперь радостно удивилась, что это самое вспомнил и он.

– А танцевала ты ладно. В удовольствие.

– Так и ты... Ладный танцор.

– Любил девчат покружить.

– А теперь не любишь?

– Теперь не до того. Теперь самого война закружила.

– А ты это... Забыла, откуда ты родом?

– Да я из Восточной. Борисов, город такой, слыхала?

– Это за Минском, кажется?

– За Минском. А ты местная?

– Из Скиделя. Двадцать восемь километров от Гродно.

– Знаю. Ходил в сентябре. Почти до самого Гродно добрались. Бобики там нас пугнули. В Лососне. А ты с мамой жила?

– С мамой и старшей сестрой. Замужней. А свояка немцы весной расстреляли.

– Хорошо еще, что вас не тронули. Мать и теперь там?

– Там, где же ей быть. С весны не видела, прямо душа чернеет. Как она там?..

– Надо повидаться. Туда же идешь? – спросил он и примолк.

Зоська вся подобралась в темноте.

– А ты откуда знаешь?

– Знаю.

Трудно задышав, Зоська не ответила, и он сказал, как о само собой разумеющемся:

– Что же ты – почти дома будешь и мать не наведишь? Так не годится.

– Знаешь, не совсем дома. Да и другие дела есть.

– Ну, знаю, надавали тебе заданий, надо выполнять. Но и о себе подумать не грех, – сказал он и зевнул. – У меня тоже в Скиделе есть знакомый. Бывший дружок даже.

– Живет там?

– Живет.

– Где, на какой улице? Может, я знаю?

– Нет, ты не знаешь. Он человек новый.

– Ну новых я, конечно, не знаю. Которые приехали в тридцать девятом, те не очень знакомы. Я же перед войной в Новогрудке училась.

– Я и говорю: не знаешь, – сказал Антон.

Зашуршав сеном, он переменял положение и вдруг положил руку на ее плечо. Она испуганно-зябко вздрогнула, сделав слабую попытку отстраниться, но отстраниться было некуда.

– Не надо...

– Теплее будет. А то ты в моем колушке, а мне...

– А тебе холодно?

– Ну так, знаешь... Не очень, но все-таки.

Она промолчала, и он удобнее обнял ее рукой за плечи. Его большое и сильное

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru тело источало приятное для нее тепло, и она, притихнув, почти обмерла под его рукой.

– Экая ты малышка! – переходя на шепот, сказал он с заметными нотками нежности. Ей вдруг стало смешно – никто не называл ее малышкой, – была она хотя и невысокого роста, но крепко сбитой, ловкой девчонкой.

– Я не малышка, – сказала она. – Я, знаешь, сильная.

– Да ну?

– В самом деле. Могу повалить. Даже такого, как ты.

– Как я?

– Ну.

Кажется, это было уже слишком, она шутливо преувеличивала, потому что чувствовала исходившую от него угрозу и неумело пыталась противостоять ей.

– Что, Дозорцев научил? – заинтересованно спросил он. – Самбо?

– Да, самбо.

– Гляди ты! Ну и разведчица!

– А что? Разве плохо?

– Нет, почему же? Еще бы оружие. Но оружия небось не дали?

– Разведчику не обязательно оружие. Лучше хорошие документы.

– Это конечно.

– А у тебя есть документы? У меня какой-то аусвайс потрепанный. Как бы не влипнуть с ним.

– Потрепанный – это хорошо. Надежнее потрепанный.

– По аусвайсу я Аделаида, понял? – сообщила Зоська. – А тебя как по документу?

– А все так же: Антон Голубин.

– А разве не заменили? Полагается же заменить имя и фамилию.

– Зачем менять? У меня документ незаменяемый. – Он тихонько двинул бедром. – Револьвер системы «наган».

– Ой! – удивилась Зоська. – Как же это? А вдруг проверка?

– На случай проверки это понадежнее твоего аусвайса.

Унимая дрожь, Зоська настороженно примолкла – то, что у Антона оказалось оружие, ей не понравилось. Зачем оружие?

Так бы они спокойно пробирались проселками, выдавая себя за селян из какой-нибудь дальней деревни, в случае задержки и обыска – в карманах ничего подозрительного, как и учил Дозорцев. А тут – наган! Как бы через этот наган не провалить задание и самим не погибнуть.

– А в штабе там знают, что ты с наганом?

– Я сам лучше знаю, с чем мне идти.

– Ой, я боюсь...

– А ты не бойся. Ты на меня положишься. Уж мы как-нибудь, – проговорил он игриво и, сжав ее плечи, вдруг поцеловал возле губ.

– Ой! Ты что?

– Ничего, ничего... Знаешь, после той встречи утром я не мог себе места найти.

– Это почему? – в сладком предчувствии спросила Зоська.

– Потому. За тебя испугался.

– О, дурачок! Ну чего ты? – ласково сказала она, невольно прижимаясь к его широкой груди. – Я уже не маленькая. Уже ходила в Михневичи. Помнишь, как там Стукачева повесили?

– Михневичи что? Михневичи тогда рядом были. А тут километров тридцать. По прямой если.

– Так ты за меня испугался? – переспросила она, блаженно улыбаясь в темноте. Это его признание показалось ей таким странным и таким сладостным, что она захотела снова услышать его.

– Ну. А ты это... Уже согрелась, – объявил он, все теснее обхватывая ее за плечи.

Она чувствовала на своем лице его разгоряченное дыхание, сердце ее учащенно забилось, отходящими от стужи пальцами она молча вцепилась в его руки. Но он с настойчивой силой все больше наваливался на нее, руки его скользнули под кожушком к ее бедрам, и она, испугавшись, вскрикнула:

– Ты что! А ну брось! И прочь руки, а то...

– Что?

– Кричать буду!

– Да?

– А ты думал?

– Ну что ж, – сказал он, подумав, и вдруг разнял у нее за спиной свои длинные руки. – Кричать не стоит. Спать будем.

Зоська промолчала, отходя от минутного возбуждения, удобнее закуталась в полу кожушка.

– Ты это не думай. Я не такая.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

- Ладно, – сказал он устало. – Считай, я пошутил. Пошутить же можно?
- Пошутить можно. Но надо знать как.
- А ты, гляжу, злюка.
- Пусть злюка...
- Вот уж не думал.
- Может, пойдешь один? Пожалуйста! Плакать не стану.
- Пока погожу, – не сразу ответил он и умолк. Она тоже умолкла, почувствовав, что такой разговор – почти ссора, а ссориться с ним ей совсем не хотелось.

3

Закопавшись по плечи в сено и вдыхая его крепкий травяной аромат, Антон сделал вид, что засыпает. От Зоськи он даже слегка отстранился, оставляя ее в належенном им углублении. Конечно, вместе под колушкой было бы теплее обоим, но Антон не хотел лезть к ней. Еще подумает, что ему только это и надо, что за этим он и бежал следом, догоняя ее в ночи. Но для него вовсе не это было главное, и не затем он догонял ее, едва не потеряв на болоте. Хотя, разумеется, его, мужчину, влекла ее юная женственность.

Теперь он не помнил даже, когда все началось. Возможно, с той вечеринки в Заглядках, когда он танцевал с нею «Страдание», или скорее с того заполошного дня, когда отряд Кузнецова, оставив обжитый лагерь в Селицком лесу, поспешно перебазировался за болото. На новом месте их встретила промозглая глушь старого ельника. Уходя от преследования, они были голодны и устали как черти. После короткого отдыха командир взвода выделил троих партизан оборудовать отрядную кухню. Двое отправились на поиски чистой воды, а Антон принялся за устройство очага-топки, – под их закопченный таган надо было выкопать яму. Он сразу лихо взялся за дело, угрелся, вспотел и, подумав, что надо снять полшубок, увидел Зоську. Неслышно подойдя к нему сзади, та стояла и улыбалась.

- Что, помогать пришла? – спросил он, тоже улыбувшись.
- Ну, такому помогать! Один справишься. Вон ручищи какие широкие, как лопаты, – засмеялась она, и он почему-то с неловкостью посмотрел на свои испачканные землей ладони.

- На пустой желудок любые руки ослабнут.
- Проголодался, бедненький. На вот тебе...

Зоська шагнула поближе и, протянув маленький белый кулачок, отсыпала ему полгорсти крупного сухого гороха.

- Подкрепляйся, завтрак не скоро.

И снова, как-то загадочно улыбувшись, неторопливо пошла в ельник, где слышались голоса хлопцев, строивших буданы для жилья. Он посмотрел вслед ее маленькой ладной фигурке в сапожках, юбке и какой-то широкой, не по росту, куртке и подумал с завистью: «Славная девчонка!..»

Зоська ушла, похоже, тут же забыв о нем, сразу осажденная другими партизанами – молодыми и постарше, – всеми, кому хотелось обратить на себя минутное ее внимание, потрепаться, тем более что других женщин, кроме ворчливой пожилой Степаниды, в отряде уже не было. Антон не лез впереди других, хотя несколько раз ловил себя на том, что думает о ней.

Однако видел он ее по-прежнему редко. В октябре два взвода из отряда проводили операцию по поджогу Лукьяновского льнозавода и больше недели отсутствовали в лагере, а в ноябре, до праздников, он дважды с группой Момыкина ходил на шоссе добывать боеприпасы и оружие. Возвращаясь со второго задания, группа попала в засаду, их обстреляли на деревенской околице, одного парня убили, а тяжело раненного Момыкина Антон нес на себе километров двенадцать до лагеря, где тот на следующее утро скончался. Хоронили погибших, настроение было паршивое, стало не до этой девчонки, обитавшей при кухне, а потом при штабе, где из нее стали готовить разведчицу. Однажды, правда, встретил на стежке, обменялись двумя-тремя фразами, и все.

Антон по натуре был не из слаонервных, выдержки у него хватало. Засады, бои и постоянные опасности закаляли его, и он не припоминал случая, чтобы растерялся или хотя бы сильно испугался в минуту опасности. Даже на злосчастном том хуторе. Хотя кое-кто в отряде и не прочь был обвинить его в гибели командира отряда, но там он ни в чем не был виноват. Напротив, своей находчивостью он спас четверых, первым выпрыгнув из чердака и крикнув остальным: «Прыгайте!» Хата уже всю полыхала, занявшись с другого конца. Они, задыхаясь в дыму, кое-как отстреливались от наседавших с трех сторон полицаяв, с четвертой ничего не было видно – туда валил дым. Кузнецов с ординарцем редко постреливали из подпола в избе, куда полицаи швыряли гранаты. Наверно, командир был ранен и не смог

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru выскочить, а они, вчетвером, что могли сделать против трех десятков обнаглевших бобиков? Хорошо, дул сильный ветер, который низко стлал дым по огороду. Это их и спасло.

Кузнецова Голубину было жалко до слез, это был смелый и толковый командир. Антон любил его, как только можно любить командира в армии. Отправляясь по делу, в разведку, на боевую операцию или гулянку, тот всегда брал с собой шестерых партизан, в числе которых с лета стал ездить Голубин. Теперь уже от этой шестерки, кажется, никого не осталось...

Очень нелегко было вначале, отряд собирался из разных людей – частью из районного актива, партийцев и НКВД, частью из отступавших красноармейцев, а также приматов и даже нескольких смельчаков, бежавших из немецких лагерей для военнопленных. Многие были без оружия, другие – больные или с незажившими ранами, некоторые роптали на партизанские порядки и начальство, неизвестно кем и когда поставленное. Был один, выдававший себя за майора и требовавший командирской должности. Кузнецов в этих случаях придерживался неизменного для всех правила: отличился в бою – получай командование. И это было верное правило, по крайней мере, так думал Голубин. Сам он до войны несколько лет работал налоговым инспектором в райфо, в армии никогда не служил, но пришлось пойти на войну – стал командиром взвода, затем командиром подрывников и только со смертью Кузнецова снова понизился до рядового. Но он не обижался, стало не до командирской амбиции, важнее было сберечь шкуру, как любил говорить Кузнецов.

К осени, однако, люди в отряде более-менее подобрались, притерлись друг к дружке, можно было воевать с толком. Если бы не эта нелепая смерть командира. Видно, действительно на войне, как и в жизни, последовательно чередуются разные полосы: светлую сменяет черная и наоборот. С сентября отряд вошел в свою темную полосу, и беды так и посыпались на него, одна хуже другой.

Началось с гибели Кузнецова и трех человек его группы. Затем ушла и не вернулась диверсионная группа Кубелкина. Не успели как следует погоревать по ее хорошим, может, самым лучшим в отряде, ребятам, как отряд выступил громить гарнизон на станции и, попав под организованный огонь немцев, понес самые большие потери. Одних убитых в этом бою оказалось столько, сколько их не было за всю весну и лето во всех операциях, вместе взятых. Хлопцы прямо-таки приуныли, хотя и без того настроение в отряде было аховое. У них не было приемника и никакой связи с Москвой, но из разных источников – слухов, случайных немецких газет и сводок Совинформбюро, которые им передавали из отряда Ворошилова, – они с растущей тревогой следили за тем, что происходило.

Как-то поздним осенним утром, сменившись с ночного дежурства, Голубин прилег в шалаше и проснулся от тихого разговора двоих. Он узнал голос Ковша, бывшего милиционера из Вилейки, и того самого майора, который требовал себе командирской должности. Видно, раньше других придя с кухни, они укладывали в сумки свои котелки и разговаривали о Сталинграде.

– Все прет и прет! Ну когда же этому конец будет? – горестно говорил Ковш, стоя на коленях у своей постели из лапника. – Когда же он остановится?

– Теперь чего ж ему останавливаться? – отвечал из дальнего угла майор, пожилой, с отвисшим брюшком мужчина, как оказалось, начфин какой-то разбитой пехотной части. – Теперь ему надо Сталинград взять, чтоб перерезать Волгу. Чтоб бакинскую нефть перекрыть.

– Так разве Баку на Волге? – удивился Ковш.

– Не на Волге – на Каспии. Но путь оттуда один – по Волге. А ну, погляди сюда...

Они умолкли, зашелестев бумагой, и, наверно, что-то рассматривали в ней. По части географии Голубин был не силен и слабо представлял себе расположение нынешнего района боевых действий на юге. Поняв, что у майора оказалась карта, он поднял голову и сбросил с себя кожушок.

– Вот видишь? – водил пальцем по карте майор. Это была маленькая, видно, вырванная из школьного учебника карта европейской части Союза, и они начали разбираться в ней, определяя линию фронта.

Увидев расположение городов, Голубин поразился. В самом деле, он даже не мог представить себе, что Сталинград – в самой глубинке России, что Волга – так далеко за Москвой, что Кавказ – на границе с Турцией, а Баку и того дальше – у самой границы с Ираном. С ума сойти можно – как далеко зашли немцы!..

Несколько дней после этого он ходил, что-то делал, разговаривал или молчал, а из его сознания не исчезал болезненный до спазмы в мозгу вопрос: как Сталинград? Впрочем, он уже знал, что судьба этого города решена, что рано или поздно его возьмут немцы, как они взяли Минск, Киев, Харьков и множество других малых и больших городов, и война на том кончится.

Это было страшно, невообразимо, но, по-видимому, избежать этого было невозможно.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Тогда зачем они тут, в этом лесу? Что им тут делать? И что их ждет в скором будущем?

Но, как он ни думал, душевно изнемогая в поисках выхода, никакого выхода не было. Правда, и Сталинград вроде еще держался. Но сколько он сможет держаться? Все это тревожило, угнетало ежедневно и ежечасно, душа ныла в тревожной тоске на заданиях, в шалаше, все холодные дни и ночи поздней ненастной осени.

А тут еще целиком и бесследно пропала группа Кубелкина. Он не спрашивал Зоську, но догадывался, что девушка шла теперь именно на поиски следов этой группы.

Неладны были дела на фронте, стало не ладиться в их отряде при новом командире, недавнем колхозном председателе Шевчуке. Скверные предчувствия охватывали Голубина. А Зоська во время редких с ней встреч была все та же: улыбающаяся и соблазнительная, что-то сулившая и отказывавшая одновременно. Такой она была и в день ухода за Щару, где уже нашел себе гибель не один партизан их отряда. А Зоська... Догадывалась ли она, что ее ждет по ту сторону речки?..

4

Среди ночи Зоська проснулась, кое-как пригревшись в сене за теплой мужской спиной, сразу напомнившей ей обо всем, что с ними случилось. Чтобы не нарушать мерное дыхание Антона, она кончиками пальцев деликатно коснулась его крутого плеча и усмехнулась себе самой в темноте. Это же надо такому случиться! Выправлялась одна, переживала, страдала от ночных страхов в болоте и не думала, не мечтала встретить тут того самого, кто, кажется, уже заронил в ее сердце маленькую искорку интереса к себе. Все-таки это приятно, когда за тебя кто-то тревожится, переживает и даже готов бескорыстно помочь. Тут, наверно, уже не простое товарищество и даже не дружба, а, наверно, что-то побольше. Может, даже любовь... Все-таки он хороший, этот Антон Голубин, а она уже перестала и думать о нем, хлопоты с этим заданием вытеснили из ее головы все другие заботы, она уже готова была к тому, что никогда больше не увидит его. И вот он явился в трудную для нее минуту и принес с собой радость.

Припомнив теперь его несмелую попытку близости и ее грубоватый отпор, Зоська ощутила неловкость. Все-таки, наверно, не надо было так резко, ведь он с добром, с лаской, а она? Но что она могла сделать! В отряде приходилось быть непреклонной, жесткой и даже грубой – только это помогало ей защитить себя от мужских притязаний.

Что и говорить, очень нелегко девушке среди столько мужчин, где каждый стремится приблизиться, кто действительно затем, чтобы помочь, посочувствовать, переложить на себя часть ее ноши, а кто и с явной или тайной корыстью, имея в виду свое, кратковременное и оскорбительное. Раньше, когда в отряде была Авдоница, ей было легче, две женщины среди столько мужчин старались держаться вместе. Но вот уже месяц, как Авдоницу сманил командир соседнего отряда, начальство сговорилось, да и сама Авдоница была не против переехать в Стебровский лес к бравому командиру десантников. А Зоська осталась. Сперва, когда были раненые, помогала в санчасти, а после того как отряд перебазировался в Сухой бор и стало меньше стычек, работала со старухой Степанидой на кухне, пока вот не понадобились ее услуги Дозорцеву.

Конечно, разведка не кухня, приходилось рисковать головой, но тут было интереснее и, конечно, почетнее, чем на отрядной кухне. Она сразу заметила, что с того дня, как над ней взял шефство Дозорцев, мужчины в отряде стали относиться к ней с уважением – все-таки отряд с октября сидел в лагере, изредка высылая группы подрывников в разные места на «железку», а она уже второй раз шла туда, откуда не всегда возвращались. Даже и тот лоботряс Вырвик, который прежде не упускал случая, чтобы поддеть в разговоре или тайком ущипнуть ее, теперь заметно притих и вежливо здоровался при встрече. И только в глазах этого нагловатого парня она замечала никогда не затухающий огонек озорства, готового прорваться в самый неподходящий момент. (Когда-то она дала ему хороший отпор, и он несолоно хлебавши, с поцарапанной физиономией явился в строй перед командиром отряда, который тут же поинтересовался при всех, чьих это кур ловил ночью Вырвик.) Стараясь не разбудить Антона, Зоська по возможности тише разгрела сено и вылезла босиком из стожка.

Была покойная ночь, снег перестал сыпать, вроде бы тише стал ветер, чуть-чуть примораживало. Вокруг было белым-бело, казалось, празднично прибрано, как это бывает только в первую ночь зазимка. В снежной сутеме терялись заросли мелколесья, на краю луговой поймы тускло дремали осыпанные снегом стожки; только они и были видны на свежем снегу, да еще пестрела вблизи присыпанная снегом трава. Весь остальной мир ушел в зимнюю ночь и притих до утра. Вверху расстилалось облачное, без звезд и луны, небо, которое матово-ровно светилось,

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
наверное, отраженным от снега светом.

Зоська забежала по нужде за стожок и снова воротилась к лазу. В еще не просохшей одежде ее сразу прохватил холод, и она на четвереньках поспешно заползла в нору. Здесь было тепло, дыханием они хорошо нагрели это свое убежище, жаль будет уходить из него. Но уходить надо. Утром они найдут брод через речку, наверно, Антон уж сумеет переправиться так, чтоб обойтись без купания, все-таки он половчее, а главное – посильнее ее. Интересно, однако, сколько ему может быть лет, подумала Зоська. Хотя и так видно, что он гораздо старше ее, наверно, уже лет под тридцать, почти что старик против нее.

Она опять забралась под теплую полу кожушка, Антон, сонно вздохнув, вплотную привалился к ней, и она блаженно притихла, мелко, едва заметно подрагивая и согреваясь. Она уснула, будто сразу шагнув в другой, тягостно-томительный мир снов. Почему-то стало мучительно-тревожно, она неизвестно отчего страдала, хотя долго ничего с ней не происходило, а в сонном сознании все ширилась-росла тревога, причина которой оставалась для нее неясной. Какое-то время, будто помня о яви, она недоумевала: почему так? Ведь все хорошо, плохого пока не случилось, она не одна, с ней тот, о ком она недавно еще мечтала, правда, не Антон, кто-то другой, еще неизвестный, но, несомненно, хороший для нее человек. Но почему-то он был странно неуловим по своей сущности, будто ангел и дьявол одновременно в одном лице, и самым мучительным для Зоськи была эта его неуловимость. Потом неясные душевные переживания сами собой притупились, началась осязаемо-зрительная часть сна. Зоська увидела себя на краю каменистого обрыва в горах, в которых она никогда в жизни не была и даже не знала в точности, как они выглядят. Но теперь она отчетливо видела перед собой голые шершавые камни с острыми краями выступов, за которые она изо всей силы цеплялась пальцами, едва удерживаясь на крутом обрыве, вот-вот готовая свалиться в бездну. Она не оглядывалась, но спиной явственно чувствовала за собой пропасть, куда все больше сползала. Ей надо было хоть на что-нибудь наступить, опереться ногами, она шарила ими по камням, но опоры не было, и ее падение казалось неотвратимым. Она пыталась кричать, но крик не получался, из ее груди вырывалось невнятное глухое мычание, и никто не спешил ей помочь, хотя, знала она, друг ее был где-то рядом. И вот наконец он появился над пропастью, но она не узнала его, это был кто-то другой, чужой и противный, к ней протянулась его рука-лапа с черными медвежьими когтями. Зоська испугалась этой лапы больше, чем пропасти, сдавленно крикнула и сорвалась с обрыва. Несколько секунд перед тем, как разбиться в бездне, она отчетливо сознавала, что погибает, но за мгновение до гибели в страхе проснулась.

Сквозь разворошенное сено в нору пробивался робкий утренний свет и задувал ветер. Зоська вспомнила, где она, отбросила полу кожушка и попыталась вскочить, но лишь села, пригнув осыпанную сеном голову. Антона в стожке уже не было. Еще переживая свой сон, Зоська прислушалась, где-то поблизости раздавались шаги, и она тихонько позвала:

– Антон! Антоша...

– Что, проснулась? А ну вставай! Давай на зарядку!

Медленно отходя от сонного испуга, она стала торопливо собирать свои вмятые в сено пожитки, которые почти высохли, лишь юбка и сапоги были еще сыроваты. Лежа, кое-как натянула на себя юбку и с сапогами в руках выбралась из стожка.

Занималось позднее зимнее утро, над поймой светало, четче обозначились тусклые, неопределенные ночью пятна, какими оказались кустарники, вдали темнела полоса хвойного леса. На покрытой свежим снегом траве стояли четыре стожка, и в одном из них Зоська узнала тот, где они вчера тщетно пытались устроиться на ночь. Возле него, подвернув рукава исподней сорочки, натирал снегом шею Антон. Как только она вылезла из норы, он смял снежок и несильно запустил в нее. Зоська невольно уклонилась, снежок мягко шлепнулся о стожок и распался.

– Быстро умываться, соня! – издали грубовато пошутил Антон. – А то разоспалась, не добудишься. Словно война окончилась.

– Вчера хорошо выкупалась, – сказала Зоська, торопливо натягивая на шерстяные чулки волглые еще сапоги.

– Вчерашнее не в счет. Кто первым снегом умоется, всю зиму простужаться не будет! А ну!

Он поддел горсть снега и, подойдя к Зоське, жестко натер ей лоб и переносицу холодным, сразу растаявшим снегом.

– Ой-ой! Не надо!

– Ничего, привыкай! Пригодится!

Зоська повязала теплый серый платок, украдкой поглядывая на Антона. Ей было немного неловко перед ним за их не совсем обычный ночлег и за свою резкость вчера, но Антон держался деловито, просто, словно они только что встретились, и это успокоило Зоську. Оба будто условились не вспоминать о ночном инциденте,

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru делая вид, что ничего особенного между ними не произошло. Зоське, правда, это удавалось похуже, у него же выходило великолепно. Словно он и не ночевал с ней в этом стожке.

Антон подпоясал военным ремнем свой рыжий крестьянский кожаный, взискательным взглядом сверху вниз окинул фигурку Зоськи, и в его серых глазах появилась серьезность.

– Ну как? Малость подсохла?
– Подсохла. Только вот юбка влажная.
– Высохнет. На морозе все быстро сохнет. Слушай, а пожевать у тебя не найдется?
– Чего нет, того нет, – виновато сказала Зоська. – Я же в Озерках дnevать собиралась. Там бы и покормили.
– Го! Озерки еще вон где. До Озерков полдня топать надо.
– Теперь уже что! Все равно опоздала.
– А тебе от Озерков куда? – спросил он, осторожно скосив глаза.
– Дальше. В сторону Немана. Слушай, в Лунно, говорят, гарнизон? – с тревогой спросила она.
– Гарнизон, конечно. В Лунно ходить нельзя.
– Мне сказали, нельзя. А я думала...
– Нечего думать. Через Неман надо в другом месте переправляться. Тебе же сказали, в каком?
– Сказали, – рассеянно ответила Зоська.
– Вот там и переправимся. Пароль же имеется?
– Имеется, – сказала Зоська и с тревогой в голосе вспомнила: – Слушай, давай спрячем наган. Вон – в стогу. А потом заберешь, а?
– Ну придумала! Зачем прятать? Еще пригодится.
– А вдруг обыск? Ведь если найдут, все пропало. А как это Дозорцев тебе разрешил наган брать?

– Буду я спрашивать Дозорцева! Пока на плечах свою голову имею.
– Ой, боюсь я, – тихо сказала Зоська.
– Не бойся. За меня нечего бояться. Если я сам не боюсь.
– К тому же плохой сон видела.
– Ну и чудачка! – развеселился Антон. – Все равно как бабка какая. А еще студентка, в техникуме училась.
– При чем тут техникум? Просто сон плохой. Неприятный.
– Я вот никаких снов не признаю. Если бы я снам верил, давно бы копыта откинул.
– И тебе ничего не снится?
– Снится, почему. Всякое. Но я ноль внимания. Куда ночь, туда и сон.

Зоська засунула руки в маленькие карманчики куртки-сачка, невесело поглядывая вдаль, куда пролегал их путь. Все-таки было холодно, и на ветру в непросохшей одежде ее скоро стала пробираться стужа; неволью подрагивая, Зоська едва преодолевала озноб. Конечно, сны – предрассудки, но все дело в том, что в их положении эти нелепые предрассудки очень просто могли обратиться в злую действительность. Месяц назад в Селицком лесу дождливой ночью Зоське приснилось, будто ее настигает овчарка; закричав во сне, она разбудила Авдоницу, с которой спала в шалаше, и та, посмеявшись над ее детскими страхами, сказала, что немцы в такую погоду в лес вряд ли посмеют сунуться. А они рано утром и сунулись, едва не захватив врасплох сонный отряд, хорошо, что мальчуган-часовой выстрелил на опушке, и Кузнецов успел увести людей за болото.

– Что сны! – со вздохом сказал Антон. – В жизни хуже бывает. Вон вчера возле уборной встречаю Куманца, писаря, говорит: «Готовься, Голубин, к бою, на гарнизон пойдем». – «На какой гарнизон?» – «На Деречин, – говорит, – полицаев выкуривать, пособлять первомайцам». Ты слышала: опять, значит, на дядю батрачить. Да еще с таким командиром!

Антон говорил расстроенно, почти сердито, и от этих его слов Зоське стало неловко за в общем неплохого, хотя, может, не видного и не всегда распорядительного нового командира отряда, который ласково называл ее дочушкой.

– Так ему же приказывают. Межрайцентр приказывает. Что он – сам все выдумывает?
– попыталась она защитить Шевчука.

– Приказывают, конечно. И Кузнецову приказывали. Однако Кузнецов был такой, что где на него сядешь, там с него и слезешь. Умел отговориться, людей побережь. А этот туха-матуха: приказали – есть, будем исполнять. А как – у него и в понятии нет.

– Вот ты бы подсказал, – не утерпела Зоська. – Ты же опытный партизан, с самой весны в отряде.

– С весны, да. Навоевался уже – во! – отмерил он себе ладонью до шеи. – Но я что? Рядовой. Мое дело телячье.

– Конечно, какой из него командир! Все-таки он гражданский человек. Хоть и

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
председатель.

– С немцами воевать – не куропаток стрелять. Надо уметь. Их вон сколько наперло. Сила!

Зоська смолчала. Сила – это конечно; она знала, видела и чувствовала эту силу. И как сладить с ней, с этой силой, захватившей половину России, как вернуть все обратно – этого она не могла себе представить. Зато она отчетливо чувствовала, что в этой войне, кроме как выстоять и победить, другого выхода нет. Иначе не стоит и жить, лучше сразу головой в прорву, чтобы не обманывать себя и не мучиться.

Она была маленьким человеком на этой земле, до войны еще только училась в Новогрудском педтехникуме, несколько месяцев работала пионервожатой в глухой сельской школе, жила трудно, едва зарабатывая себе на кое-какую одежду, перебиваясь с картошки на хлеб. Но она верила в лучшее будущее, а главное – в усвоенный ею из книг идеал добра и справедливости, который по-хамски и враз растоптали фашисты. Она их ненавидела, как только можно ненавидеть личных врагов: за то, что они убили ее свояка-учителя, уничтожили всех ее подруг-евреек в местечке, пожгли окрестные хутора и принесли столько горя народу. И она сказала себе, что жить на одном свете с этим зверьем невозможно, что она будет вредить им, как только сумеет, если только они не порешат ее раньше. Чтобы не опоздать, весной, как только растаял снег, она ушла в партизанский лес, и вот уже восемь месяцев для нее нет другой жизни, кроме лесной жизни отряда с ее постоянными опасностями, голодом, холодом, множеством различных невзгод, словом – кроме войны.

5

– Вот и река. Как переходить будем? – спросил Антон, останавливаясь на невысоком, подмытом водой берегу. – Вплавь? Или по воздуху?

Он, конечно, шутил, сдвинув на затылок облезлую, из овчины шапку с оборванными завязками, и она смотрела на темную в белых берегах неровную полосу воды, и та сегодня не казалась ей страшной. Уж вдвоем они как-нибудь переберутся через эту плюгавую речку, едва не утопившую ее вчера вечером.

Тем не менее, как перебраться, еще надо было подумать, и они небыстро пошли вдоль кочковатого, обросшего голым кустарником берега. Ледяные закраины местами были пошире, за ночь их плотно укрыло снегом, на котором кое-где проступали мокрые пятна. В одном месте, где река была уже, крылья льда почти смыкались на середине, но темневшая там промоина указывала на предательскую непрочность этой ледяной перемычки. Надо было искать что-нибудь понадежнее.

– Может, палку какую положим? – неуверенно предложила Зоська.

– И далеко ты достанешь той своей палкой? – сказал Антон, и в голосе его Зоське послышалась легкая насмешка над ее предложением.

– А что! Я вчера перебросила и чуть не перешла.

– Чуть! Чуть не считается...

Зоська подумала, что, наверное, он лучше знает, что следует делать, и больше ничего не предлагала, целиком полагаясь на спутника.

– Чертова речка! – ворчал Антон, пробираясь в прибрежном кустарнике. – И не замерзла как следует, и мели залила. Самое хреновое время...

Время для дальних походов, конечно, было не самое лучшее. Неделю назад ударили холода с ветром, вчера пошел снег, который не переставал и сегодня – снежные крупинки редко, будто нехотя, неслись откуда-то из мутной выси, было неуютно и холодно. Зоська после стожка не переставала страдать от стужи, все время хотелось прибавить шагу, пробежать, чтобы согреться.

Вдруг Антон замер на краю кустарника, тревожно повернув голову, и Зоська услышала впереди тихий, но явственный всплеск воды. Отведя лозину и пригнувшись, Антон вглядывался сквозь заросли лозняка, и снова где-то под берегом всплеснуло раз и второй. Кто-то там был, и они на минуту замерли, затаившись в кустарнике. Но вот по крупному, с вытянутым носом лицу Антона скользнула добродушная усмешка.

– Бобер! Смотри, вылезает...

Встав на засыпанную снегом кочку, Зоська потянулась выше и увидела в отдалении на речном повороте, как что-то живое и мокрое с широкой лопаткой хвоста неуклюже выбралось из воды на полено у берега и, повернувшись, замерло на задних лапах. Антон тихо присвистнул, и зверек, встрепенувшись, поспешно скрылся в дыре, черневшей на оснеженной груде беспорядочно наваленных палок.

– Гляди-ка, устроились! – сказал Антон с восхищением и направился через кустарник к бобровой хатке.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Пусть! Не надо пугать, не надо! – замахала на него рукой Зоська.

– Ничего. Смотри, запруда какая. Вот тут мы и попробуем переправиться.

Действительно, бобры натаскали на береговой мысок изрядную кучку валежника, рогатин, обглоданных, без коры, деревцев, образовавших внушительную, наполовину вмерзшую в береговой лед запруду. Обсыпанная снегом запруда возвышалась над речкой почти на уровне берегового обрыва, и Антон, хватаясь за холодные ветки осинника, осторожно взошел на нее.

– А что? Держит! Ну давай помалу... И не бойся, не бойся, я поддержу! – обернулся он к Зоське. Та тоже ступила одной ногой на голый, присыпанный снегом сук, который угрожающе подался под ее сапогом.

– Ой, скользко!

– Ничего... Давай за мной! Куда я стал, туда и ты ступай.

С трудом и опаской, оскальзываясь и то и дело хватаясь за нависшие с берега сучья, они пробрались по завалу почти до середины реки и остановились. Дальше было метра три темной воды, стремительно мчавшейся мимо крайних, уходящих в глубину палок, и за ней виднелось упавшее с противоположного берега суковатое гнилое бревно, осклизлый конец которого тихо покачивался на течении. Антон примерился, прикинул расстояние до конца бревна, ловчее устроил ногу в упоре.

– Будем прыгать.

– Ой! А вдруг сорвемся?

– Срываться не надо... Первым прыгаю я. И поддержу тебя. Ну!..

Вся куча палок и бревен качнулась, уйдя одним краем в воду, что-то под ногами хрустнуло, Антон вскинул руки и, легко коснувшись притопленного конца бревна, очутился на том берегу.

– Ну?

Расставив удобнее ноги, он ждал, готовый подхватить ее, но Зоська вдруг потеряла решимость, почувствовав, что для такого прыжка у нее просто не хватит силы.

– Не допрыгну...

– Да ну? Допрыгнешь, давай, не трусь! – ободрял он с того берега. Она в который раз примерилась к пугающей водяной ширине, бросая виноватые взгляды на его оживленное, исполненное нетерпения лицо, и не могла решиться.

– Не могу. Не допрыгну...

– Ну что ж, мне обратно возвращаться? – начал сердиться Антон. – Я же допрыгнул, ты видела?

– Так то – ты!

– А ты? Главное – смело! Ну, толчок – и я подхватываю.

Зоська слушала его и сама отлично все понимала, надо было осмелиться и оттолкнуться... Но прежде следовало соразмерить толчок с расстоянием, и всякий раз, сделав это, она обнаруживала, что до бревна не допрыгнет, значит, опять очутится в ледяной воде. А новое купание никак не входило в ее расчеты – хватит с нее вчерашнего, от которого еще не совсем просохла одежда.

– Ах ты, такую твою маманю! – выругался на том берегу Антон и, ломая сапогами лед, решительно шагнул в воду.

Она еще не поняла, зачем он так сделал, и испугалась, увидев его по колени в воде, откуда он требовательно протянул к ней руки.

– Прыгай, ну!

Зоська прыгнула – не на бревно, а в эти его протянутые руки, он пошатнулся, но удержал ее, переступил, едва не свалившись в воду, и сильно толкнул ногами вперед, к самой ледяной кромке берега. Она упала на одно колено, но быстро вскочила и, перепачкав руки, взобралась на невысокий, проросший спутанными корнями берег.

– Спасибо, – смущенно сказала она, глядя, как выбирался из воды Антон. Видно, спешить ему уже не было надобности, обе его ноги до самых колен были мокрые, с левой голы кожа лилась на сапог вода.

– Начерпал, да? В оба? Ну вот... Ты прости, пожалуйста.

– Что делать! Зеленая еще ты разведчица.

Наверно, зеленая, подумала она, отчетливо сознавая свою вину и с неприятностью ощущая едва скрываемое им недовольство. Молча она смотрела, как он, присев на берегу, с силой стацил с левой ноги сапог и выжал на снег грязную, в дырах, портянку.

– Вот так! Теперь оба купаные, – впервые поднял он на нее еще строгий, но уже подобрешший взгляд, и она поняла, что прощена.

– Так широко, что я не могла, – сказала она. – А в другом сапоге как? Сухо?

– В другом сухо, – сказал он. – Левый дырявый, давно воду пускает.

Тем не менее Антон стацил с ноги и правый сапог. Сухую портянку с правой ноги намотал на покрасневшую от стужи левую стопу.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Чтоб обидно не было. Мокрый сапог, зато сухая портянка.

Он уже не злился, и у Зоськи отлегло на душе – все-таки он молодчина, этот Антон Голубин.

– Наверно, замерз? Давай пробежим! – предложила она, но Антон не поддержал ее и неторопливо поднялся с берега, тщательно вытер снегом испачканные в грязи руки.

– Согреюсь. Мороз небольшой.

– Куда теперь – не пойму даже. Пуца там вроде, так?

– Там, – подтвердил он. – Где-то тут должна быть дорога. А тебе куда – на Островок?

– Ага, на Островок. Дозорцев сказал. Там ребята на заставе переправят через Неман.

С этой стороны речки заболоченный берег густо порос кочковатым кустарником, среди которого едва ли не до колен топорщилась пожухлая, засыпанная снегом трава, и они шли, прокладывая между кустов и кочек две пары глубоких следов. Наверно, эти следы следовало как-то замаскировать, но Зоська не знала, как тут их можно было замаскировать, и не удивилась, когда Антон ей сказал:

– Ты иди за мной. Чтоб в один след.

– Правильно!

Болото всюду хорошо промерзло и надежно держало человека, в траве было сухо, мелкие лужицы вымерзли до дна, и под ногами иногда жестко хрупало – нетолстый ледок легко ломался в траве.

– Зоська! – каким-то особенным голосом сказал вдруг Антон и обернулся. Она едва не наткнулась на него сзади и тоже остановилась, уставясь в его озабоченное и даже омраченное чем-то лицо. – Зоська, я должен тебе сказать...

– Что?

– Знаешь... Я – в самоволке, – сказал он и внимательно посмотрел на нее. Она ничего не поняла.

– В какой самоволке? В разведке...

– В том-то и дело, что не в разведке. Я солгал тебе. Меня никто не посылал, я сам...

– Как – сам?

– Сам. Как узнал, что ты идешь на такое дело... Не выдержал. И вот...

Зоська, сдвинув брови, непонимающе глядела в его омраченное переживанием лицо, и смысл его слов не сразу доходил до ее сознания. В самоволке? Почему в самоволке? Почему – она ушла, и он не выдержал? Но вот она стала понимать что-то, и смешанное чувство участия и почти испуга охватило ее.

– Что же ты наделал?

– Вот наделал, – развел он руками. – Теперь поздно переделывать.

– Нет, ты должен вернуться! – спохватилась она. – Что ты! Тебя же за такое дело...

– А тебя? – с какой-то непонятной убежденностью прервал он. – Ты же в первой деревне влипнешь. Пропадешь ни за понюшку.

– Почему? – еще больше удивилась она.

– Почему? Тебе объяснить почему? Что ты умеешь? Перелезть через речку ты умеешь? Обмануть полиция сможешь? На документ свой надеешься? Так первый же бобик все сразу поймет. А ну дай твой аусвайс!

Не в состоянии побороть все растущее замешательство, она сунула руку за пазуху и из специально пришитого для того кармашка в сачке достала измятую книжицу аусвайса.

– Ну вот, – разочарованно сказал он. – Кто так документ носит? Разве деревенские девки так аусвайсы прячут? Надо было обернуть в бумажку да завязать в чистую тряпицу. Да спрятать под седьмую одежду. А у тебя – все наготове. Теперь фотография, – сказал он и умолк, разглядывая фото на документе. – Ну, конечно, сразу видать: паспорт одного возраста, а фото другого. Старое фото с чужого документа. Да и печать... Ну кто так печати ставит! – возмутился он. – Руки бы тому обломать и за порог выбросить. Смотри, даже буквы не сходятся.

Она заглянула в развернутую в его руках книжицу: действительно, поддельные буквы на ее фотографии заметно отличались от действительных на странице аусвайса и шли как-то криво, словно расползаясь от влаги. Хотя вчера аусвайс она не замочила нисколько.

– Ну, видишь? Как за тебя не бояться?

Похоже, он был в чем-то прав, ее подготовили не слишком тщательно, и она очень легко может влипнуть. Но как и чем оправдается он? Ведь целая ночь отсутствия в лагере не останется незамеченной. Как тогда он объяснит эту свою отлучку? Тревогой за Зосю Нарейко? Не будет ли это смешно и нелепо? И кто в это поверит?

Ошеломленная свалившимся на нее открытием, Зоська прислонилась спиной к ольхе и стояла, не в состоянии придумать что-нибудь путное. Она только смотрела на свой злосчастный аусвайс с такой малоудачной фотографией, оторванной от ее довоенного

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
студенческого билета.

– Так что же нам делать?

Антон слегка примял сапогами черный полегший папоротник и пожал плечами:

– Пойдем вместе. Авось я обузой для тебя не стану.

– Ты обузой не станешь, наоборот! – заверила Зоська. – Но...

– Вроде муж и жена, идем в Скидель к матери. Там действительно у тебя мать, могут проверить.

– Ну что ты, какая жена?..

– Не хочешь женой – сестрой будешь. А что? Вдвоем, знаешь, надежнее.

– Это да. Но...

– Хочешь сказать, как в отряде потом?

– Ну.

– Видно будет. Авось оправдаемся. Ты же меня защитишь?

Зоська все не могла взять в толк, как ей следовало поступить, на чем теперь настоять и даже что сказать Антону. Конечно, смысл его сумасбродного поступка не оставлял сомнения, что он сделал плохо и что по возвращении не избежать скандала. Антон поступил неправильно и даже преступно, самовольно оставив отряд. В какой-то мере его оправдывало лишь то обстоятельство, что отправился он не на пьянку на какой-нибудь хутор, не на гулянку, а пошел с ней на опасное дело, откуда неизвестно еще, как воротиться. К тому же этот его почти безрассудный риск из-за опасения за ее жизнь ошеломил Зоську. Еще никто в ее жизни не пытался сделать ничего подобного, и это сильнее всего связывало ее решимость, делая невольной соучастницей Голубина.

– Ну что задумалась? – нарочито бодрым голосом сказал Антон. – Нечего думать. Теперь уж я тебя не оставлю. Пойдем вместе. Или ты против?

– Я не против, Антон. Наоборот. С тобой мне, сам понимаешь... Но...

– Всяких «но» хватает. Теперь не будем о «но»... Холера, все-таки нога мерзнет, – сказал он, притопывая левой, мокрой ногой. – На Островке скажешь, что послали вдвоем. Ты – старшая, я в подмогу. Пропуск дали?

– Пропуск-то дали...

– Вот и добро. Переправимся, а там посмотрим. По обстоятельствам.

Он опять становился уверенным и даже оживленным, будто впереди не было смертельной опасности, а в отряде не ждали его неприятности по возвращении из самовольной разведки. Но что делать – действительно она не могла его прогнать от себя, да и не имела никакого желания делать это. Она вспомнила свое одинокое блуждание вчера по болоту, и ей стало тоскливо. А каково одной, по ту сторону Немана, в незнакомых, набитых полициями деревнях.

– Нечего раздумывать, – подбодрил он и положил большую руку на ее плечо. – Пошли!

Чтобы окончательно вывести ее из состояния подавленной озабоченности, он шутиливо толкнул ближнюю березку, и целое облачко снежинок сыпануло на обоих. Зоська слегка вздрогнула, но даже не улыбнулась, и он, надев рукавицу, небыстро пошел между зарослей, прорывая сапогами глубокий след в засыпанной снегом траве.

6

Антон знал: тут где-то была дорожка, месяц назад он возвращался по ней из Заречья, но теперь дороги нигде не было видно, прямо-таки становилось удивительно, куда она могла деться. По скользкому от снега травянистому склону они поднялись к опушке хвойного леса, слегка углубившись в который и не найдя никаких признаков дороги, Антон круто взял в сторону и так редким сосняком прошел с полкилометра, пока не уперся в овраг. Стоя над его крутоватым обрывом, поросшим кустами орешника, он дождал отставшую Зоську.

– Где-то была дорога. И нет...

– Спросить... – устало произнесла Зоська и осеклась: у кого тут можно было спросить?

Конечно, дорога – не иголка в сене, где-то она найдется, но Антону жаль было времени, немало которого ушло на это дурацкое блуждание, когда впереди еще столько дел и забот. Правда, он мог бы идти и быстрее (он вообще ходил быстро), но Зоська стала отставать, все-таки ее шаг не сравнить с его метровым шагом. Девушка, видно, наконец согрелась, светлые прядки ее волос выбились из-под серого теплого платка и прилипли к вспотевшему лбу, все лицо зарделось и маково горело с усталости.

Антон постоял, подумал, но в овраг не полез – пошел по его краю, сбивая сапогами снег с низких деревьев можжевельника. В лесу стало теплее, ветер стих, лишь голые верхушки орешника легонько покачивались на той стороне оврага.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Высокие сосны с посеребрёнными снегом ветвями чуть шумели вверх. Конечно, он знал направление и мог идти на Островок лесом, напрямик, без дороги, но все-таки до Островка было километров восемь, и он не хотел мучить Зоську. Наверно, где-то поблизости, может, даже в том месте, где кончался овраг, и была дорога, не сквозь землю же она провалилась.

Они, однако, еще не дошли до конца постепенно мелевшего оврага, как Антону показалось, что где-то слышны голоса. Он остановился, послушал, оглянулся на Зоську, – та тоже настороженно вслушивалась. Вскоре их слух различил в лесном шуме несколько невнятных звуков – несомненно, где-то поблизости негромко разговаривали люди.

– Ты постой тут, – сказал Антон Зоське, а сам помалу пошел от оврага в глубь леса.

Сосны росли негусто, меж их голых снизу стволов было бы видно далеко, если бы не частые заросли можжевельника и хвойного подростка, привольно раскинувшиеся на нижнем ярусе леса. В этом сухом зимнем бору подрост был неплохим укрытием на случай преследования, засад и слежки. Антон маскировался в нем, переходя от куста к кусту, ненадолго останавливаясь и слушая. Голоса временами пропадали совсем, но вот снова раздались чуть в стороне от избранного им направления, и Антон затаился за корявым комлем сосны. Похоже, чтоб здесь были немцы или полицаи, подумал он, скорее всего, крестьяне или соседи из отряда имени Ворошилова. Но теперь он не хотел встречаться ни с кем. Да и Зоське такие встречи совсем ни к чему, им надо было идти скрытно, встречая как можно меньше людей.

В бору под кронами сосен снега было немного, местами он едва припорошил серый, усыпанный хвоей мох, который делал неслышными шаги человека. И все-таки следовало быть настороже. Остановившись за очередной сосной, Антон вынул из брючного кармана наган и, расстегнув на две верхние пуговицы колушек, сунул наган за пазуху.

Людей он увидел неожиданно близко, как только обошел край молодого густоватого березняка, через который не стал продираться, и свернул в сторону. Сначала бросилась в глаза рыжая лошадь, понуро стоявшая в упряжи в двух десятках шагов от него, за ней на санях с подсанками сидела, отвернувшись, женщина в коричневом, с черным воротником полушубке, и возле, нагнув голову, стоял мужик в серой суконной поддевке, сосредоточенно наблюдавший за тем, чем занималась женщина. Рядом на снегу лежала свежеспиленная сосна, уже раскряжеванная, с обрубленными сучьями, и Антон догадался, что, по всей видимости, это – деревенские, приехали запастись дровами.

Сохраняя, однако, осторожность, он вышел из-за березняка на открытое место и спокойно направился к людям. Сидящая спиной к нему женщина не могла видеть его, но мужчина, наверно заслышав шаги, вскинул голову.

– Добрый день вам, – спокойно сказал Антон, подходя ближе, и мужчина поспешно снял ногу с саней, уставясь в него слегка удивленным, даже испуганным взглядом. Это был молодой крепкий парень с легкой порослью на подбородке, в черной шапке-треухе. Из-под поддевки на нем были видны поношенные армейские бриджи с характерными нашивками на коленях, и Антон с неприязнью подумал: примачок, наверно?

Похоже, так и было в действительности, парень держал в руке ломоть хлеба с салом, которым его угощала женщина – шустрая черноглазая молодка, недобро и без страха поглядывшая на Антона. Тут же была и дорога с единственным на снегу следом от этих самых саней.

– Добрый день, – настороженно ответил примак, все держа в руках увесистый ломоть хлеба с положенным на него куском сала.

Теперь уже оба они встревоженно смотрели на Антона, который сказал как можно спокойнее:

– Дровишки заготовливаете?

– Приходится, – сказал примак и положил на колени молодки хлеб, который та сразу прибрала в белую холщовую сумку.

Антон подошел ближе и ногой в сапоге тронул толстый сосновый комель, едва шевельнувшийся на снегу.

– Ну и толщина! Как вы осилили такую?

– Во, два мужика, да каб не осилили! – неожиданно словоохотливо отозвалась молодка. Из хвойного подростка, подпоясывая веревкой ватник, выходил еще один мужик, значительно старше первого, с коротенькой, густо посеребрённой ранней сединой бородкой.

– На строительство, наверно? – догадался Антон.

– Подруб под хату. Сгнила, знаете, товар был не тот. Известно, при царе еще строились, – доброжелательно, без тени настороженности заговорил подошедший и

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru после недолгой паузы осведомился: – Издалека будете, пан-товарищ?

– Издалека, – сказал Антон, сразу отметив про себя эту неуверенность бородача относительно «пана-товарища». Однако вносить какую-то ясность Антон не собирался: – А вы откуда?

– Да вон из Стеблевки.

– Ну, из Стеблевки мы, – подтвердила молодка.

Примак молчал, продолжая исподлобья изучать непрошеного лесного гостя.

– А он тоже из Стеблевки? – спросил Антон, кивнув в его сторону.

– Тоже, ага. Муженек мой, – заулыбалась молодка, соблазнительно поигрывая ямочками на щеках.

– И давно муженек?

– Не-а. Вона на Спаса поженились.

– Понятно, – сказал Антон и, взглянув на прикрытую полой полушубка холщовую сумку со снедью, подумал: угостят или нет? Хотя, наверно, пока не определяют, пан он или товарищ, не удосужатся.

Но он не торопился определяться, он смотрел на молодку с симпатичными ямочками на щеках и на ее муженька, совсем еще молодого парня, который, если бы не война и некоторые сопутствующие ей обстоятельства, наверно, еще бы повременил с женитьбой. Молодка же с такой влюбленной ласковостью поглядывала на него, что Антону стало завидно. Черт возьми – идет война, гибнут, страдают люди, а эти вот женятся и еще надумали менять подруб. Не промах, однако, этот малый в поддевке.

– Ну ешь, ешь, Петя. На вот тебе с любовинкой, – домашним голосом ворковала молодка.

Антон отвернулся.

– А Стеблевка эта ваша где? В какой стороне? – спросил он бородатого.

– А вон, аккуратно на взлесси. Вон тут недалечко.

– А туда что будет? – кивнул он в противоположную сторону, куда уходила не тронутая санным следом дорога.

– А туды Замосье, Гузы... Потом эта, как ее... – замялся бородатый.

– Ну, Суглинки еще, – подсказала молодка.

– Да не Суглинки, Суглинки вон куда, в сторону. А туда Загладина, вот!

– И Загладина, и Суглинки, и Островок – все в той стороне, – настаивала на своем молодка, не слезая с саней.

Ее примачок принялся молча жевать, все еще бросая сторожкие взгляды на Антона. Антон смекнул уже, в каком направлении следовало держать путь, и, чтобы не выдать своего намерения, о деревьях больше не спрашивал. Спросил о другом:

– Чужие в деревне есть?

Бородатый с примачком переглянулись: молодка стрельнула в него недоуменным взглядом.

– Так ето, знаете, пан-товарищ, – замялся бородатый, – это как посчитать.

Если... Если немцы, так нет вроде, а полицейские бывают. И партизаны бывают.

– Понятно, – сказал Антон. – Угостили бы хлебушком, что ли.

– Ай, так у самих мало, – неопределенно завозилась с сумкой молодка, но достала горбушку и, отрезав от нее нетолстый ломоть, протянула ему.

– А сальца там не найдется?

– Ну какого еще сальца? Самим вот по ковалочку...

– Маня, дай человеку, – с нажимом сказал бородатый, и Маня, не вынимая руки из сумки, отрезала там небольшой, длинноватый ломоть белого, наверно свежей заготовки, сала.

– Вот теперь спасибо, – сказал Антон.

– Извиняйте, мы это самое... Думали... – начал и замялся бородатый.

Ни черта вы не думали, подумал Антон, пожалели просто. Не потребуешь, не дадут, это уже он понял давно. Он снял рукавицу и затолкал хлеб с салом в карман кожушка. Бородатый, однако, оказался неробким мужичком; снизу вверх он открыто и безбоязненно ел взглядом Антона, видно по всему, не прочь поразговаривать со свежим человеком. Он только не мог взять в толк, кто этот человек и как следует вести разговор. Наконец он не выдержал.

– Вы, ето, извините, однако интересно: партизан вы или, может, из полиции будете?

– А почему ты так спрашиваешь? – удивился Антон его несколько прямолинейному в такой обстановке вопросу.

– Ну, вижу, оружие у вас. Оружие оно, конечно, в моде теперь, но...

Антон машинально сунул руку за пазуху, подальше задвигая рукоятку нагана. Все трое с недожеванными кусками во рту ждали его ответа.

– А я – человек. Человек просто. Это что – плохо?

– Оно не плохо. Но, знаете... Теперь не бывает так.

– Вот он же, наверно, тоже не партизан? – указал Антон на примолкшего примача.

– И вроде не полицейай еще. И живет ведь? И, вижу, жить собирается, раз надумал

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
строиться.

– Эт! – пренебрежительно махнул рукой бородатый и поддернул штаны. – Какая это жисть! Разве это жисть? Днем бойся, ночью бойся...

– А чего ж он не возьмет оружие? Да не пойдет в лес? Чтобы не он, а его боялись?

– Во! Во! Во! – вдруг недобро закудаhtала молодка и соскочила с саней. Отставив упитанный зад, сварливо выгнулась перед Антоном, замахала руками. – Во! Во! Я так и знала, агитаторщик! Он его соблазнять буде. И слушать не слушай его! Ого! В лес! А может, у него характер не той? А может, он убивать не хочать? Он тихий, он курицы не обиде, а то у лес!

– Да ладно ты! – лениво протянул молодой увалень, и щеки его покраснели, наверно, от этого непрошеного ее заступничества.

– А вот и не ладно! Тоже мне – партизанщик нашелся! – все больше распалялась молодка. – Сам, как недобитый волк, по лесу шастае и других сманивае. И еще хлеба ему давай... Иди откуда пришел!

– Ма-аня, да стихни! – снова проворчал примак. – А то вот возьму и надумаю... Маня на секунду оторопела.

– Ах ты, недоносок! Попробуй мне! Я тебе надумаю! Я тебе покажу! Давно тебя от Параски отвадила, так теперь в лес...

Начиналась семейная ссора, слушать которую Антону было ни к чему.

Воспользовавшись тем, что молодка переключилась на своего муженька, он повернулся и пошел прежним следом назад. Они там ругались, но он не оглядывался, он думал: странная это штука – война. Он давно уже не слышал такого вот сварливого бабьего крика и отвык от каких бы то ни было семейных отношений, почти уже забыл, как огорчали его частые ссоры матери с женой старшего брата, как они ремонтировали свою хату в местечке, меняли этот самый подруб и перекрывали одну сторону крыши дранкой. Последние предвоенные годы он метался по деревням, взыскивал с крестьян налоги, зарабатывал не так много, но на хлеб и на водку хватало. У него была масса знакомых в районе, не было отбоя от девчат, каждая из них, наверно, с радостью пошла бы за него замуж. Но жениться он не спешил, ему хватало их без женитьбы, считал, еще успеется. Дома с небольшим хозяйством, коровой и огородом управлялась беспокойная, работающая мать, переночевать и поесть он мог в любой знакомой деревне, работу свою в общем любил, хотя она и доставляла ему немало беспокойства, но он чувствовал, что подходил к ней характером, не робел, как другие, когда надо было проявить твердость и взыскать с разгильдяев в пользу государства столько, сколько принадлежало тому по закону. Спуску он никому не давал, и его за это уважало начальство в районе, колхозники тоже уважали или, может, побаивались, но для него это было одно и то же. Хуже было с теми знакомыми, которые от него не зависели и над ним не стояли, такие почему-то недолюбливали и сторонились его, но ему на них было наплевать, он с ними не знался. К тому же он имел собственную голову на плечах и не хуже других понимал, что хорошо, а что плохо. Потому старался жить по своему разумению, насколько это, конечно, было возможно, и не терпел, когда его вынуждали поступать вопреки его воле. Правда, с началом этой проклятой войны все пошло вверх тормашками, все не так, как он думал. Началось с того, что кто-то на исходе прошлой зимы в окно хаты Голубиных тихонько постучал ночью. Антон открыл дверь, и в кухню вошел человек шесть с оружием. В переднем он не сразу узнал районного начальника НКВД, с которым до войны был в некоторой дружбе и думал, что тот теперь где-нибудь далеко на востоке. Но он оказался здесь и в тот свой приход предложил Антону вступить в партизанский отряд. Антону это мало понравилось, он уже примеривался к новой работе – механиком на лесопилке, но, прослышав, что в отряде много знакомых, решил, собрал сидор и несколько дней спустя был в условленном месте на краю пуши. Первое время он занимался ремонтом трофейного оружия, а потом и сам взял в руки винтовку. Потом понеслось – завертелось: стал командиром взвода, телохранителем у командира отряда и вот докатился до рядового, а теперь, словно оголодалый волк, как та молодка сказала, шастает по темным лесам.

Он размеренно шагал между сосен к оврагу, и в нем все росла подступившая к самому сердцу тоска по самой обычной, серенькой, как у всех или у большинства, мирной, обывательской жизни под крышей, своей семьей, с такой вот шустрой молодкой рядом, чтоб без страха, войны, крови – в добре и мире.

Но он только вздохнул на ходу – так это было далеко и несбыточно. Хорошо мечтать о такой жизни тому, у кого есть хоть какая-нибудь гарантия относительно жизни вообще – у него же не было даже такой гарантии. Не сегодня, так завтра горчая пуля распластает его на снежной траве, и дело с концом.

Хорошо, если похоронят по-людски. А то никто и не найдет, и он будет лежать под снегом до самой весны. Если оголодалые за зиму волки и лисицы не растаскают его

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
длинные кости по своим лесным норам...

Зоську он увидел еще издали, та терпеливо дождалась его на краю оврага, где он оставил ее, и Антон, остановившись, махнул два раза рукой – давай, мол, сюда.

7

Они взяли чуть в сторону от оврага и скоро вышли к неширокой лесной дорожке, присыпанной свежим нетронутым снегом. Антон глянул в один конец дороги, в другой, саней отсюда не было видно, и он уверенно свернул направо, оставляя позади широкие следы на снегу, в которых желтел дорожный песок.

– Вот, разжился, – сказал Антон, вытаскивая из кармана обкрошенный кусок хлеба. – Молодка не хотела давать, вредная баба. Едва выцыганил.

Зоська невольно сглотнула слюну, получив в руки половину ломтя свежего крестьянского хлеба с узким кусочком сала.

– Вкусно как пахнет! – понюхала она хлеб. – Вот любила такой – на кленовых листочках. Мама пекла.

– Ешь! – просто сказал Антон, с аппетитом задвигав челюстями.

Зоська наконец согрелась, идти по ровной дороге было несравненно легче, чем продираться в кустарнике, она расстегнула верхнюю пуговицу плюшевого сачка и ослабила узел платка на шее. Хвойный оснеженный бор едва слышно шумел на ветру, в воздухе кружились редкие снежинки. Было тихо. Где-то раздавалась прерывистая дробь дятла, но Зоська не обращала на нее внимания, она то и дело поглядывала вперед, куда, извиваясь, уходила дорожка. Туда же устремлял свой взгляд и шагавший впереди Антон, так просто и естественно взявший на себя часть ее дорожных забот и связанных с ними опасностей. Все это в другой раз могло бы порадовать Зоську, но теперь мало радовало, скорее наоборот – она все еще не могла освободиться от терзавшего ее беспокойства. Правда, за себя она меньше боялась – теперь она беспокоилась за Антона.

– Слушай, возвращайся назад. Тут я уже сама выйду, – сказала она, идя сзади, и Антон на ходу обернулся.

– Зачем? Я проведу.

– До Немана, да?

– Там будет видно, – уклончиво ответил Антон, и она не стала настаивать – почувствовала, что он ее не послушается. Она понимала, какими неприятностями угрожало обоим это его упрямство, но противиться ему не могла. А может, и не хотела даже.

– Там приехали за сосной. На подруб, – кивнул Антон, слегка придерживая шаг. – Примачок такой и молодайка. Война войной, а они строятся.

– Да разве мало таких! Думают, отсидятся, переждут. Пусть за них другие воют, – неодобрительно сказала Зоська, и Антон внимательно посмотрел на нее.

– Оно конечно, – согласился он. – Да всем жить хочется.

Жить хочется всем, подумала она, но, пожалуй, не в этом дело. Разве не хотят жить те, кто гибнет с оружием в руках, кого арестовывают и расстреливают за связь с партизанами, наконец, те несчастные, которых уничтожают только за их происхождение? Разве не хотел жить ее свояк Леонид Михайлович, преподаватель математики в местечковой школе, человек совершенно безропотный и безотказный, до предела затурканный своей властной женой, родной сестрой Зоськи? Казалось Зоське, тихо презиравшей свояка за эту его безхребетность, что он с легкостью проживет при любой власти, вытерпит все, никому не пожаловавшись и даже ни на кого не обидясь. Но вот не удалось прожить Леониду Михайловичу даже первую военную зиму – в марте его уже арестовало гестапо.

Зоська до сих пор не может себе представить, какую провинность перед немцами совершил Леонид Михайлович и за что они расстреляли его. Но, по-видимому, что-то было, иначе бы он так не простался с женой, детьми и с Зоськой при аресте – простался, уходя навсегда, со спокойным сознанием правомерности ареста и неотвратимости своей злой судьбы.

Узкая лесная дорожка вывела их на широкий прогал с большаком и линией связи, под острым углом пересекавший их путь. Там уже издали были заметны какие-то следы от полозьев или колес, по обочине кто-то недавно прошел, оставляя неглубокие ямки в снегу. Антон только вышел из-за придорожных деревьев и сразу же повернул обратно.

– Давай стороной. Ну ее, эту дорогу... На ней всегда опасайся...

Они сошли в лес, пробрались через колючую чащобу молодого сосняка и пошли лесом поодаль от большака, однако не теряя его из виду. На большаке было пусто, продираться же через хвойные заросли стоило невероятных усилий, кочковатая лесная земля, с пнями, порослью жесткой травы и валежником, весьма затрудняла

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ходьбу, и Зоська подумала: может, стоило все же рискнуть и пойти большаком. В самом деле, она уже здорово притомилась в этом бездорожье и едва поспевала за Антоном, широкая спина которого, то склоняясь, то выпрямляясь, мелькала впереди в зарослях. Зоська намерилась было окликнуть его, но воздержалась, подумав, что хорошо ей с документом и пропуском, а каково будет ему в случае встречи с полицией или немцами? Один его наган может погубить обоих. И она молчала, терпеливо пробираясь по его следу в немыслимо колючей хвойной чащобе, из которой они наизволок спустились во мшистую, заросшую мрачными елями низинку. Тут было тихо, темно и диковато, как в погребе. Вдруг Антон замер впереди меж двух обомшелых елей, и Зоська затаила дыхание: со стороны дороги слышался приглушенный гул моторов, он приближался, с ним вместе донеслись голоса, мужской смех. Антон предостерегающе вскинул руку.

– Слышь, немцы...

Зоська прислушалась – гул недолго подержался на одной ноте за ельником и постепенно стал слабеть в отдалении. Похоже, действительно, это проехали немцы, и она подумала: хорошо, что Антон вовремя свернул с дороги. Так безопаснее, хотя и труднее. По-видимому, дороги теперь не для них.

Потом они, кажется, все-таки потеряли большак из виду, потому что за час с лишним лесного пути до них не донеслось ни одного звука, да и все прочие признаки дороги исчезли. Зоська уже потеряла всякое представление о местности, никак не ориентируясь в этом диком лесу и полагаясь только на Антона. Они перешли вырубку с рядами штабелей заготовленных сосновых коротышек, перелезли широкий крутой овраг, с ужасно скользкого склона которого Зоська съехала на зад, а потом едва взобралась на противоположную кручу. Рукава сачка, коленки и юбка снова насквозь промокли, вываленные в снег. За оврагом большой лес кончился, началось мелколесье, стал задуть ветер, в котором по-прежнему носились редкие предзимние снежинки. Небо недобро нахмурилось, стало холоднее, но по каким-то неуловимым признакам чувствовалось приближение реки, рельеф заметно пошел под уклон. И вот впереди между привольно разбежавшихся по склону сосен засерело пустое, притуманенное снегопадом пространство. Воды еще не было видно, но лес кончался, и Зоська поняла: они выходили к реке.

«Молодец, правильно. Не заблудился!» – с удовлетворением подумала она про Антона, бегом догоняя его.

– Ну вот, пожалуйста. Вышли! – указал он рукой на открывавшуюся панораму реки.

Они не спеша обошли крайние молодые сосенки и остановились на обрыве. Внизу у их ног мощно гнал студеные воды Неман.

Несколько раз в детстве Зоська видела эту реку в летнее время, и та не произвела на нее впечатления – изрядно обмелевшая, с песчаными залысынами берегов, она казалась тогда неширокой, спокойной и, в общем, какой-то районной, средней величины речушкой. Теперь же вид ее преобразился до неузнаваемости, словно это была другая река; раздавшаяся от обилия осенней воды, со стремительным и мощным течением, она таила в себе какую-то злую, прямо-таки угрожающую силу. Во всю ее обозримую ширь и длину сверху шло сало – густое крошево льдин с обтертыми, словно в застывшем жиру, краями, которые непрерывно плыли и плыли по водной поверхности, сталкиваясь, расходясь и кружа, и тихий, но властный шорох стоял над рекой. Обрывистые лесные берега почтительно и широко расступались перед напористой мощью стихии, безразличной к их спокойной растительной жизни и занятой только собой, своим вечным движением к морю.

– Островок, кажется, выше будет. Мы ниже вышли, – сказал стоявший рядом Антон.

Очарованная мощным видом реки, Зоська минуту не могла оторвать от нее взгляда, думая про себя, как же им переправиться через этот ледяной поток? Где находится Островок, она не задумывалась, – она уже привыкла, что в таких вещах Антон разбирается лучше, тем более что осенью он исходил тут все стежки-дорожки. Не спускаясь к воде, они пошли верхом по прибрежному обрыву в поисках этого самого Островка.

– Значит, так, – обернулся в ее сторону Антон. – На заставе там Петряков. Или, может, сержант из десантников. Тот, которого летом под Зельвой подобрали. Так вот, ты сообщишь пароль и скажешь, что идем вдвоем. Поняла?

– Значит, ты не вернешься?

– Ты слушай меня. Говори так. А потом сообразим-посмотрим.

Зоська не возражала, кажется, она уже потеряла способность возражать этому человеку, все у которого получалось лучше и сноровистее, чем у нее. Он явно забирал у нее инициативу в этом ее выходе, но она не тревожилась – пусть! Видно, во всем, что касалось войны, он был поопытнее ее.

Однако по берегу они прошли километра два, прежде чем увидели на речном изгибе притопленный половодьем Островок, поросший голым теперь лозняком. Неман тут расходился на два рукава, главное его русло обегало Островок с той стороны, а протока у этого берега была густо забита льдом, заторенным в узкой водяной

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru горловине. Чуть ближе в лесном берегу зияла огромная промоина-овраг, из которого вырывались по ветру едва заметные на притуманенном фоне леса серые клочья дыма.

– Дымят, – сказал Антон. – Наверно, печку раскочегарили.

Не успели они подойти к устью оврага, как откуда-то из-за кустов навстречу выбежала суетливая, черная как уголек собачонка и с ужасающе злым лаем набросилась на Антона. Антон остановился, притопнул ногой, но собачонка и не думала униматься и, только когда он подхватил из-под ног камень, бросилась назад к оврагу. Однако оттуда по стежке уже спускался небритый, в стеганых брюках и в какой-то самодельной безрукавке пожилой человек с обвязанной шеей. Он негромко прокашлялся, успокоил собаку.

Антон уважительно поздоровался:

– Здравствуй, Петряков.

– Здорово, здорово, – глухим голосом ответил мужчина, стоя на обрыве. За его спиной виднелась дощатая дверь в землянку, ржавая труба над которой коптила сизым дымком.

Антон пропустил вперед Зоську.

– Говори пароль.

Она и сама знала, что прежде надо сообщить пароль, но то ли это надлежит сделать сейчас или потом, она позабыла. Как всегда, выручил Антон.

– Привет вам от Мироныча, – сказала она, выжидательно глядя на худое, серое, в недельной щетине лицо Петрякова. Тот, тихо крикнув, проговорил отзыв:

– Давненько с кумом не виделись.

Кажется, все было правильно, пароль и отзыв сошлись. Зоська облегченно вздохнула и тут же решила спросить, как насчет переправы, да Петряков обернулся к землянке.

– Это... Сюда идите. Цыц ты, шварка! – прикрикнул он на собачонку, которая снова попыталась наброситься на Антона. Зоську она игнорировала, Антона же явно возненавидела с первого взгляда.

– Вот, пройдите пока... Вот сюда, – отворил Петряков подвешенную на ремешках дощатую дверь землянки, из которой пахнуло теплом и дымом.

Зоська и следом за ней Антон, пригнувшись, влезли в крохотную, выдолбленную в овражном склоне земляночку с обломком стекла в двери вместо окошка, топчаном и хорошо накаленной железной печкой, дым из которой почему-то упрямо не хотел идти в трубу и то и дело валил внутрь. Петряков протер пятерней слезящиеся глаза и взял с пола сапог с потянувшейся следом дратвой.

– Вот зашить надо... А вы, это, садитесь, – указал он на топчан, пристраиваясь сам на чурбаке возле печки. – Пока Бормотухин лодку пригонит.

Они сели, Зоська поближе к печке, Антон – у двери. Антон беглым взглядом окинул жилище.

– А где же начальник твой?

– А нет начальника, – сказал Петряков, с усилием прокручивая шилом дыру в заднике.

– Как? Был же сержант этот. Кажется, из десантников.

Петряков невозмутимо прокашлялся, сплюнул в угол за печку.

– Был. Попался сержант. Теперь я вот.

– Ах вон как...

– Так вот. А вы туда? – поднял он на Зоську измученный взгляд покрасневших от дыма глаз.

– Туда, – скупно подтвердила Зоська.

Петряков, сжимая в коленях головку сапога, тихо вздохнул:

– Да-а-а...

– А что? – не поняла Зоська.

– Да ничего, что ж... Вчера вон возвращались хлопцы из Чапаевского. Двое. Третьего привезли в дерюжке. Вот сапоги с него.

Зоська затаила дыхание.

– Что, убили?

– Убили. Две пули. Одна в грудь, другая в живот.

– Да, скверное дело, – поморщился Антон.

Зоська молча сидела, неприятно пораженная этой вестью, хотя, если подумать, чему тут поражаться? Мало ли где кого убили – шла война, и убивали каждый день сотнями. И все-таки она чувствовала, что это, мимоходом сообщенное известие имело отношение и к ней, – наверно, убитый переправлялся на ту сторону у этого Островка, да и убили его где-то в тех самых местах, где предстояло действовать ей. К тому же упоминание о пуле в животе всегда вызывало у Зоськи противный озноб внутри. Больше всего она боялась именно пули в живот, хотя отлично понимала, что получить пулю в голову или в грудь несколько не лучше.

Петряков с помощью самодельного шила и дратвы старательно чинил сапог, все

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
время хрипло покашливая, и Зоська, глядя на его толсто обвязанную какой-то
суконкой шею, спросила:

– У вас горло больное, да?

– Да уж больное, – сказал он, не отрываясь от своего занятия. – Застудил и
вот... Видно, докашляю в эту зиму.

– Ну почему вы так? – удивилась Зоська, заслышав в его голосе нотки
обреченности.

Петряков лишь отмахнулся рукой.

– А, все одно! Чем жизнь такая...

Антон в нетерпении резко встал с топчана и, пригнув голову под низким потолком
землянки, выглянул в неплотно притворенную дверь, из которой несло ветром и
холодом.

– Ну где же твой Бормотухин? Или ты перевезешь?

– Бормотухин перевезет. Он теперь перевозчик.

Антону явно не сиделось, да и Зоська едва терпела в этой прогорклой от дыма
земляночке. Теперь ее, правда, растрогал обреченный вид Петрякова, ей стало жаль
больного человека.

– Так, может, лекарство надо какое? Может, мед вам помог бы? – сказала она,
настывшими руками поглаживая пригретое от печки колено.

– Какое лекарство! Мне уже ничто не поможет, придется того... Чахотка у меня, –
просто сообщил Петряков и замолк, глубоко засунутой рукой нащупывая в сапоге
конец дратвы.

Зоська смешалась, она не знала, что в таких случаях можно сказать человеку и
чем утешить его. Да и следует ли утешать?

Исчезнувшая было собачонка, радостно заскулив, опять появилась под дверью.
Антон выглянул наружу и отступил на шаг в сторону. Дверь широко растворилась, и
в ее низеньком проеме появился вконец озябший парнишка, с виду подросток, с
худенькой шеей, в небрежно запахнутых на груди одежках. На его нестриженной
голове, глубоко надвинутая на уши, сидела серая поношенная кепка с пуговкой на
макушке.

– Сигнал давали, дядька Микалай?

– Давал, как же. Вот, перевезти, – взглядом Петряков указал на гостей, и Зоська
догадалась, что наконец пришел Бормотухин. А ей думалось, что это будет
сумрачный мужик с бородой. Мальчонка, однако, вошел в ставшую совершенно тесной
землянку и прикрыл за собой дверь, за которой тоненько заскулила собачонка.

– Заколел. Такой ветер усчався...

– Сало все идет? – спросил Петряков.

– Еще болей стало. Такие льдины – ого!

– Станет Неман, – решил Петряков. – Худо дело будет.

– А нам хуже не буде, – сказал Бормотухин.

Он присел перед печкой, протянул к огню скрюченные стужей кисти, и Зоська
подумала: как же он их перевезет в такой ледоход? А вдруг в лодку ударит льдина
и они окажутся в воде? Но Неман – не болотная речка, отсюда не так просто
выбраться на берег. Она с беспокойством поглядывала на Петрякова и мальчонку, но
те вроде и не думали об этом. Бормотухин, все держа у огня настальные руки,
повернул к ней остренькое с посиневшим носом лицо и вроде бы подмигнул даже.

– На связь? В разведку?

– Бормотухин! – с хриплой строгостью прикрикнул Петряков. – Не твое дело. За
чем надо, за тем и идут.

– А! – разочарованно бросил парень. – Буда не ведама, пашто за Неман ходють.
Абы варочалися.

– Как-нибудь постараемся, – сказала Зоська.

– Во-о! Так все гаворать. Тольки не все варочаються. В няделю перевозил
шастярых, два раза лодку ганяв. А учора вяртаюцца трое. И то один нежывы.
Убитый.

– Бормотухин! – снова оборвал его Петряков. – Помолчи лучше.

– Ды я кали ласка, – с готовностью согласился подросток и встал. – Ну дык
пошли, что ли?

Плотнее запахнув на груди свои надетые один на другой пиджачки, он ту же
затянулся тесемчатым, от военных брюк, ремешком и ногой толкнул легкую дверь.
Они по очереди вышли на узенькую площадку у порога.

Зоська, обернувшись, сказала Петрякову:

– Как-нибудь выздоравливайте, дядька.

– Да спасибо, – без видимого желания ответил Петряков.

После дымного тепла землянки на дворе их сразу охватил холод, ветер с реки
дунул промозглой стужей, Зоська зябко поежилась. Но Бормотухин уже сбежал по
тропинке к берегу, и они поспешили за ним. Зоська вся внутренне сжалась, глядя
на ледяную карусель на реке, через которую им, не откладывая, предстояло

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
переправляться.

Бормотухин тем временем, с хрустом обломив тонкий ледяной закраек у берега, столкнул свою плоскодонку на воду и придержал ее за дощатый нос.

– Залазьте!

Антон легко и уверенно перешагнул через борт, протянул руку Зоське, и та со страхом, неловко забралась в лодку, на дне которой плескалась вода и плавали прозрачные кусочки льда.

– Проходите dalej. Один на корму, другой на середину. И седайте, седайте.

Стоять не можно, – привычно распоряжался Бормотухин. Подрагивая от стужи и страха, Зоська опустилась на мокрую поперечину. Антон присел на корме.

Бормотухин, поднатужась, столкнул лодку в воду, в последний момент ловко вскочив в нее.

Зоська, полуживая, сидела на поперечине, изо всей силы держась руками за мокрые борта лодки, которая угрожающе зашаталась, ударились о близко проплывавшую льдину, но на дно не пошла и даже не зачерпнула воды. Бормотухин, стоя, уже уверенно орудовал единственным веслом, во все стороны крутя своей кургузой, в кепчонке, головой. Медленно лодка отходила от берега на стремнину, где ее сразу подхватило течение и, к ужасу Зоськи, резво понесло между льдин. Но Бормотухин, отчаянно размахивая веслом, то греб, то проталкивался между тяжелыми льдинами, отпихивая их от бортов, все-таки помалу приближаясь к берегу. Раза два льдины здорово стукнули в борт, вода заплескалась в лодке, Зоська сильнее вцепилась в доски бортов, у нее с непривычки кружилась голова, а лодка казалась такой ненадежной, что просто было удивительно, как она держится на поверхности в этой круговерти льда и воды. Но она держалась, и Бормотухину даже удавалось как-то править ею наискосок к противоположному берегу с лозняком. Поборов первый страх, Зоська робко оглянулась – низкий песчаный Островок и лесной берег с оврагом заметно отдалялись, уже едва заметна стала тропинка на обрыве, и совсем исчезла за овражным выступом землянка; вокруг простиралась вода, и бесконечные вереницы льдин стремительно проносились мимо. Но вот и стрежень остался позади, лодка вошла в более тихое прибрежное течение. Тут льдин стало меньше, они едва двигались, больше раскручиваясь на одном месте, и у Зоськи отлегло на душе. Расталкивая лед веслом, Бормотухин привел лодку в лозняк, где она успокоенно ткнулась наконец в подмытый край берега.

– Фу! – с облегчением выдохнула Зоська. – Ну и натерпелась страха!

– Який тут страх? – удивился Бормотухин. – Хиба тут страшно?

Антон первым выпрыгнул на берег, помог выйти Зоське.

– Ну, перевозчик, спасибо, – сказал он и взмахнул рукой.

– Нема за што, – невозмутимо отвечал Бормотухин. – Вы, тэта самое, направа не ходите: там веска. И па беразе не идите: небяспечна па беразе.

– Да? Так что же нам – по воздуху, что ли? – удивился Антон.

– Не, не па воздуху, – отвечал Бормотухин, стоя в лодке и усиленно дыша на свои замерзшие руки. – Вунь на дрэва трымайце. Там хутка лес буде.

– Ну что ж, пойдём на дрэва, – согласился Антон.

– А будете вяртаться, вот тут, в лозняку, лодку знойдете.

– Ясно.

Они начали взбираться от реки на некрутой, но скользкий от снега берег, а Бормотухин, слегка отплывая в тихой воде, все дул на свои озябшие пальцы.

– А как зовут тебя? – обернулась с обрыва Зоська.

– Бормотухин.

– А имя, имя как?

– Ды Володька имя.

«Дай Бог тебе вырасти, – подумала Зоська. – И еще перевезти нас обратно».

8

Неман остался сзади, они оглядывались на него, идя по полю, хотя реки уже не было видно. Почти не видать стало и леса на том берегу: пропал, утонув меж берегов, Островок; помаячила вдали и скрылась какая-то деревенька пониже острова. Пошел снег. Серое полевое пространство вокруг все больше тускнело, затканное белесой пеленой снегопада. Скоро почти ничего не стало видать, надо было напрячь зрение, чтобы за мелькающей сетью снежинок различить какой-нибудь затемневшийся в поле куст или одинокое деревце на обмелке. Усилился ветер. Порой его суматошные порывы так сильно шибали в грудь, что забивали дыхание, и Антон на минуту отворачивался, подставляя ветру широкую спину.

– От черт, разбушевался!..

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Зоська поднимала навстречу покрасневшее от ветра лицо. Снег залепил складки ее платка, прядку волос на лбу, ворсистую ткань плюшевого сачка. Она пыталась улыбнуться, шатко загребая сапогами в снегу и не попадая в широкие следы Антона.

– Вот же холера! Шли по лесу, тихо было. А в голом поле вон как задуло! – прокричал сквозь ветер Антон. – Замерзла, малышка?

– Не-а! – сказала Зоська и улыбнулась настылыми губами.

– Тебе когда надо быть в Скиделе? Завтра?

– Сегодня ночью.

– Сегодня не выйдет. Отсюда до Скиделя километров шестнадцать.

– Так далеко? – удивилась она, тоже оборачиваясь спиной к ветру. В самом деле, все время идти полем было изнурительно, а дорог они избегали, все-таки здесь – не то, что на той стороне Немана. Тут всю хозяйничали немцы и полицаи. В одном повезло – снегопад помогал пройти незамеченными и начисто заметал следы. Если бы не этот ветер...

– Ничего, доберемся, – бодро сказал Антон, оборачиваясь лицом к ветру.

Плохо, конечно, что они не рассчитали свой путь, затянули время на переправе и сегодня не могли попасть в Скидель, куда с самого утра так стремилась Зоська. Впрочем, Зоську можно было понять: у нее задание, сроки и где-нибудь в обжитом натопленном домике – тоскующая по дочке мать. Но не меньше, чем Зоська, торопился в Скидель и Антон, хотя у него не было там ни мамы, ни какого-нибудь задания. Правда, с некоторых пор там объявился его старый, еще борисовский, друг – Жорка Копыцкий, предстоящая встреча с которым теперь всерьез волновала Антона. Конечно, они были друзьями, и Антон по этой причине питал кое-какие надежды, но кто знает, каким стал Копыцкий за те пять или шесть месяцев, которые они не виделись. Наверно, имея немалый вес в Скиделе, он при желании мог бы помочь Антону. Но поможет ли? – вот в чем вопрос. Тем более что тот явится к нему не один, а с этой вот симпатичной малышкой, на которую у него были свои виды. Антон понимал, что в смутное время войны люди способны, как никогда, круто меняться, и вчерашний друг запросто может обернуться врагом. Но все-таки. Ведь Антон, дорожа старой дружбой, когда-то помог Копыцкому устроиться в секретную спецгруппу, формируемую для заброски в дальний тыл к немцам, и они вместе прибыли на Белосточину. Правда, потом их пути разошлись, но тут уж Антон ни при чем, тут скорее виноват Копыцкий.

В том, что его нынешний путь так удачно совпал с заданием Зоськи, Антон склонен был видеть счастливый знак своей военной судьбы. Сегодняшняя их переправа через Неман, больше всего пугавшая Антона, прошла удачно, на заставе не довелось ничего объяснять, Зоська смолчала. Наверно, для Зоськи он что-то уже значил, если она отнеслась к нему так терпимо, особенно после их малоприятного разговора у бобровой запруды. Зоська не Копыцкий, думал Антон, будучи почти уверенным, что ему удастся сладить с этой разведчицей. Еще ни одна девка, на которую он кидал глаз, не увертывалась от него, Антон знал силу своего обаяния и умел пользоваться им, если это ему было нужно. Теперь Зоська стала ему необходимой до крайности, и Антон надеялся, что, если постараться, все задуманное им исполнится. Только бы не подвел Копыцкий.

Стараясь держать направление в поле, он упрямо шагал против ветра и думал, что коль до Скиделя сегодня им не дойти, то надо позаботиться о ночлеге. Тем более что короткий день был на исходе, небо на востоке померкло, вроде стало темнеть. Они спустились в ложбинку с кустарником, Антон взял в сторону, чтобы не лезть в его колючие дебри, теперь в голом поле было сподручнее. Державшийся все дни небольшой морозец заметно отпустил, при ходьбе стало тепло, под колушкой даже жарко. Но Антон с раздражением отметил, что ветер все больше поворачивал с запада, откуда он всегда приносил непогоду и слякоть. Сухие крупчатые снежинки в воздухе постепенно превратились в разбухшие, таявшие на лице хлопья, рукава и полы колушка потемнели от влаги. Антон поддел на ходу горсть снега, покомкал в ладонях – снег стал лепиться, и он подумал, что ночью, пожалуй, ударит ростепель, которая вконец испортит их полевой путь. Как бы не пришлось выходить на дорогу.

Он обернулся на косогоре – Зоська все отставала, и, когда догнала его, Антон тихо, про себя, рассмеялся – так ее преобразил налипший на грудь, плечи и голову снег. Антон принял молча сметать его с девушки, и та, слегка поворачиваясь, покорно подставляла себя под несильные удары его мокрой ладони.

– Устала?

– Немножко...

Весь день Антон намеревался поговорить с ней, подбирал удобный момент и присматривался к обстановке, чтобы сказать ей о том самом главном, ради чего он оказался с ней вместе. Но, как назло, обстановка мало благоприятствовала такого рода объяснениям: мешала то близкая опасность, то присутствие рядом людей.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Приходилось обрывать себя на полуслове и ждать более подходящего момента. И Антон ждал, с затаенной тревогой поглядывая на спутницу, то озабоченную, то испуганную, а теперь вот еще и измотанную этой бесконечной снежной дорогой.

Они прошли от Немана, наверно, километров десять, нигде не встретив жилья, и Антон потерял представление, где тут могла быть какая-нибудь деревня. Этот лесной район в излучине Немана он вроде бы знал неплохо, летом изъездив его вдоль и поперек, но теперь не узнавал ничего – так изменила его непроглядная снежная круговерть. Правда, сам он не очень устал и мог бы идти еще долго, однако ему жаль было Зоську. Хотя та и не жаловалась на усталость, но Антон видел, каково ей приходится на этом ветру в легкой одежде и мокрых с ночи сапогах.

Тем временем как-то вдруг стало темно, день незаметно кончился. Правда, ночь обещала быть светлой от массы свежего снега, но снегопад не стихал, и видимости почти не было. Отчасти это хорошо, думал Антон, никто их не обнаружит в метельном поле. Но и они не много могли обнаружить, идя все время вслепую и ежечасно рискуя наткнуться на неприятность.

Напряженно вглядываясь вперед, Антон сквозь мельтешащую сеть снегопада увидел несколько телеграфных столбов поблизости – верный знак проходившей где-то дороги. К счастью, на этот раз дорога была пустая, они второпях перебежали ее скользкий под снегом булыжник, стараясь поскорее отойти подальше. Но за дорогой под ногами оказалась засыпанная снегом пахота или вскопанное картофельное поле, идти по которому было сущим мучением, и Антон взял наискосок, значительно отклоняясь от прежнего своего направления. Когда впереди засерело что-то широкое, он подумал, что наткнулся на опушку леса, но, подойдя ближе, увидел ряд корявых, наклоненных в разные стороны верб, стоявших на одной стороне гати. Присматриваясь к ним, Антон невольно потянул носом и вместе с привычным запахом влажного снега уловил вкусный запах съестного.

– О, сало жарят! – сказал он, остановившись в некотором даже удивлении. – С цибулей...

Зоська тоже остановилась, они помолчали, и Антон понял, что не ошибся. Действительно, ветер скоро донес и запах дыма, значит, где-то в той стороне была деревня или хутор, наверно, сулившие им пристанище. Антон круто повернул в сторону верб.

Только они взошли на невысокую насыпь гати под вербами, неясно различая справа белую поверхность пруда, как вдруг совсем близко от себя впереди увидели группу построек: под низко осевшей крышей темную стену сарая, заснеженные кроны деревьев вверху. Чуть дальше ютилась, наверно, хата, из ближнего к углу окошка пробивалось слабое пятно света: долетел странный в ночи, какой-то скрипучий звук. Когда звук повторился на более высокой ноте, Антон понял, что это играла гармошка. Предупреждающе двинув рукой, он остановился за дуплистым комлем залепленной снегом вербы. Запах дыма стал явственнее, но гармошка, кажется, умолкла, долетел и оборвался вдали приглушенный смех.

– А ну стой. Я сейчас, – тихо бросил Антон замершей рядом Зоське, а сам осторожно направился к хате, забирая чуть в сторону, чтобы подойти к ней с огорода.

Летающие в лицо хлопья снега не давали как следует присмотреться к жилью, но он догадывался, что в хате идет гулянка, значит, немцев в деревне нет. Но удастся ли незамеченными устроиться здесь на ночлег, он не был уверен. По-видимому, надо было найти кого-либо из местных да расспросить про обстановку. Или хотя бы узнать, как называется деревня и какова обстановка в других деревнях по соседству.

На дворе, однако, никого не было, на минуту он затаился за углом сарая, вслушиваясь в беспорядочный приглушенный гомон в хате. Одновременно слышалось несколько мужских голосов, изредка между ними раздавался, по-видимому, женский смех, но что-либо понять было невозможно. Выждав минуту, Антон осторожно пробежал вдоль тына и прижался спиной к бревенчатой стене хаты со стороны огорода. Из окна на снег падало расплывчатое пятно света, в котором белыми мотыльями неслись из темноты и оседали снежинки. Голоса за стеной стали явственнее, он уже поймал несколько обрывков фраз, к кому-то обращались, называя его «пан Юзик», и снова заиграла гармошка. Почти в тот же момент свет в окне исчез, на снегу под окном осталась только неясная косая полоска, которая то чуть расширялась, то совсем исчезала. Антон шагнул от стены и, потянувшись к синему наличнику, осторожно заглянул в окно.

За рамой на подоконнике тускло блеснула округлость, наверно пустой бутылки, стояли миски со сметаной, за ними чернела чья-то широкая мужская спина. Эта спина вдруг качнулась, подвинулась, и в окне, прикрыв свет, появился легший на подоконник локоть. Антон невольно отстранился от этого близкого, за самым

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru стеклом, движения. Снова заглянув из-за наличника, он тихо, про себя, выругался – на темном рукаве поддевки голубела знакомая повязка полицейского.

Антон отшатнулся спиной к шершавым бревнам стены, оглянулся на угол. Заходить в этот двор было нельзя, судя по всему, там устроили гулянку полицаи или кто-то другой с участием полицаев, что нисколько не лучше. Надо было искать что-нибудь в другом месте.

По своим едва заметным на снегу следам он быстро перешел за сарай и под удаляющиеся звуки гармони пошел к недалеким силуэтам верб у пруда. И вдруг он вспомнил, что когда-то уже видел эти вербы и пруд, кажется, в сентябре они тут проезжали верхом с Кузнецовым. Антон хотел тогда напоить в пруду лошадь, но Кузнецов торопился и не разрешил останавливаться. Правда, он не знал названия деревни, но теперь и без того сориентировался, вспомнив, что недалеко был лес, а наискосок от него, за ручьем, кажется, был хутор, на который вела из деревни обсаженная березами слабо наезженная полевая дорожка.

Зоська стояла возле крайней вербы, и Антон не сразу увидел ее, но вот она нетерпеливо шагнула навстречу, и он молча махнул рукой, направляясь от гати в метельную мглу поля. В этот раз он шел быстро, не приноравливаясь к шагу Зоськи, так как знал, куда надо идти, и ему не терпелось очутиться наконец под крышей. К тому же хотелось есть. Наверно, запах съестного и вид полицейской гулянки в хате разбудили в нем дремавший весь день голод.

Он и в самом деле скоро набрел в поле на ряд молодых березок, ровно выстроившихся вдоль совершенно заметной снегом дороги, и уверенно повернул влево, навстречу ветру. Теперь уже не имело значения, где идти – полем или дорогой, и он пошел вдоль едва приметной в снегу посадки. Зоська старалась не отставать и, нагнув голову, где шагом, а где и бегом кое-как поспевала за ним.

Как он того и ждал, из темноты сперва появились две огромные липы у ограды, затем поодаль затемнели постройки – хата, гумно, несколько сараев, среди голой равнины поля образовавших эту хуторскую усадьбу. Хуторок, как с осени помнил Антон, не бросался в глаза благополучием, да и хатенка выглядела довольно убого – вросшая в землю пятистенка с низенькими квадратами окошек. Когда-то тут жил старик с несколькими немолодыми женщинами, мужчин в тот раз, когда они останавливались у него, не было видно, и бойцы ни о чем не расспрашивали горестно вздыхавшего, со спутанной бородой старика, так как вовсе не рассчитывали когда-либо появиться тут снова.

Однако вот появились.

Покосившиеся ворота в ограде были заперты и чем-то завязаны изнутри. Антон, не пытаясь растворить их, перескочил через верхнюю жердь ограды, помог перелезть Зоське. Здесь он мало кого опасался: на этом богом забытом хуторе вряд ли мог находиться кто посторонний. Хорошо еще, если тут вообще кто-нибудь будет. Впрочем, это теперь не имело значения, им надо было прежде всего укрыться от ветра, обрести крышу над головой и немного перевести дух от изматывающей снежной карусели.

Приземистая хата под огромной шапкой крыши, с поленницей дров у сарая встретила их глухой тишиной и безлюдьем, из окон нигде не пробивалось ни пятнышка света, можно было подумать, что хутор давно заброшен и никого здесь нет. Но каким-то неясным внутренним чутьем Антон все-таки угадывал теплившуюся там жизнь, кто-то там был, хотя ничем и не обнаруживал своего присутствия. Так тихо и незаметно живут, вернее доживают, на свете старые люди – сами в себе, тихо, малозаметно для постороннего глаза.

Зоська след в след шла сзади. Антон молча взшел на каменные ступеньки крыльца и толкнул дверь в сени. Дверь, как он и ожидал, была не заперта. Вытянув руки, он прошел темное пространство сеней и, широко зашарив по бревнам стены, нащупал вход в хату. Легко растворив дверь, шагнул через высокий порог да так и остался у порога в принесенном с собой белом облаке стужи.

Из едва освещенного единственной свечой полумрака к нему повернулось несколько лиц женщин в темных одеждах, их сложенные на груди руки замерли, произнесенная тихим голосом молитвенная фраза оборвалась на полуслове. Антон скользнул взглядом ниже, к трепетному огоньку свечи, робко светившей в изголовье установленного на двух табуретках гроба. С трудом преодолевая замешательство, он нерешительно, со страхом или отвращением взглянул на желтое, сморщенное личико в гробу, забыв закрыть дверь и уже ясно понимая, что явился сюда некстати.

– Да-а... Ладно, – пробормотал он, пятясь к открытой двери, где уже появилась Зоська.

Едва освещенные снизу мигающим огоньком свечи скорбные лица женщин снова обратились к покойнице, с тихой напевностью зазвучали незнакомые слова католической молитвы, и он почувствовал, что следует задержаться хотя бы на одну минуту. Мокрой рукой он стащил с головы мокрую от растаявшего снега шапку и молчал. Зоська большими глазами ошеломленно глядела на покойницу. Наверно, надо

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru было сказать что-то, приличествующее такому случаю, но он решительно не мог придумать, что можно сказать, и все глядел то на свечу, то на мертвое лицо в гробу. По-видимому, это его замешательство женщины поняли по-своему, и одна из них, неслышно нырнув в темноту, тотчас вернулась с чем-то, прикрытым краем передника.

– Вот, не обессудьте на горяшко... Не обессудьте на горяшко.

Она обращалась к Зоське, и та послушно и без слов приняла у нее что-то и, слабо толкнув локтем Антона, первая повернулась к двери. Надев шапку, Антон с облегчением выбрался из темных сеней на белый от летящего снега двор хутора.

– О, черт! – произнес он в сердцах, охваченный прежней заботой. С ночлегом у них упорно не клеилось.

Он не знал, куда идти дальше, не расспросил о том в хате, а снова возвращаться туда у него не хватило духа. Подавленная увиденным, Зоська горестно стояла рядом, прижимая голые руки к груди.

– Что это? – спросил Антон. – А, хлеб! А ну, дай сюда.

Он взял из ее рук краюшку черствого, как камень, хлеба и четыре сваренные в мундирах картофелины, рассовал их по карманам, а краюшку затолкал за пазуху.

– Ну? Пойдем, авось еще что подвернется.

9

Долго и почти вслепую они шли по голой равнине поля. Снег, не переставая, валил в темноте мокрыми хлопьями. Колени, рукава и ноги у Зоськи давно были мокрые, и она думала: хотя бы не промок сачок, где ей тогда обсушиться? Антон молча, с удвоенной энергией шагал и шагал куда-то, может, зная, а может, в ночь, наугад. Зоська хотела попросить его сбавить этот совсем уже непосильный для нее темп, но не посмела. Он и тут знал местность лучше ее, а главное, лучше ориентировался в этом снежном ночном пространстве, и она изо всех сил старалась не отстать. Она уже притерпелась к ветру, к снегопаду и только сгибала пониже голову, когда лицу становилось невтерпеж от стужи. Перед ее глазами продолжала стоять печальная картина ночного хутора. Не раз за войну видела она, как хоронили человека, но такие мирные, «женские» похороны ей довелось видеть впервые. И, кажется, никто там не голосил, не плакал, все сосредоточенно, с глубокой верой молились, словно вершили какое-то важное, хотя и маловеселое, дело. И ни одного мужчины – только женщины. Нет, Зоська просто страшилась таких похорон, они поражали ее своей непривычной обыкновенностью. И, может, впервые она подумала: а какие похороны уготованы ей, Зоське?..

Но нет, ей рано думать об этом, у нее трудное, на несколько дней расписанное задание. Надо побывать в Скиделе, на двух хуторах, съездить в Гродно, может быть, удастся повидать мамусю. Ей еще надо многое успеть в жизни, зачем думать про похороны?

Однако она приотсталала. Тусклая тень Антона едва просматривалась в ветреных сумерках, слева тянулась стена хвойного леса, и Зоська подумала: неужели придется сворачивать в лес? В лес она не хотела, ей лучше было в этом метельном поле, чем в мрачном, гудящем, невесть что таящем лесу. Чавкая вконец раскисшими сапогами, она побежала за Антоном, который на этот раз остановился и дал ей подбежать вплотную.

– Видишь? Видишь, куда мы зашли?

Низко надвинув на глаза шапку, он показывал в сторону леса, опушка которого отворачивала куда-то влево, а впереди перед ними тянулась неровная полоса кустарника и невысоких деревьев, – возможно, посадка у дороги. Стараясь что-то понять, Зоська молча вгляделась в слепящие снегом сумерки.

– Лес?

– Не лес. Котра, гляди.

– Котра?

– Ну. Вон куда вышли! Надо было правее. Теперь такого крюка давать...

Зоська молчала. Все в ней опало внутри от этого неожиданного известия – действительно, если это речушка Котра, то они слишком отклонились в сторону и давно оставили позади Скидель.

– Теперь в Скидель притопаем утром, не раньше, – сказал Антон.

– Мне надо ночью.

– Конечно, лучше бы ночью. Но теперь не успеем.

Нет, в Скидель она не могла соваться в светлое время, когда ее легко могли опознать на улицах, ей надо было в темноте зайти со стороны Озерской дороги, найти крытый гонтом домик под липой и постучать во второе от улицы окошко.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Минуту постояв на ветру, она ощутила легкий озноб в теле, все-таки сачок ее, наверно, стал промокать, тем более что снег начал постепенно переходить в дождь, все уже на ней было мокрым с ног до платка. Антонов кожушок тоже потемнел от влаги, хотя Антон, кажется, не обращал никакого внимания на непогоду. Ладонью он небрежно отер влажные капли с лица и звучно высморкался на снег.

– Ладно. Давай жми за мной, – сказал он, круто забирая вправо, в мокрую темень поля, из которой несло и несло по ветру не понять уже чем – дождем или снегом.

Подавляя в себе легкую досаду на Антона, который, как оказалось, все-таки приплутал в этом поле, Зоська пошла следом. Ходьба по мокрому снегу отнимала последние силы, снег прилипал к сапогам; местами его навалило много, и она черпала голенищами; настые ноги даже при ходьбе уже не могли согреться. Поразмыслив, однако, Зоська решила, что досадовать на Антона не следует: при такой погоде заблудиться никому не заказано. Во всяком случае, она могла вообще забрести неизвестно куда, ориентировалась она всегда скверно и в детстве частенько плутала по лесу, когда собирала с бабами ягоды. Правда, там можно было покричать, позвать мамусю или знакомых скидельских теток, здесь же не крикнешь, и никто тебе не откликнется. Тут вся надежда на Антона, и хорошо еще, что он обнаружил ошибку и знал, как ее исправить.

Кажется, он действительно знал, куда идти дальше, потому что не прошли они и четверти часа, как он снова остановился возле каких-то кустарников, поджидая Зоську.

– Вроде нам повезло, – сказал он тихо. – Постой тут, я схожу...

Зоська взгляделась в жиденькие деревца зарослей с облепленными снегом ветвями, поодаль за ними что-то темнело, то ли какая постройка, то ли скирда соломы, похоже, однако, усадьба. Отвернувшись от морозящего дождем ветра, она подождала минуту, другую, все вглядываясь в темень и ожидая увидеть идущего к ней Антона. Вскоре услышала его приглушенный голос:

– Иди сюда...

«Наверно, что-то нашел», – радостно подумала Зоська, быстро выходя из кустарника. Действительно, подле зарослей мелкоколосья на снегу темнела стена какой-то длинной постройки с обрушенной с одного конца крышей, разломанной и полужанесенной снегом оградой, каким-то инвентарем, разбросанным вокруг и тоже заваленным снегом. Антон деловито обошел постройку, заглянул внутрь, в черный провал настезь раскрытых ворот.

– Вот была усадьба. Сожгли. Одна обора осталась.

Похоже, в самом деле это была старинная хуторская обора – длинное, сложенное из валунов и булыжника помещение для скота с маленькими окошками в стене и зияющими пустотой воротами. Поблизости ничего больше не было видно, только за оборой высилось несколько старых деревьев да серел голый, засыпанный снегом кустарник.

– Иди сюда. Не бойсь, – позвал ее Антон из темного проема дверей, откуда несло горькой вонью пожарища и навоза.

Несмело ступая в снегу, Зоська вошла за ним в пугающе пустынную темень оборы и остановилась, не зная, куда ступить дальше.

– Сюда, сюда, – позвал он откуда-то из темноты, и, только когда в его руках вспыхнула спичка, Зоська увидела полурастворенную низкую дверь и в ней темную тень Антона.

– Иди, не бойся!

Все борясь с нерешительностью, Зоська переступила высокий порог, не успев еще что-либо рассмотреть, как спичка потухла.

– Так, хорошо, – удовлетворенно проговорил Антон в совершенно глухой темноте и зажег другую спичку, на несколько секунд осветившую закопченный потолок, мрачные каменные углы и, к вящей радости Зоськи, – широкую топку печки напротив.

– Вот, поняла? – радостно сказал Антон. – Печка есть, тепло будет. Садись сюда, на солому или что тут... Садись! Сейчас мы разожем печку. Не может быть...

Содрогаясь от все больше овладевавшего ею озноба, Зоська опустилась в темноте на что-то холодное и мягкое, не сдержавшись, раза два звучно клацнув зубами. Мокрые руки сунула за пазуху, сгорбилась, сжалась в единоборстве с обуявшим ее холодом и прикрыла глаза. Озноб колотил ее люто, но здесь не было ветра, а главное – было тихо и больше не надо было идти. Перед глазами ее все вдруг закачалось, поплыло в сладкой дремотной истоме, и она действительно уснула вдруг и так крепко, что сразу перестала ощущать, где она и что с ней происходит.

Спала она недолго, может, несколько минут, не больше. Она поняла это, вдруг пробудившись от яркой вспышки огня – Антон возился у печки, разжигая какие-то обломки досок, и она опять содрогнулась от стужи и испуга.

– Не бойсь! Это я – пороха из патрона. Не горит, холера...

Присев возле топки, он яростно дул в нее, обломки досок нехотя тлели квелым огнем, густо копя сизым дымом, который не хотел идти в печь и кручеными струями валил наружу. Но вот Антон дунул сильнее – между досок возникло несколько

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
язычков пламени, и Зоська успокоенно смежила веки...

Снова проснулась она от легкого прикосновения чьей-то руки, но она уже знала, что это рука Антона, и не испугалась, вслушиваясь в его спокойный, как бы подобреший голос.

– Слышь?.. Давай раздевайся. Будем сушиться.

Она раскрыла глаза, с приятностью чувствуя широко идущее к ней тепло, – в печке вовсю полыхали доски, черные концы которых длинно торчали из топки; по низко нависшему потолку, каменным с морозными блестками стенам каморки гуляли причудливые огненные сполохи. Антон стоял перед ней на коленях в деревенской вязки шерстяном свитере, а возле топки, распятый на палках, сушился его козушок.

– Слышь? Раздевайся, тепло уже.

Действительно, тесная каморка была полна дымного тепла, парности и тишины, нарушаемой лишь гулом пламени в печке. Зоська стряхнула с себя остатки дремоты и улыбнулась.

– Ну, согрелась?

– Согрелась.

– А ты говорила... Со мной не пропадешь, малышка, – бодро сказал Антон и ударом ладони задвинул подгоревшие концы досок в топку, из которой в темный потолок шуганул косяк искр.

– Ой, как бы пожара не было! – испугалась Зоська.

– Не будет: камень. А сгорит, не беда. Снимай сапоги, наверное же, мокрые?

– Мокрые.

– Снимай куртку, все, сушить будем. Тут теперь никого. Ближайшая деревня далеко – на том берегу, за Котрой.

Она развязала мокрый, измятый платок, который Антон принялся пристраивать возле козушка, сняла сачок, минуту подержала его перед топкой, наблюдая, как от сачка густо повалил в печку пар. Сапоги и подол ее юбки были мокрые, наверно, еще со вчерашнего, она скинула сапоги, а затем, помедлив, стащила и свои шерстяные чулки, Антон умело пристроил все это на палках поближе к печке.

– На вот, садись на козух – уже высох. О, как нагрелся! Огонь!

Она с наслаждением опустила на теплую шерсть знакомого ей Антонова козушка, подставляя мокрые, покрасневшие колени под живительное тепло из топки.

– Та-ак, – удовлетворенно сказал Антон, устраиваясь подле. – А теперь перекусим. Вот по куску хлеба и по две картошки. За помин души той бабуся, – пошутил он, разламывая сухую горбушку.

Помедлив, они принялись есть хлеб с картошкой и скоро все съели, ничего не оставив на завтра. Конечно, они не наелись, но раздобыть еду тут все равно было негде, приходилось терпеть до завтра.

– Ну вот и поночуем. А что? Лучше, чем в какой-нибудь хате, – сказал Антон и придвинулся к Зоське, слегка задев ее локтем. – Вдвоем, и никто не мешает. Правда?

Она не ответила и не отстранилась, лишь с усмешкой взглянула в его странно заблестевшие в полумраке глаза. Оно, может, и лучше, подумала Зоська, а может, и нет. В этом их уединении было что-то хорошее, но что-то и пугало, хотя она старалась не думать о том. Теперь ей было хорошо, тепло и даже какую-то минуту благодно на душе. В самом деле, над головой была крыша, горел в печурке огонь, а рядом сидел тот, кто уже столько раз выручал ее в этом трудном пути. Хотелось думать, что он поможет и впредь и все обойдется как надо.

– Вот сидишь, а маме, наверно, и не снится, что ее дочка возле Котры ночует?

– Мама меня, наверно, давно уже похоронила. С самой весны не виделась.

– Ну, это еще ничего не значит, – утешил Антон. – Люди все равно скажут. Видели же, наверно, тебя знакомые в деревнях, могли передать.

– Наверно, видели, – согласилась Зоська, не зная еще, как расценить это, – хорошо или плохо, что видели ее среди партизан. Хорошо, если передали маме, но могли передать и кому не следовало. Тогда ее партизанство могло худо обернуться для мамы.

– Мое вот другое дело, – сказал вдруг Антон. – Некого бояться. Никто тут меня не знает, никто не беспокоится.

– А уже узнали, наверно. С Кузнецовым же ты все деревни объездил?

– А в деревнях кто меня приметит? Приехал и уехал. Партизан, как все.

– Не скажи. Девчата приметят. Приметный.

Антон с легкой улыбкой посмотрел ей в глаза.

– В этом смысле согласен. Приметный. Но что мне девчата! Я сам приметил одну.

– Где? – встрепенулась Зоська.

Антон легонько похлопал ее тяжелой рукой по плечу.

– А в отряде. Разведчицу одну. Славенькую такую малышку.

– Ай, неправда, – намеренно с недоверием сказала Зоська, почувствовав, как сладко защемило у нее под ложечкой.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Нет, правда. Сама же понимаешь, на что пошел. И ради кого. Зосятка ты моя... Он глядел на нее уже без тени иронии. Крепкое его лицо с тронутым щетиной подбородком стало серьезным и придвинулось вплотную к ее лицу. Зоська стало неловко, и она сконфуженно взяла его левую руку, легшую ей на колени, деликатно пожала ее.

– За это спасибо. Только...

– Не надо теперь про только. Дело, видишь ли, в том... – сказал он и, притихнув, осторожно, будто в раздумье, обнял ее. Она вздрогнула, напряглась и молчала. – Дело в том, что...

Она напряженно ждала, замерев в его странно томящих объятиях, а он вдруг запрокинул ее голову и с каким-то отчаянием, резко поцеловал в губы.

– Антон!

– Что я могу поделывать?! – прерывисто вздохнул он, не расслабляя на ней своих цепких рук. – Полюбил я тебя.

– Правда? – изумленно прошептала она, огорошенная этим его признанием. Никто еще не объяснялся с ней так серьезно и такими словами, она вся обмерла в ужасе, в совершенном, ни с чем не сравнимом восторге.

– Да, знаешь, теперь я готов на все, – еще решительнее сказал он, и голос его странно дрогнул. Она, не шевелясь, сидела в его теплых, уютных и таких сладостных теперь объятиях, с удивлением слушая, как сильно стучит ее сердце.

– Вот я сказал тебе все, знай. А ты что мне скажешь?

Зоська помедлила, с трудом собираясь со своими смятенными мыслями. Ей было очень непросто так вот, в глаза, сказать обо всем, что она чувствовала к этому человеку, и даже самой до конца понять свое к нему чувство. Ей было и приятно, и радостно, и одновременно страшно чего-то, и она не знала, какому из этих чувств отдать предпочтение. Но, кажется, в эту минуту он понимал ее лучше, чем она могла разобраться в себе сама.

– Ведь ты меня тоже... знаю я, любишь?

– Знаешь, я тоже, – тихо сказала она. – Хороший ты...

– Ну вот, спасибо, – жарко выдохнул он у самого ее уха и снова поцеловал ее в щеку, в переносье, а потом длинным продолжительным поцелуем – в губы.

– Ой, так не надо! – задохнулась Зоська.

– Нет, надо. Надо...

Печка с огнем качнулась, уходя в сторону, Зоська ощутила близкое тепло кожушка и странно сковавшую ее мужскую силу Антона, поспешные движения его властных рук, от которых у нее нечем было защититься.

– Антон!.. Антоша...

– Все хорошо, все хорошо, малышечка, – шептал он.

– Не надо, Антон... Не надо...

Он, однако, уже не ответил, и она с отчетливой безнадежностью поняла всю неотвратимость его властной силы. Ее же сила и воля пропали, уйдя в теплое блаженство его объятий. Она лишь чувствовала, что так не надо, что они поступают плохо, затуманенным сознанием она почти отчетливо понимала, что погибает, но в этой гибели была какая-то радость, а главное, было сознание, что погибала она вместе с ним. В этом было единственное ее оправдание и ее утешение, а может, и единственное ее счастье.

Она не помнила, что было потом. Возможно, наступил сон или странное всеобъемлющее небытие, когда совершенно исчезают память и чувства, несколько долгих часов она перестала ощущать себя в этом мире, словно отсутствовала в нем, лишившись сознания.

...Проснулась она так же, как и уснула, – вдруг от какого-то тревожного толчка изнутри – и, боясь шевельнуться, раскрыла глаза. В тесной каменной камерке было темно, но несколько щелей в заткнутом соломой окошке уже рассветно светились, концы соломин там беззвучно трепетали от задувавшего снаружи ветра. Было прохладно, в черном прямоугольнике топки не светилось ни одного уголька, тускло серел обшарпанный закоптелый бок печи и зловеще чернели закопченные углы камерки. Не шевелясь, Зоська обвела их пугливым взглядом, догадываясь, что когда-то тут была кубовая или котельная, где запаривали корма и грели для скота воду. Потом она перевела взгляд ниже, почувствовав на себе знакомое прикосновение кожушка и рядом – источавшую живое тепло широкую спину Антона, его спокойное дыхание. Антон спал, и Зоська боялась пошевелиться, чтобы не разбудить его. Ей надо было чуток времени, чтобы собраться со своими невеселыми мыслями, понять, что с ней случилось. Случилось, конечно, скверное, она была виновата и корила себя, как могла. Но она понимала, что теперь поздно угрызаться, случившегося не исправить. И, поразмыслив, она утешилась единственной возможной в ее положении мыслью, что с каждой девушкой это должно когда-либо случиться. Может, правда, не так – иначе и красивее, но теперь все в жизни не так, как

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru заведено испокон веков, хуже, потому что теперь – война. К тому же с Октябрьских праздников ей пошел девятнадцатый год, она уже не девочка, так, чего доброго, недолго и состарится в девках или, что еще хуже, погибнуть, никогда не узнав ни любви, ни мужчины. Во всяком случае, полежав немного и обдумав свое положение, Зоська успокоенно-робко вздохнула с ощущением того, что ее, казалось, непоправимая беда вроде бы оборачивалась хотя и неожиданным, но, может, еще не наихудшим образом. Одно было бесспорно: на ее нелегком, полном многих страхов военном пути появился этот решительный симпатичный парень. Пусть не навсегда, ненадолго. Но что теперь навсегда и надолго?

Свернувшись калачиком в ласковом тепле Антоноваго колушка, она тихонько вздохнула: что ж, чему быть, того не миновать. Конечно, было удивительно и необычно все, что произошло с ней за эти две ночи. Она встретила на болоте своего суженого, испугалась, обрадовалась, разделила с ним на двоих этот ее полный опасностей путь, приведший их наконец к одинокой ночной оборе. Но что ей, мокрой, замерзшей, еще оставалось? Он славный, видный из себя мужчина, смелый и не охальник, а в том, что произошло между ними, наверно, большая доля вины падает и на нее тоже. Видно, такова воля случая. Зоська уже слышала от умных людей, что с того дня, как разразилась война, в мире воцарились сплошные случайности, одна из которых, видно, выпала и на ее долю. Поэтому стоит ли очень расстраиваться, не лучше ли спокойно, без угрызений пережить все случившееся и продолжать свое дело – выполнять задание, которое, чувствовала она, еще принесет ей немало других бед, и среди них эта, может, не самая худшая.

И все же ей было крайне неловко перед Антоном, особенно когда она представила себе, как он проснется и они выберутся из этой темной обору. И еще она чувствовала свою вину перед Сашкой, с которым дружила перед войной и даже собиралась за него замуж. Уходя по мобилизации, Сашка наказывал ждать, и вот дождалась... Правда, ей теперь стало ясно, что Сашку-то она и не любила по-настоящему, скорее это он к ней присох и однажды предложил пойти в сельсовет расписаться. Сашка тоже был, в общем, неплохим парнем, они вместе росли на одной улице, но что-то ее удерживало тогда от замужества, и она все откладывала. Но вот, странное дело, подумала Зоська, предложи ей такое Антон, не стала бы тянуть и недели – согласилась бы тотчас, хоть в первой попавшейся на их дороге деревне. Что значит любовь с первого взгляда или что-то еще, чему и названия, наверно, не придумали люди. С Антоном она готова была хоть на край света, особенно теперь, после этой дороги и этого ночлега в оборе.

Стараясь не потревожить сонного Антона, Зоська осторожно повернулась на бок. Ее глаза уже привыкли к едва поредевшим в каморке сумеркам, и она снова увидела его запрокинутое на соломе лицо и его четкий, словно вырубленный из твердого камня, профиль с прямым, ровным носом и мускулистым подбородком, который, словно осколком, был помечен на конце маленькой ямкой, – такие подбородки у мужчин всегда нравились Зоське. Ощувив прилив ласковости к нему, она тихонько высвободила из-под колушка свою теплую руку и кончиками пальцев дотронулась до его плеча. Он не почувствовал ее прикосновения и продолжал мерно дышать во сне. Она подумала: пусть спит, время, наверно, еще раннее, и только попыталась убрать под колушок руку, как в глухой тишине обору услышала какой-то долетевший снаружи звук. Она еще не поняла, что это был за звук, и обмерла, вся уйдя в слух. Но вот звук повторился, он был похож на несильный отдаленный удар по мягкому, и тотчас до нее отчетливо донеслось восклицание: «Но-о, пошел, падла!»

– Антон! Антон, слышь?

Резко сбросив с себя колушок, она подхватила и села, опять замерев, Антон тоже вскочил на соломе и с расширенными от сонного испуга глазами затих, соображая и вслушиваясь. Потом, не сказав ни слова, сунул в сапоги ноги и в одном свитере широко шагнул за порог. Дверь за ним медленно широко растворилась, и порыв ветра, дунувшего в каморку, сразу вынес из нее все накопленное за ночь тепло. Вздвогнув, Зоська стала поспешно натягивать ссохшиеся, покореженные у огня сапоги, ежесекундно ожидая, что Антон крикнет и надо будет бежать.

Но продолжительное время Антон не подавал голоса, и она кое-как успела обуться, повязала платок и надела просохший, задубевший на плечах сачок. Снаружи ничего больше не было слышно, и это немного успокаивало. Но Зоська все вслушивалась, стоя возле настезь раскрытой двери за притолокой. Свернутый Антонов колушок она держала в руках, не зная, выходить из каморки или дожидаться Антона здесь.

Выходить ей не пришлось. Минуту спустя Антон воротился с наганом в руке, прикрыл за собой дверь и молча засунул наган в карман брюк.

– Ну? Кто там? – тревожно спросила Зоська.

– Садись. Куда собралась? – вместо ответа бросил Антон и сел на солому.

Мало что понимая, Зоська во все глаза смотрела сзади на его сильные плечи под свитером, круглую голову со всклокоченными без шапки волосами. Лицо у Антона выглядело крайне озабоченным или злым, и она повременила с расспросами. Антон

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru рассеянно заглянул в потухшую печку.

– Полицай, кто же, – запоздало ответил он с раздражением, уронив с колен длинные руки. Зоська шагнула от двери и накинула ему на плечи еще теплый его кожушок.

– Что же теперь делать? – озабоченно спросила она.

– Что сделаешь? Сидеть надо.

Он с потерянным видом глядел перед собой в потухшую топку, и Зоська не могла взять в толк, что с ним случилось. Неужели тут так опасно сидеть и так его напугали полицаи? Или он недоволен ею? Может, он жалеет и раскаивается, что пошел за ней из отряда? Что с ним случилось за это утро, почему он так вдруг переменялся, обвьял и стал так мало похож на себя прежнего? – думала Зоська.

10

Пока Зоська обувалась в каморке, Антон, перебежав через наметенный в обору сугроб, глянул в одну дверь, в другую и вдруг, подавшись назад, обмер за обгорелой притолокой. В полтора шагах от оборы небыстро тащились по раскисшему снегу двое саней с седоками в черных шинелях. Антон сразу понял: полицаи. В обору долетали обрывки их разговора, смех, кто-то, матерно выругавшись, с ожесточением хлестнул кнутом лошадь.

Стоя за притолокой, Антон, однако, быстро опомнился от первого испуга, поняв, что полицаи направлялись не к ним, а мимо, по какой-то своей надобности, в сторону Немана. На обору никто из них не обратил внимания, ночных следов в снегу нигде не осталось, все хорошо заровнял снегопад. Антон перевел дыхание и вслушался в долетевшие с дороги слова, но смысл разговора уловить было трудно. Однако первое услышанное слово заставило его насторожиться. Он явственно разобрал «Сталинград», потом еще раз произнесенное кем-то из полицаев это же слово и едва различил затем «дали» или, может быть, «взяли». Это его заинтересовало. Он напряг все свое внимание, но ветер относил слова в сторону, и ему удалось разобрать еще лишь «наступление». Далее, сколько он ни вслушивался, понять ничего не мог – сани отъехали далеко и вскоре совсем скрылись на повороте дороги за каменным углом оборы.

Опасность вроде бы миновала, полицаи уехали, но Антон все еще стоял у притолоки, озадаченный и заинтересованный тем, что услышал. В каком смысле они упоминали о Сталинграде? Что значит «дали»? Сдали или, может быть, взяли? И что может означать «наступление»? Чье наступление? А возможно, они говорили: отступление? Нет, скорее всего смысл был в том, что немцы предприняли новое наступление на Сталинград, где всю осень шли ожесточенные бои, и, наверно, взяли наконец этот далекий город на Волге.

Но что же тогда получалось?

Совершенно растерянный и озадаченный, он вошел в каморку, все продолжая ломать голову над этой полицейской шарадой. Зоська спрашивала его о чем-то, но он не слушал ее, он думал, что все это может означать для него лично. Конечно, сколько-нибудь убедительных фактов у него не имелось, были только загадки. Но он особенно и не нуждался в фактах, он уже был подготовлен к единственно приемлемому для него выводу: надо спешить! Надо, пока не поздно, кончать с партизанством, позаботиться о собственной голове, пока она еще на плечах, и внедряться в новую, на немецкий лад, жизнь, коль ничего не вышло с советской.

– Зось, ты понимаешь? – сказал он, не поворачивая к ней головы. – Немцы Сталинград взяли.

Он думал, что Зоська начнет сокрушаться или даже заплачет, он бы тогда ее утешил. Но, к его удивлению, она только моргнула и с наивным видом спросила:

– Это когда?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Слыхал, полицаи там разговаривали.

– Враки, наверно, – подумав, сказала Зоська. – Хотя, может, и правда. Столько понахапали, что им. Сила!

– Сила, да, – согласился Антон, не совсем представляя, как ему вести разговор дальше. Он не ожидал со стороны Зоськи такой легкости по отношению к главной сути его вопроса и мучительно подыскивал в уме возможные подходы к главному. Зоська же, вроде безразличная к его известию, деликатным прикосновением холодных пальцев запахнула на нем кожушок.

– Застегнись, а то холодно. Полицаев много поехало?

– Человек шесть, наверно.

– Поехали мимо?

– Ну. Тут рядом дорога.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Это хуже. И печку затопить нельзя?

– Печку нельзя, – сказал он и добавил не очень решительно: – Может, выйдем и потопаем в Скидель?

– Днем? Ну что ты...

Нет, кажется, она оставалась при прежнем решении, подумал Антон, и намерена выполнять данное ей задание. А то, что вот-вот могла окончиться война и немцы всей своей мощью навалятся на их пущу и, как зайцев, перестреляют всех партизан, этого она вроде бы не допускала и в мыслях.

– Слушай, а ты знаешь, где находится Сталинград? – спросил Антон.

– Далеко, – сказала Зоська.

– Вот это ответ! – кисло усмехнулся Антон. – В школе за такой ответ ставили двойку.

Антон встал, надел в рукава колушок. Зоська, стоя напротив, положила руки ему на плечи.

– Мы же не в школе, Антоша. Мы свой экзамен сдали, – сказала она со вздохом.

– Как бы не так, – сказал он и нетерпеливо высвободился. – Кажется, главный экзамен еще впереди.

– Наверно, – охотно согласилась Зоська. – Так трудно добраться до этого Скиделя, а там что будет – одному богу известно.

– Вот именно, – подтвердил он и спохватился, поняв, что каждый из них имеет в виду свое. – Поэтому слушай. Давай, пока есть время, обмозгуем все. Чтоб в дураках не остаться.

– Давай! – сказала она. – Только... Ты побудь, я на минутку...

Она выскользнула из каморки, тщательно притворив за собой дверь. Антон стоял, занятый своими мыслями, они кружились возле Зоськи, от благоразумного поведения которой слишком многое зависело в его решении. Конечно, он понимал, что прямолинейности партизанского мышления в ней будет достаточно, видно, не так просто склонить ее к единственно правильному выводу, придется, пожалуй, начать издали и постепенно подвести к неизбежному. Главное, чтобы она поняла всю безнадежность их партизанских мытарств, несравнимость их скромных сил с силой фашистского гиганта, с которым не может справиться вся Красная Армия. Зоська к тому же не вправе забывать, что в Скиделе у нее мать, и должна понимать, какой опасности подвергает ее как партизанка. Если до сих пор все в этом смысле сходило благополучно, то это вовсе не значит, что немцам или полиции в конце концов не станет известно, где находится доченька одной скидельской мамы. Антон чувствовал, что в этом был его главный козырь и он выбросит его под конец, если не подействуют все прочие козыри. Правда, в его неплохом продуманном плане было одно уязвимое место: то, что касалось Копыцкого. Как он отнесется к Голубину и его подруге, когда те явятся на жительство в Скидель, все-таки оставалось неизвестным. И даже если сам он отнесется к ним благосклонно, то как на это посмотрят его начальники, немцы?

Антон топтался на примятой соломе каморки, задумчиво глядя под ноги. В глаза ему попался растоптанный окуроч на полу, нагнувшись, он подобрал его и понюхал. Это был окуроч немецкой сигареты – тонкий, из желтоватой бумаги, хотя, конечно, курить тут мог кто угодно – от немцев до партизан, наверное, народу тут перебивало немало. Беглым взглядом Антон окинул выпиравшие из стены гранитные бока камней и под окошком в углу увидел грязный обрывок бинта. Потянул за него – из-под соломы вытянулся целый клубок замусоленных, ссохшихся от крови бинтов, которые он брезгливо отбросил в сторону носком сапога и стал заталкивать поглубже в солому. В это время в каморку вбежала Зоська с неестественно бледным лицом.

– Антон! Там...

– Что такое?

– Там убитые!

Убитые – не живые, убитых можно было не бояться, подумал Антон, убирая руку из кармана с наганом. Зоська выскочила из каморки, и он не спеша пошел за ней через языки снежных суметов в дальний, с обрушенной крышей, конец оборы.

– Вот, видишь? Я гляжу, думала – камни, подхожу, а это убитые. Глядь, боже! Да это же наш Суравец! – вся содрогаясь от волнения, говорила Зоська.

Антон подошел к стене, где в сумраке нависшей полуобвалившейся крыши за грудой камней лежали убитые.

Действительно, один из них был Суравец. Антон сразу узнал его по венгерскому песочного цвета кителю со множеством пуговиц на борту – такого шикарного кителя не было ни у кого в отряде. Других признаков удалого подрывника осталось немного, разве что его непокорная, всегда распадавшаяся надвое шевелюра, которая теперь была примята и смерзлась от залепившего ее снега. Суравец лежал на спине вдоль стены, раскинув босые, в грязных потеках ноги, с правого бока чернела у него рваная дыра в кителе. Видно, еще у живого из нее наплыло много крови,

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru которая темной лужей смерзлась на грязном, в навозе, земляном полу. Рядом, привалив правым плечом к стене, сидел, согнувшись и низко уронив голову, другой партизан, в грязной голубой майке. Все верхнее с него было снято, и в майке на спине чернели три кровавых дыры от пуль, вышедших где-то спереди, – все там у него, на груди, животе и коленях, было залито заскорузлой спекшейся кровью. Этого второго Антон знал мало, даже не помнил его фамилии, он появился в отряде недавно, говорили, какой-то комсомолец из местных.

– Вот видишь? Антон! – схватила его за руку Зоська. – Это как же? Ведь это же их убили?

– Ну, понятно, убили. Не удавили же, – сказал Антон и тронул сидящего за плечо. Труп, покачнувшись на коленях, мягко завалился на бок, не двинув ни одной заостренней конечностью, – поджатые к животу руки и согнутые в коленях ноги так и остались в прежнем, согнутом, положении.

– В спину. Видишь, из автомата сзади. Полицейская работа, сразу видать, – сказал Антон и посмотрел на Зоську, которая изменилась в лице; Антон переживал тоже, но не очень сильно. Он уже научился сильно переживать за других, настало время позаботиться о себе. Чтобы не пришлось кому-либо переживать за него самого.

– Антоша, как же так? Они ведь пошли в Лиду, как же они оказались здесь? И где остальные? Ведь никто же из шестерых не вернулся.

– Теперь как узнаешь? – сказал Антон. – Теперь тут все – темный лес.

– Слушай, а почему полицаи их не забрали? Почему здесь оставили? – не унималась с вопросами Зоська, кажется, готовая вот-вот заплакать. Обеими руками она вцепилась в колушок Антона.

– А я откуда знаю? Может, для приманки. Вот мы пришли, а они и нагрянут. Кто их, сволочей, знает.

Зоська, побледнев, во все глаза смотрела на Антона.

– Что же нам делать, Антон? – испуганно вопрошала она.

– Черт его знает, что делать. Пойдем пока отсюда.

Они перелезли через обрушенную со стены груды камней и вернулись в свой конец оборы. Зоська все оглядывалась, остро переживая гибель знакомых людей, у Антона же было такое чувство, словно он попал в западню и не спешит из нее вырваться. Он уже знал по опыту, что промедление никогда не сулит хорошего и запросто может погубить любого. (Не оно ли погубило в этой оборе и Суровца?) Вполне возможно, что полицаи при случае или регулярно навещают в это одинокое в поле убежище и кое-кого застают тут. Нет, надо скорее смыться отсюда, думал Антон. Но как смоешься, когда в этом поле ты виден на пять километров и в любой момент тебя могут настичь полицаи?

– Придется пока торчать тут, – сказал он, заглядывая в широкий проем сорванных с петель ворот. – Только наблюдать надо. А то...

Зоська поняла и тоже остановилась, выглянув на ветреный снежный простор. Поле перед оборою лежало пустое, с едва заметным отсюда следом саней на дороге; в ворота задувал промозглый, насыщенный влагой ветер; рыхлый, нападавший за ночь снег всюду осел, будто подтаял; кустарник возле оборы резко зачернелся на его белизне; с толстых сучьев мощного вяза то и дело валились вниз мокрые комья снега. Там где-то, на невидимой из оборы верхушке, возилась и громко кричала ворона.

– Цыц, зараза! – сказал Антон, подумав, что ворона теперь ни к чему, ворона может их выдать. Подняв из-под стены обломок стропила, он ступил на шаг из ворот и замахнулся. На вязе, оказывается, расположилась целая воронья стая, Антон запустил палкой – вороны одна за другой нехотя снялись и низко полетели куда-то за обору.

– Зося! – сказал Антон, возвращаясь в обору. Зоська все еще с бледным лицом внимательно посмотрела на него, и в этом ее взгляде была бездна безысходной печали. – Зося! Ты понимаешь наше положение? – сказал он, тоже заглядывая ей в глаза.

– Ну, понимаю, – тихо ответила она.

– Нет, ты не понимаешь, – сказал он. – Если действительно Сталинград взят, то... войне конец. Или они замиряются, или... Ведь России ничего не остается. Сибирь? Но что в той Сибири? Ведь они зашли вон куда, за Москву. Ты понимаешь?

– Я понимаю, – по-прежнему тихо ответила Зоська.

– Поэтому чего же мы дождемся в этой Липичанской пуще? Они же нас собаками перетравят. Если мы раньше с голоду не дойдем.

Зоська слегка отвернулась от него и с прежней горькой тоской в глазах глядела из ворот в пасмурную даль поля, на котором поблизости решительно ничего не было, лишь вдали по горизонту тянулась сизая полоса леса.

– Может, и так, – горестно сказала она.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Так вот, малышка! У тебя в Скиделе мать, у меня там, я говорил тебе, начальником полиции Копыцкий, мой землячок из Борисова. Он должен помочь. Давай останемся у тебя. Будем жить, как люди, как муж и жена. Я же полюбил тебя, Зоська.

Кажется, он сказал все и, осторожно обняв ее за плечи, привлек к себе, не почувствовав, однако, ответного ее движения. Зоська ничем не выказала ни радости, ни несогласия. Она будто одеревенела в его руках, и он тихо воскликнул, вложив в свое восклицание всю ласку, на которую был способен:

– Зоська!

– Да, – вздохнув, сказала она. – Ты это пошутил? Ведь пошутил, правда? – И отстранилась, деликатно, но настойчиво высвобождаясь из его рук.

– Нисколько! Я вполне серьезно.

Она сделала три вялых шага и остановилась у притолоки, все наблюдая за полем. Антон снова порывисто обнял ее сзади и легонько поцеловал в щеку.

– Не надо, Антон.

– Ну как же... Ведь я люблю тебя.

– За это спасибо. Но... То, что ты предлагаешь, в другое время было бы... было бы счастьем. А теперь...

– Ну а теперь что?

– А теперь подло. И даже больше, чем подло.

– Чудачка! – сказал он, почувствовав, что начинает нервничать. – Вот ты наслушалась пропаганды... А ты не подумала, кроме всего, о своей матери? Что с ней будет?

– Не знаю, что будет, Антон, – каким-то чужим, изменившимся голосом сказала Зоська. – Но в такое время бежать из отряда... Знаешь, так даже шутить нельзя. Это чересчур страшно.

– А я тебе говорю, самое время. В отряде оставаться больше нельзя.

– Время действительно трудное. И потому бежать – это предательство. Это ты сказал не подумав.

– Нет, я все хорошо обдумал. Я хочу сохранить тебя, и твою маму, и себя, конечно. Иначе, ведь ты понимаешь, мы все обречены на гибель. Как те вон, – кивнул он в дальний конец обороны.

– Что ж, возможно, – согласилась Зоська, во второй раз ставя его в тупик. Он больше всего боялся, что она не поймет его доводов, а она, оказывается, доводы хватала на лету, но никак не могла принять следовавшие за ними выводы.

– Возможно, возможно! – начал терять рассудительное спокойствие Антон. – Так что же ты хочешь? Погибнуть? Может, тебе жить надоело?

Зоська со вздохом повернулась к нему лицом и взяла его за большую пуговицу на кобушке.

– Антон, ты понимаешь... Кому жить не хочется! Я совсем и не жила еще. Но что же ты предлагаешь? Идти к фашистам? Что же это такое? Это же хуже смерти. Тут надо потерять всякую совесть. Они же чума двадцатого века. Против них поднялся весь мир. С ними жить невозможно, они же звери.

– Ну, это смотря для кого звери. Если с ними по-хорошему...

– Ты смеешься: по-хорошему? Они вон перебили столько и тех, кто к ним по-плохому, и тех, кто по-хорошему, и тех, кто никак. Люди для них – скот на убой, а не люди.

– Ну ладно! – сказал он нетерпеливо. – Я разве говорю, что они золото? Но у нас нет выбора. Что же нам делать? Они – сволочи, но они побеждают. И мы вынуждены с этим считаться.

– Во-первых, еще не победили. И победят ли, это еще неизвестно. Даже если взяли Сталинград и если возьмут Москву. Есть еще Урал. Сибирь...

– Что в той Сибири?..

– Мы – люди. И мы никогда их не примем, даже если они и победят. Ты говоришь: нет выбора. Выбор есть: или мы, или они. Вот в чем наш выбор.

– Да-а, – сказал он, помолчав. – Здорово, однако, тебя напропагандировали.

– Пропаганда тут ни при чем. Я сама это знаю. Потому что глаза имею и уши. Поэтому давай не будем. Давай забудем этот дикий наш разговор.

– Разговор можно забыть, – упавшим голосом сказал Антон. – Да от этого легче не будет. Надо делать что-то.

Он был разочарован и опасался, что все испортил, пойдя вот так, напрямик. Кажется, надо было иначе, тоньше и с подходом. А он в лоб ляпнул свое предложение. Теперь вот получай. Теперь он и не знал, с какой стороны к ней подступиться. Кажется, все свои козыри он уже выложил в этой игре и ни на шаг не продвинулся к цели.

Антону надоело топтаться на мокром снегу у ворот, и он, отойдя подальше, нашел подходящий камень, подкатил его ближе к выходу и сел, прислонившись к стене. В трех шагах от него с подавленным видом стояла Зоська. Было очевидно, что

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru отношения между ними обретали новый характер и следовало немедленно что-то предпринять, чтобы еще спасти их и заодно себя тоже. Но Антон, кажется, зашел в тупик и просто не знал, что можно было предпринять, чем подействовать на эту строптивую упрямыцу.

– Зось! – сказал он после длительной паузы. – Я думал, что ты меня действительно любишь.

– В том-то все и дело, – быстро обернулась она. – Иначе был бы другой разговор.

– Это какой же?

– Простой. Разве бы я смогла с тобой так разговаривать?

– Как?

– Так терпеливо. Переубеждать тебя.

– Меня, знаешь, переубеждать не надо.

– Нет, надо, Антон, – сказала она, опускаясь перед ним на корточки. – Это у тебя блажь. Минутная слабость. Это убитые на тебя так подействовали. На меня, знаешь, тоже... подействовали. Может, правда, в обратном смысле.

– В каком же?

– А, знаешь, самой жить захотелось.

– Вот это и видно!

– Нет, ничего тебе не видно, Антон. Знаешь, иди-ка ты назад в отряд. В случае чего я подтверждаю, что ты был со мной. Скажу, что я попросила тебя проводить...

– Чудачка! – невесело усмехнулся Антон. – Ты сначала вернись после всех твоих заданий.

– Постараюсь, – сказала она.

– Постарайся! Этого мало. Суметь надо. А ты такая умелая...

– Да, я не очень умелая, сознаюсь. Но...

– Вот. И не агитируй меня. Я в отряд не вернусь, – жестко сказал Антон. – С меня хватит. Я воевал честно все восемь месяцев. Но – буде! И тебя не пущу.

– Ты шутишь? – сказала она странно похолодевшим голосом.

– Нисколько!

Антон вскочил с камня, выглянул из ворот. Его охватила решимость. Только она могла помочь ему сладить со своей судьбой и с этой упрямой девчонкой. Пусть вопреки ее воле. Но он знал, что с девчонками всегда обращаются вопреки их воле, и те потом не обижаются. Некоторые даже благодарны всю жизнь. Надо лишь действовать решительнее, меньше слушая их неразумный лепет и причитания.

11

Остаток этого ветреного зимнего дня они проторчали на стуже за притолокой широких ворот, не сводя глаз с поля и дороги. Но в поле везде было пусто, а на дороге лишь один раз проехали сани с двумя мужиками, и больше никто не показывался. Зоська, немного всплакнув, чувствовала себя совершенно убитой, соседство мертвых подрывников, которых они не могли даже захоронить, подействовало на нее удручающе. Но больше всего ее заставил страдать Антон. В том, что он задумал злую нелепость, у нее не было никакого сомнения, но она не находила способа, как отворотить его от этой нелепости. Все ее доводы он тут же отвергал с легкостью, руководствуясь собственной, в общем, неплохо отработанной логикой, за которой было естественное для человека желание выжить. Но каким образом?

Зоська тоже очень хотела выжить, но тот способ спасения, который усиленно навязывал ей Антон, она принять не могла. Он же упрямо не соглашался ни на какие ее уговоры и не внимал никаким ее увещаниям.

И стало так, что за время, когда они, то и дело опасно возвышая голоса, спорили и когда подолгу угрюмо молчали за своей притолокой, Зоська почувствовала, как в ее глазах начала убывать человеческая ценность Антона. Порой он вызывал в ней жалость обидным неразумием простых, как снег, истин, а порой и презрение своим явно сквозившим расчетом. Боясь окончательно поддаться этому недоброму к нему чувству, Зоська сдерживала себя, ей начинало казаться, что в основе конфликта между ними лежит не его намерение, а какое-то недоразумение, что стоит ему что-то объяснить, как он станет прежним. И она, все пытаясь растолковать ему его заблуждения и не в состоянии сладить с его упорством, думала: какой же он в самом деле? Такой, каким ей показался вначале – сильный, участливый, все умеющий партизанский парень – или напуганный за свою жизнь шкурник, который вознамерился и ее склонить к шкурничеству? Правда, пока он не сделал ей ничего плохого и вел себя, как обычно, только говорил не совсем обычные для нее слова. Но от этих слов ей становилось страшно.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Так что же ей делать, что делать?..

Было, однако, очевидно, что, кроме как сидеть тут в ожидании ночи, пока ничего сделать нельзя, и они то молчали, то вполголоса спорили, то зябко топтались за притолокой, стуча зубами на промозглом сквозном ветру. Но вот день подошел к вечеру, в поле стало заметно темнеть, дорога, ведущая на далекий большак, лежала пустая, и Антон глубже надвинул на голову шапку.

– Так, ладно, – сказал он в ответ на какие-то свои мысли. – Пошли!

Зоська сильно озябла и едва сдерживала дрожь в настылом теле, все в ней рвалось из этой проклятой оборы, но из ворот она вышла не сразу, ноги вдруг потеряли легкость, и она робко ступила на мокрый осевший снег. Ее прежнее расположение к Антону убывало по мере того, как убывал этот день, и к вечеру его осталось немного. Ей уже не хотелось идти за ним, в мыслях царило смятение, в пору было поворачивать назад, за Неман, в отряд.

Она попыталась отогнать плохие предчувствия, сказав себе, что рано еще отступить от этого человека, оставляя его в нелепейшем заблуждении; надо еще попытаться переубедить его, не дать сделать последний опрометчивый шаг, за которым – гибель. Все-таки он был неплохой партизан и симпатичный парень, этот Антон Голубин, решившийся на такое отчасти и из-за нее тоже. И она схватилась за последнее, еще доступное ей средство.

– Антон! Постой!..

Он быстро шагал по насыщенному влагой снегу, направляясь вдоль кустарника поодаль от дороги, и нехотя остановился возле кольев ограды. Весь его угрюмый взъерошенный вид говорил: ну, что тебе еще надо? Зоська подбежала ближе, чтобы в сгустившихся сумерках лучше видеть его лицо, и не узнала его: таким оно стало чужим и недобрым.

– Антон, ты подумай... Я, знаешь, даю слово... Я никому не скажу. А ты иди назад. Хочешь, я напишу Шевчуку... Карандашик у тебя найдется?

– Что ты напишешь? – холодно спросил он, стоя к ней боком.

– Ну, что я тебя уговорила проводить меня. Чтобы тебя там за самоволку...

– Тоже мне скажешь!.. – пренебрежительно буркнул он и, как всегда, споро зашагал вдоль кустарника.

«Что же делать? Что делать? – едва не со слезами в который раз спрашивала себя Зоська. – Неужели он уйдет? И куда? Ведь его же немцы повесят. Как он не понимает этого?»

Еще подсознательно, но все определеннее она чувствовала, что идти с ним дальше нельзя, что так она просто завалит задание, подведет под петлю людей, себя и, вполне вероятно, – маму. Что Антон в таком его состоянии – словно бы пьяный или хуже пьяного, что он может натворить такого, чего сам не ожидает. Но он, как и вчера, казалось, нимало не беспокоясь, уверенно шагал по снежной целине к недалекому уже Скиделю. Заволоченное облаками небо быстро темнело, снег внизу лежал белой нетронутой целиной, дул свежий западный ветер, принесший промозглую ростепель и за день превративший свежее выпавший снег в хлюпкую кашу, в которой быстро промокли Зоськины сапоги. Идти было трудно, ноги проваливались до самой земли, но она немного согрелась и пошла медленнее. Антон ушел далеко, однако она видела на снегу глубокие его следы и не боялась отстать, а догонять его ей не хотелось. Она даже подумала, что, может, он так и уйдет один, оставив ее в ночи, и не испугалась этой своей мысли. Чем-то она даже понравилась ей, эта мысль.

Но он не ушел один. Шагая впереди, он все-таки находил время оглянуться и, наверно, заметив, как далеко она отстала, приостановился возле опушки. Впереди был молодой хвойный лесок, справа лежало голое равнинное поле. Зоська не помнила этих мест, но чувствовала, что Скидель совсем где-то рядом. Идти оставалось час или два, и за это время ей предстояло что-то решить. Она уже знала, что идти с ним в Скидель просто не имела права.

– Ну, что ты отстаешь? – спросил он с упреком, когда она подошла ближе. – Или устала?

– Ногу натерла, – неохотно ответила Зоська. Действительно, в левом ее сапоге толстым узлом сбилась портянка, которая больно натирала стопу на подъеме.

– Так переобуйся.

Еще не зная, что предпринять, Зоська быстро огляделась окрест – далеко впереди на лесной опушке, ей показалось, блеснул огонек.

– Там что – деревня?

– Там? – Антон вгляделся в плотно осевшие на снег зимние сумерки. – Деревни тут не должно быть. Хутор, наверно.

– Зайдем на хутор, – сказала она.

– Зачем? До Скиделя вон пять километров.

– Ну зайдем. Мне надо.

– Вот еще! Зачем тебе хутор? Придем на место, там можно посушиться и вообще...

Но она быстро пошла вперед вдоль опушки на робко мерцавший вдали красноватый

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru огонек. Она не знала, зачем ей был нужен этот одинокий хутор, но чувствовала, что нельзя ей теперь идти в Скидель и надо протянуть время.

Они долго шли по раскисшему снегу вдоль леса на то исчезающий, то снова появлявшийся далекий огонек в чьем-то окне. Зоська уже не старалась заговорить с Антоном, она тихонько плакала, украдкой смахивая пальцами слезы. Это же надо так все испохабить в ее и без того непростой дороге, думала она про Антона, чувствуя себя глубоко уязвленной и обманутой. Оказывается, она нужна была ему для шкурнического его намерения, а вовсе не потому, что он полюбил ее. Хотя... Все-таки он не отказывался от нее – наоборот, он готов был разделить свою судьбу с ней, и она была не против, она даже была бы рада. Если бы только он оставался прежним партизанским парнем Антоном Голубиным. Но ведь он вознамерился перемениться – как с этим могла согласиться Зоська?

И помимо всего прочего, он порол явную глупость со Скиделем, потому что немцы никогда ему не простят его партизанства и рано или поздно повесят с биркой на шее. Напрасно он надеется на какого-то своего земляка. В таком деле никакой земляк не поможет.

Надо было задержать Антона. Как это сделать, Зоська еще не знала. В то же время она чувствовала, что сама уже сильно опоздала, что так могут пройти все сроки ее задания. Но теперь ей было не до сроков. Под угрозой находились она и ее задание.

Огонек вдали исчез, они долго ничего не видели в темени, кроме неясного серевшего в ночи снежного поля и шумящей на ветру хвойной опушки рядом. Но опушка тянулась и тянулась куда-то в снежные сумерки, пока за очередным поворотом перед ними опять не появился крохотный красноватый огонек в окошке. Под самым лесом уютилось несколько хуторских построек, чернел на снегу пунктир изгороди, и в темном небе на сучьях старых деревьев тускло белел снег. Антон остановился, Зоська тоже придержала шаг – с хутора донесся скрип колодезного журавля и неясно послышался шум переливаемой из ведра воды.

Антон, ничего не сказав, направился вдоль ограды к постройкам, и Зоська, немного отстав, пошла следом. По-видимому, они зашли с тыльной стороны усадьбы, от леса; хату и окошко с огоньком скоро прикрыли снежные крыши сараев, появились банька на отшибе. Под низкой стеной у избы лежала покрытая снегом куча бревен, видно, заготовленных на дрова или на какую-нибудь постройку. Антон только обошел эти бревна и почти столкнулся с человеком в кожухе, несшим в обеих руках два деревянных ведра воды.

– О, полные, удача будет! – вместо приветствия шуточно воскликнул Антон. Человек остановился, молча поставил ведра на снег, рассматривая в полумраке ночного прищельца. – В хате чужих нет? – тихо спросил Антон.

– Не, нема, – глухим голосом ответил человек.

– Хозяин? – кивнул Антон.

– Так, так.

– Ну, приглашай в хату. Погреться надо.

– Проше, проше пана, – не очень, однако, обрадованно проговорил хозяин. Оставив на снегу ведра, он поспешил к дощатому очищенному от снега крыльцу, открыл низкую дверь. – Проше пана.

Переступив вслед за Антоном порог, Зоська очутилась в просторном тристене, хозяин закрыл за ней дверь, и она огляделась. Напротив входа топилась печь с большими закопченными чугунами у огня – наверно, на корм скоту, подумала Зоська. Возле печи с ухватом в руках стояла не старая еще, белолицая женщина, спокойно и молча оглядевшая Антона, потом скользнувшая взглядом по Зоське. Из-за стола удивленно глядел на них сидевший над раскрытой книгой мальчуган-подросток, перед ним хлипко мигал огонек коптишки, той самой, наверно, которая и привела их сюда.

В избе царил полумрак, тянуло стужей от двери, дрова в печи, наверно, только еще разгорались.

– Вот передохнуть, – сказал Антон, стоя под несмутившимся взглядом женщины.

– Проше, проше, – тихо сказала хозяйка и поставила в угол ухват.

Зоська попыталась понять, куда они попали, что за люди на этом хуторе, но сразу понять что-либо было трудно. Кажется, хозяин и хозяйка разговаривали по-польски, значит, были, видимо, из местной шляхты, как понимала Зоська, всегда имевшей свое особенное отношение к миру. Светловолосый мальчишка высочил из-за стола и услужливо придвинул поближе к гостям стоявшую у стенки скамью.

– Проше пани и пана сядать, – с ласковой напевностью в голосе сказала хозяйка.

– Сядем, – сказал Антон. – Садись, Зоська, переобувайся. Погреемся немного.

Зоська с удовольствием опустилась на гладкую дубовую скамейку, стянула раскисший сапог. Мальчик опять сел на свое место у коптишки.

– Что читаешь? – спросила Зоська, заглядывая в книгу.

– Я? – преодолевая смущение, переспросил мальчик. – «Таямничий острив», – ответил он по-белорусски.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Знаю. Хорошая книга.

– Ага. Только конца нет. Конец тут выданный, – сказал, смущаясь, мальчишка.

– Конец, проше пана, выданный, так он ее четыре раза прочел. Уже почти наизусть знае, – сказала от печи хозяйка.

В ее тоне Зоське послышалось чуть-чуть прикрытое удовлетворение необычным пристрастием сына-читателя.

– Так если бы конец был, – грустно протянул мальчишка, играя с потрепанной книгой. Зоська поправила портянку и с усилием натянула мокрый сапог.

– Так ты и не знаешь, чем кончилось? Я тебе сейчас расскажу. Тебя как звать?

– Вацек.

– А ну дай книгу, Вацек.

Она придвинулась ближе к коптилке, взяла у мальчика книгу. Хозяйка подошла к столу и с явным интересом наблюдала за гостьей и сыном. Глянул в книгу и Антон. За их спинами в полумраке таилось заросшее щетиной лицо хозяина.

– Так. На чем тут обрывается? Ага, взрыв острова. Ну вот. А дальше люди бросились в море. Корабль ведь они достроить не успели и спасались на рифах. Гибель, казалось, была неотвратимой. Но в самый последний момент на горизонте появился корабль капитана Гранта. Грант плыл за Айртоном...

– А, чтобы снять его с острова? – догадался Вацек.

– Вот-вот. И капитан Грант спас всех.

С редким для подростка вниманием в серых, широко раскрытых глазах Вацек следил за каждым движением ее лица, ловя каждое ее слово, и этот его взгляд и его внимание живо напомнили Зоське довоенных ребят в Скиделе, которым, случалось, она тоже читала интересные книжки. Всего полтора года прошло с той мирной и полной надежд поры, а как все круто изменилось в мире. И, наверное, изменилась она сама. Куда только девались ее молодой задор, постоянная легкость в жизни. Все придавила, оплевала, растоптала война.

– Любишь книжки читать? – спросила Зоська.

Вацек протяжно, по-взрослому вздохнул и закрыл книгу.

– Люблю, но негде взять книжек. У Стасика Кемпеля было три, так я их уже прочитал...

– Проше, пани, пробачить, – мягко вмешалась в разговор хозяйка. – Вацек был отличник в школе, грамоту имеет. Стэфан! – в несколько другом тоне обратилась она к мужу. – Покаж пани грамоту.

– Так, кохана...

Стэфан послушно исчез где-то во второй половине избы, и хозяйка спросила у Зоськи:

– Далеко пани идет?

– Нет, не далеко, – ответила Зоська. – Тут рядом. Да вот ногу натерла.

– Ой, ой, как не добже в дороге. Надо ехать, пани.

– Ну зачем? Мы пешком...

– Наверно, пани с паном ядаты хотят? – с ласковой певучестью в голосе спрашивала хозяйка.

– Спасибо. Мы, знаете...

– А что? Мы не против, – подхватил Антон. – Грех от еды отказываться.

Из другой половины избы вышел хозяин с завернутой в старую газетку школьной грамотой сына, но не успел он развернуть газетку, как хозяйка распорядилась:

– Стэфан, несь млеко, сало...

– Так, кохана, – заученно ответил Стэфан, почти выбегая из тристена.

Зоська не очень внимательно пробежала несколько строчек грамоты отличника пятого класса и передала грамоту Антону. Кажется, они сделали правильно, зайдя на этот хутор. Судя по первому отношению, хозяева были приветливые и добрые люди, а главное, ни о чем не спрашивали и, наверно, мало интересовались, кто их ночные гости. Только хозяйка спросила, куда идут, но это слишком обычный вопрос в таких случаях, за которым, пожалуй, не было ничего, кроме простого любопытства.

Хозяйка тем временем стала быстро накрывать на стол, разостлала коротенькую льняную скатерку, достала из шкафчика несколько чистых глиняных мисок, деревянные ложки. Потом взяла краюху ржаного хлеба и стала ее кроить, приставив к груди, – в точности, как это делала Зоськина мама. Платок она сдвинула с головы на плечи, и ее белое, моложавое лицо с тонкими морщинками у губ светилось спокойной сдержанной добротой. Такие женские лица всегда нравились Зоське, хотя и встречались они в это суровое время нечасто.

– Проше сядаты, пани. И пана, – приветливо пригласила хозяйка Антона.

Зоська подвинулась дальше за стол, из-за которого сразу, как только стали его накрывать, скромно удалился Вацек, рядом уселся Антон. Трудно дыша от спешки, в хату ввалился хозяин с кринкой молока и большим куском сала в заскорузлых

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru пальцах. Хозяйка, как показалось Зоське, со стыдливой поспешностью выхватила у него этот кусок и не спеша отрезала от него на столе несколько крупных ломтей.

– Проще ядать, проще. Мы люди небогатые, но гостям радые.

Зоська про себя усмехнулась наивной, хотя и чистосердечной претензии на шляхетско-польское обращение их хозяйки, польский язык которой, изрядно пересыпанный местными белорусскими речениями, выдавал в ней здешнюю уроженку, разве что католичку. По тому, как покорно и молчаливо стоял в стороне хозяин, словно ожидая ее распоряжений, Зоська поняла, кто здесь главнее. Впрочем, главенство хозяйки не казалось грубым или оскорбительным, она исполняла его с вполне подобающим в таких случаях тактом. Хозяин к тому же, видно, привык к своей участи подчиненного и не очень страдал от того.

Они быстро съели по миске гречневой с молоком каши, выпили горячего, заваренного сушеной малиной чая. Вацек деликатно стоял в сторонке, и Зоська пригласила его к столу, где он за компанию с гостями тоже принялся пить чай. Все тут было легко и, в общем, приятно у этой опрятной гостеприимной хозяйки, которая угощала их душевно и просто, словно давно и хорошо знакомых людей. Зоська старалась не разговаривать с Антоном, который тоже молчал и с озабоченным видом ел все, что было на столе. Зоська напряженно думала, что делать, когда ужин будет окончен? Здесь, при свидетелях, они не могли больше объясняться, хотя все объяснения, кажется, были окончены. Важно было определить также, за кого их принимает хозяйка: за партизан или каких-нибудь полицейских агентов. А может, ни за тех и ни за других, а просто за двух мирных людей, направлявшихся по каким-то своим делам и застрявших в дороге. Это было бы самое лучшее. А если не так? Все-таки хутор у самого леса и поблизости от местечка, наверно, они тут не первые гости.

Душевная тревога сильно омрачала эту неожиданную теплоту гостеприимства, которое все же кончалось. Зоська, однако, хотела как можно дольше протянуть время на этом хуторе, может, даже заночевать тут. Но Антон, по-видимому, был настроен иначе и, съев вдобавок ко всему кусок хлеба с салом, принялся благодарить хозяйку:

– Ну, пани, спасибо! Так накормили, дай вам Бог здоровья.

– И пану нех Бог дае здравья.

– Пану Бог даст, куда денется. Как говорится, обогрелись и пора в путь-дорожку. Он начал выбираться из-за стола, и у Зоськи тревожно забилось сердце при мысли, что сейчас надо решиться. Надо отказаться идти с ним дальше, пусть идет, куда хочет, один.

– Может, у пана и закурить найдется? – обратился Антон к хозяйке.

– Ест, ест, – подтвердила она. – Стэфан, дай пану пшипалить.

Исполнительный хозяин без слов метнулся в другую половину хаты и вернулся с кожаным кисетом в руках. Мужчины не торопясь свернули сигарки, потом Стэфан достал на конце лучины огонек из печи, и они прикурили.

– Ну, как живется на хуторе? – поинтересовался Антон, сквозь дым испытующе следя за хозяином. Тот, вроде затрудняясь с ответом, почесал затылок.

– Так, пан. Как когда. То добже, то кепско.

На его заросшем густой щетиной лице действительно отразилось затруднение, и он тоже с подчеркнутым вниманием посмотрел на собеседника.

– Не беспокоят под лесом?

– Так. Коли не беспокоят. А коли и беспокоят.

– А кто беспокоит? Немцы? Партизаны?

– Як пану сказать? Коли так, а коли этак.

Однако тактичный мужичок, не гляди, что простоватый с виду, подумала Зоська, глядя на большую, с дымящей сигаркой руку присевшего у печи хозяина. Рука его, однако, была спокойна, и вся внешность выражала уважительное ожидание. Хозяйка убирала со стола посуду, переставила в печурку коптишку, чтобы в тристене было светлее, и не вмешивалась в разговор мужчин. Вацек низко сидел на чем-то в дальнем углу, не спуская внимательного взгляда с гостей.

– Ну что ж, нам пора, – Антон затушил в пальцах сигарку. Остаток ее он сунул за измятый отворот шапки и надел шапку на голову. – Зося!

Зося, уронив голову, неподвижно сидела в конце стола.

– Давай, потопали. Отдохнули, поели, – сказал Антон и поднялся, загородив собой половину тристена.

Медленно подняв голову, Зоська увидела обращенные к ней вопросительные взгляды хозяйки от печи, хозяина с табуретки напротив. Что-то, видно, они почувствовали в ее поведении, и это насторожило их.

– Ты иди один, – хрипловато от волнения выдавила она. – Я здесь останусь.

– Хе! – сказал Антон. – Новость! Как это – останусь?

– Просто. Останусь на хуторе.

Она уже справилась с первым обезоруживающим ее волнением и обрела твердость.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Главное было сделано – они размежевались, и, кажется, навсегда. Допущенное ею легкомыслие следовало исправлять, и как можно скорее.

– Погоди, – спокойно сказал Антон после недолгой паузы и сделал шаг в ее сторону. – Ты это что – серьезно?

– Вполне серьезно.

– Не понимаю.

– Что понимать? Я с тобой не пойду.

– Это почему?

– Ты знаешь почему.

Как в мелком ознобе, в ней все дрожало от напряжения. В ответ на деланое его спокойствие ей хотелось закричать, заплакать, но она сдерживалась, все-таки рядом были люди, которые неплохо отнеслись к ней и не знали причины того, что произошло между ними. Антон в раздумье недолго постоял у стола, потом шагнул назад и сел на скамью.

– Нет, так дело не пойдет! – со спокойной твердостью объявил он. – Так ничего у тебя не выйдет.

Хозяйка жестом услала Вацека во вторую половину избы, хозяин отошел к хозяйке, и оба они с удивлением глядели на Зоську, будто приросшую к скамье за столом. Стало тихо.

Разгоревшиеся дрова в печи гоняли по потолку и бревнам стены багровые блики. Зоська поняла, что предстоит бой, но она твердо решила не уступать.

12

Сев на скамью, Антон почувствовал, как тягуче загудело в его голове – такое с ним случалось нечасто. Пока он не счел себя одураченным, но с особенной ясностью понял, что эта строптивая девчонка еще наделает ему хлопот. Тем более затащив его на этот идиотский хутор, к этим неизвестно в чью пользу настроенным хозяевам. Впрочем, хозяев он мало опасался, он был уверен, что с ними сладит хотя бы с помощью оружия. Было бы, однако, лучше, если бы они вели себя тихо, сохраняя нейтралитет к его драме.

А драмы, пожалуй, не избежать, думал Антон. Как он ни воздерживался, а кажется, придется употребить силу, другого выхода у него не оставалось. Бросить ее тут одну он не мог: что ему было делать без нее в Скиделе? О возвращении его в отряд не могло быть и речи – из леса он уже ушел окончательно и бесповоротно. Но он рисковал оказаться ни с чем – уйдя из леса, не дойти до местечка, – а так жить было невозможно. Так что же ему было делать?

Хозяева о чем-то тихо перешептывались у печи, украдкой бросая осуждающие взгляды то на него, то на Зоську, которая словно окаменела за концом стола. Пока они не встрели в чужой для них и, наверно, малопонятный конфликт, и Антон подумал, что, возможно, удастся настроить их в свою пользу, против Зоськи.

– Вот! – кивнул он в ее сторону. – Заупрямилась женка. Понравилось ей у вас, не хочет идти.

– Я тебе не женка! – тут же резко ответила из-за стола Зоська.

– Как это – не женка? – удивился Антон. – Во, дает баба! От мужа откальвается.

– Врешь! Ты никогда не был мне мужем! – с надрывом выкрикнула Зоська и заплакала.

Антон слегка растерялся. Он всегда терялся при виде плачущей женщины и не знал, о чем говорить дальше. Но все-таки он решил придерживаться того варианта, что Зоська – его жена, затеявшая недостойную ссору с мужем.

– Ну что возьмешь с бабы! – снисходительно сказал он, обращаясь к хозяину, который с озабоченным видом топтался возле печи и никак не отреагировал на его обращение.

Зоська, однако, скоро перестала плакать, пальцами вытерла слезы, поправила сбившийся платок на голове. Антон украдкой поглядывал на нее, и несколько раз в его душе предательски шевельнулась жалость – зачем столько упрямиться? Уж он-то постарше ее и лучше разбирался в жизни, возможно, он спас бы ее от гибели и, глядишь, устроил ее судьбу. Только бы она доверилась ему. Так нет. Довела все до скандала, который неизвестно как уладить теперь при посторонних.

– Зося! – сказал он и встал со скамьи. – Ну не в местечко, доведи меня хоть до околицы. Потом пойдешь, куда хочешь.

В этом была его хитрость – на окраине местечка уж он бы с ней справился. Зоська на минуту притихла, словно обдумывая его предложение, и холодно ответила, как отрубил:

– Нет!

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

- Я не знаю, с какой там стороны и войти, - хитрил он.
- Дорога приведет.
- Дорога-то приведет, но... Не с руки по дороге.
- У людей спросишь.

Однако, черт возьми, пока ничего не получалось. Неужели действительно ничего и не получится и ему придется одному идти в Скидель? И одному заявиться к Копыцкому? Но как бы его, одного, не приняли за партизанского шпиона, получившего задание устроиться в местечке! Копыцкий ведь тоже может в нем усомниться, не гляди, что земляк. Все-таки своя рубашка каждому ближе к телу, а в такое проклятое время недолго расстаться и с рубашкой, и с собственным телом тоже.

Нет, ему обязательно нужна была она - как жена, хозяйка будущего дома и, что важнее всего, - как заложница. Заложница, какая ни есть - гарантия для немцев и для того же Копыцкого, особенно если взять в расчет еще и ее мать. Антон уже знал, что к человеку с заложниками - семьей, матерью, детьми - немцы относились с гораздо большим доверием, чем к одиночке, у которого ни кола ни двора, а только одни, пусть самые благие, намерения. Как все деловые люди, немцы обожали гарантии.

Но вот возьми ее, эту гарантию, окаменевшую в своем диком упрямстве на скамье за столом.

Шло время, наверно, уже была близка полночь. Антон непростительно терял одну за другой все и без того немногочисленные свои возможности и начинал волноваться. Так, черт возьми, недолго и вовсе остаться с носом. Особенно если щепетильничать с этой упрямцей да оглядываться на хозяев. Но уж с хозяевами он щепетильничать не имел намерения.

- Эй ты! - резко обернулся Антон к Стефану. - Давай веревку!

- Что пан хцэ? - удивилась хозяйка, выступив вперед и как бы загораживая собой мужа.

- Давай веревку! Быстро!

Хозяйка побледнела, уставясь в его исполненное мрачной решимости лицо, а хозяин, уронив руки, стоял за ней, видно, не решаясь выполнить его требование без дополнительной команды жены.

- Я что вам сказал! - со сдержанной угрозой проговорил Антон и вытащил из-за пазухи наган.

Тихонько ахнув, хозяйка отступила назад, а хозяин, нагнувшись в темный угол возле двери, молча подал ему недлинную спутанную веревку. Антон приказал:

- Разбери! Разбери, распутай! Что смотришь, не понимаешь?

Дрожащими, ставшими совсем непослушными руками хозяин кое-как разобрал веревку, Антон сунул наган за пазуху.

- Ну, - сказал он Зоське, в ужасе откинувшейся за столом. - Пойдешь?

- Нет! Нет! Ты не посмеешь!

- Я? Я посмею, черт тебя возьми! - выкрикнул он, распаясь от своего угрожающего крика, и хватил за угол стола. Рывком он отшвырнул стол в сторону, услышав, как сзади сдавленно вскрикнула хозяйка, но он уже схватил Зоську за руку и одним точным движением подломил руку за спину. Зоська ойкнула, выгибаясь от боли и оборачиваясь к нему спиной, он сильно толкнул ее грудью на пол и, поймав вторую руку, тоже заломил за спину. Пока она причитала и дергалась, пытаясь вырваться, он быстро обмотал ее кисти веревкой, затянул узел. Она сопротивлялась, как только могла, но что для него было ее сопротивление! Связать человека он мог в минуту. Чтобы она не отбивалась сапогами, другим концом веревки перехватил еще и ноги у щиколоток.

Изрядно, однако, запыхавшись, он поднялся с пола, стараясь не слушать Зоськиных причитаний, обернулся к хозяевам. Те, прижавшись друг к другу и, наверно, помертвев от страха, стояли у печи. Но теперь он не намерен был с ними объясняться, тем более оправдываться - пришла пора действовать.

- Запрягай лошадь! Живо! - скомандовал он хозяину. Тот снова немым истуканом глядел на него, не в состоянии двинуться с места.

- Лошадь, говорю, живо!

- Так нема, пан, лошади, - наконец пробормотал он, и Антон почти закричал:

- Как нет? Запрягай, говорю, лошадь!

- Пане, не маю лошадь. Забрали лошадь...

- Кто забрал? - спросил Антон, почувствовав, однако, что его замысел еще более усложняется, если не совсем летит в тартарары. - Кто забрал лошадь?

- Не знам, пане. Люди пришли, забрали.

- Врешь! - выпалил Антон первое, что в таком случае пришло ему в голову, и снова выхватил наган из-за пазухи.

Хозяин беспомощно развел руками, вроде испуг его проходил, но появилось какое-то ранее не замечаемое в нем упрямство или даже непослушание. Кажется, он

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
тоже переставал подчиняться.

– Пан можа штэліць, але...

– А ну пошли! – подтолкнул его Антон, которому вдруг показалось, что все-таки он хитрит – где-то в сараях во дворе, наверно, спрятана его лошадь. – А ты – марш туда! – указал он хозяйке на дверь в другую половину избы. – Живо!

Хозяйка без слов прошмыгнула в дверь, Антон прикрыл дверь сильнее и, пошарив рукой возле печи, нашел ухват. Кажется, он хорошо подпер им дверь, туго подсунув ручку ухвата под верхнюю палку двери.

– Зажигай фонарь!

– Так, пан, нема лихтара, – снова развел руками хозяин. – Пан сам будет видеть. «Черт возьми, увидишь там что без огня!» – выругался про себя Антон. Но у него еще было в кармане несколько плоских немецких спичек, и он толкнул дверь на выход.

– Пошли!

Пропустив хозяина вперед, он вышел за ним и задержался: входную дверь тоже надо было запереть. Но она открывалась внутрь, подпереть ее было нельзя и, кажется, нечем. Видя, как Антон возится с дверью, хозяин на ощупь нашел накидную планку и сунул ему в руки большой замок без ключа.

– От так, пане, так...

Антон запер дверь, просунув дужку замка в пробой, и они направились в хлев.

Да, в хлеву коня не было. Одна загородка совсем пустовала, в другой, когда он зажег спичку, к проходу повернула голову пестрая, лениво жевавшая жвачку корова, где-то тревожно закудаhtал петух на насесте. Антон с досадой бросил в навоз догоревшую спичку.

– А с той стороны?

В другой конец хлева, отгороженного бревенчатой переборкой, вела низкая дверь со двора. Они обошли кучу навоза у входа, и хозяин, отбросив запоры, отворил и ее. Здесь воняло свиньями, слышна была их сонная возня в соломе, вряд ли тут могла находиться лошадь. Для верности Антон все-таки посветил через порог спичкой и понял: напрасно.

Но это было совсем уж нелепо. Зачем же тогда он устраивал весь этот спектакль, вязал на полу Зоську? Не нести же ее на себе пять километров в Скидель... Однако неужели же это исправное кулацкое хозяйство действительно обходилось без лошади? Или его все-таки надували, где-то упрятав лошадь, которую он просто не мог найти?

Они вышли во двор, Антон остановился. Остановился и хозяин в молчаливом ожидании того, что должно последовать дальше. Но Антон теперь решительно не знал, что предпринять. Действительно, лошади на хуторе могло и не быть, ее могли спрятать в лесу, у соседей, в ближайшей деревне. Где еще можно было искать? Антон окинул взглядом тусклые в ночи силуэты сараев и заметил на отшибе еще какую-то постройку – ток или пуню.

– А там что?

– Там? Там, пане, сено, але... – с затруднением начал объяснять хозяин.

– Ах, сено! Сено, значит, имеется, а коня нет? А ну посмотрим!

Он быстро прошел по мокрому снегу к сараю, отворил легкую, пугающе скрипнувшую в тиши дверь. Тут действительно сильно и знакомо запахло пересохшим сеном, но было совершенно темно, и он снова сунул руку в карман за спичкой.

– Не, не! – встрепенулся хозяин, предупреждающе хватая его за руки. – Не можно палить...

– Не бойся, не сожгу, – сказал Антон и все же посветил спичкой. Весь конец сарая был забит сеном, рядом стояли вилы, грабли, какие-то прислоненные к стене доски – похоже, коня не было и тут.

– Нет?

– Нема. Я пану мувил: забрали коня.

Чертовщина какая-то, подумал Антон, не зная даже, что думать дальше. Похоже, он по-настоящему влип на этом проклятом хуторе, завяз, как в болотной трясине, – ни назад, ни вперед. Оставалось разве что идти на мировую с Зоськой, может, как-нибудь улещить ее. Но для этого придется ее развязать, какой же разговор со связанной?

Узкой тропинкой они повернули к хате. Антон на минуту прислушался: не едет ли кто по дороге? Но везде было тихо, над лесной равниной лежала глубокая ночь, сильно дул западный ветер, снег под ногами таял, было сыро и зябко.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru восемнадцать лет ей не было так больно и так мучительно обидно. Короткая борьба с Антоном совершенно обессилила ее. Как ни отчаянно она сопротивлялась, все же не могла противостоять его злой мужской силе, он расправился с ней в считанные секунды, и теперь она не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой – так он туго скрутил их веревкой. Из разговора Антона с хозяином Зоська поняла его намерение и поняла также, что она пропала. Как самая последняя дура, она доверилась этому шкурнику, а потом полдня сомневалась в его предательстве, еще пытаясь в чем-то переубедить его, не дать совершить свой последний гибельный шаг. Теперь вот ее ждала расплата. Он купит себе жизнь ценой ее гибели: как глупую телку, повезет и сдаст ее на расправу полиции. Что ж, итог достоин его вероломства, равно как и ее беспросветной глупости.

Раздираемая обидой и запоздалой ненавистью к Голубину, она корчилась на боку в темном промежутке между столом и скамьей, на которой недавно сидела. Под ее мокрым плечом хлюпала холодная лужица, натекая с ее ног, и ей так хотелось завывать, закричать, позвать на помощь людей, открыть им глаза на этого лжепартизана. Но что толку было кричать, звать тут было некого. И, лишенная способности шевельнуться на полу, она горячечно металась в мыслях в поисках хоть какой-нибудь возможности выхода. Но, кажется, выхода не было, и оттого было нестерпимо обидно и больно.

По всей видимости, теперь для нее начинался другой отсчет времени, которым она не распорядилась, наоборот, время стало распоряжаться ею, и ей оставалось лишь покориться его немилосердному ходу. Но она не могла покориться, все-таки она жаждала совладать с бедой, тем более что Голубин ушел, конечно, предусмотрительно заперев дверь снаружи. Она слышала его шаги на крыльце и его короткий разговор с хозяином, затем их шаги пропали во дворе, и она, перестав плакать, вслушалась. Ей показалось, он возвращается: стукнула дверь. Но это была не та дверь, за которой исчез Голубин, а та, что вела в другую половину избы. Она действительно тихонько задергалась, словно затряслась под чьей-то невидимой рукой. Зоська удивленно приподняла голову с пола – слабый огонек коптилки в печурке едва освещал мрачный потолок тристена и серый прямоугольник двери, подпертой ухватом. Но вот верхний конец ухвата будто сам по себе пополз в сторону, медленно освобождая дверь от подпора, и та наконец растворилась. В тристен проскользнул Вацек, за ним вбежала хозяйка, оба бросились к Зоське.

– Ой, панечка, панечка, тикайте...

Сглотнув соленые слезы, она встрепенулась, неудачно попытавшись сесть, ноги сразу подвернуло веревкой, за которую тут же ухватился Вацек. Упав возле нее на колени, он начал яростно дергать туго затянутый узел, и хозяйка, метнувшись к печи, сунула в его руки нож.

– Бежите, бежите, панечка!..

Мальчишка быстро перерезал веревку, ноги ее освобожденно распрямились, она вскочила, сбрасывая с перетянутых кистей намотанные остатки веревки. Она еще не вполне осознала, что это спасение, она лишь почувствовала, что возможности ее вдруг увеличились, и особенно остро поняла, что у нее появились союзники. Это сразу удвоило ее силы, она скинула с себя обреченность и устремилась к неясной еще, едва блеснувшей вдали надежде.

– Сюда, сюда...

Где-то в запечье хозяйка отбросила в сторону полосатую занавеску-дерюжку, Вацек знакомо стукнул клямкой двери, и на нее пахнуло холодом улицы – и свободой. «Спасибо!» – бросила она сдавленным шепотом и, наткнувшись на что-то в темноте и едва не упав, рванулась к спасительно замерцавшему проему раскрытой во двор двери.

Ну, конечно, здесь был ранее не замеченный ими черный ход из хаты во двор с дровосеком возле порога и разбросанными вокруг толстой колоды поленьями; чуть в стороне громоздились заснеженные комли сложенных под стеной бревен; она бросила взгляд в другую сторону – за плотом в снегу темнела на отшибе банька, мимо которой они проходили, направляясь к усадьбе.

– Туда, туда бегите! – махал ей с порога Вацек, и она через пролом в изгороди побежала к баньке.

Она бесконечно долго бежала по свежему снегу каких-нибудь пятьдесят метров к баньке, ежесекундно ожидая услышать крик или даже выстрел сзади, теперь она знала, что пощады от него ей не будет. Но приземистая длинная хата с тристеном, наверно, прикрывала ее от двора, или, может, Антон был в хлеву, искал лошадь. Странно, но в эти секунды она почти жаждала его окрика, она хотела засвидетельствовать его растерянность, пусть бы себе стрелял, черта теперь он попадет в нее. А в беге она еще могла посоревноваться с ним, пусть попробует догнать ее...

Но пока он не крикнул и не бросился ее догонять, очевидно, он все еще не заметил ее побега, и она с распиравшим грудь дыханием забежала за баньку. Далее

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru за изгородью и неширокой полосой огорода темнела в ночи высокая стена леса, который готов был спасти ее, надо лишь не терять время, пока не спохватился Голубин. Но то ли с усталости или еще почему, она не бросилась дальше, в лес, а прижалась спиной к шершавым бревнам стены, и слезы снова покатались по ее щекам.

– Ах, ты ж подлец! Ах, подлец... – сказала она себе, всхлипнув, и обмерла – со двора донесся знакомый голос Антона. Но голос был в меру спокоен, без крика и тревоги, что-то он спрашивал там, и ему тихо отвечал хозяин. Кажется, он все еще не обнаружил ее побега – они говорили о лошади. Но что будет, когда он вернется в избу и не найдет ее там? Ведь он может перестрелять всех, поняв, что она сбежала с их помощью. Боже, что ожидало эту несчастную семью?..

Она выглянула из-за угла, но во дворе между темных стен хаты и сараев ничего не было видно. Антон с хозяином куда-то исчезли, может, уже вернулись в избу. Конечно, ей следовало без промедления бежать в лес, авось он не сразу бросился бы за ней по следам, но она медлила. Ее опять словно парализовало за этой провонявшей копотью и дымом банькой, вся она тряслась от охватившей ее на ветру стужи и с ужасом ждала криков и выстрелов – теперь уже не со двора, а в избе.

– Ах, подлец! Ах, предатель!..

Не в состоянии что-либо решить и вся нервно трясясь от стужи и страха, она стояла у стены уже минуту, если не больше, чувствуя, как убывают ее с таким желанием обретенные шансы спастись... Вдруг она снова услышала голоса во дворе, и это вернуло ей часть самообладания – значит, они еще не в избе и самое страшное откладывалось еще на две-три минуты. И тогда, все вглядываясь из-за неровного угла бани во двор и постройки, она увидела на сером снегу две неясные вдали фигуры: высокую – Антона и пониже – хозяина, которые уходили куда-то к сараям. Тут только она смекнула, что он будет обыскивать сараи, что лошади пока не нашел. Тем самым он дарил ей еще несколько скупых минут, и она вдруг поняла, что сейчас сделает.

Чуть забирая в сторону, чтобы снова прикрыться избой, она бросилась назад ко двору. Минуту назад, выбежав из двери, она видела на дровосеке вогнанный в колоду топор. Теперь, по-кошачьи крадучись возле стены, она вбежала на дровосек и схватилась за гладкое холодное топориче, обеими руками с усилием выдернула топор из колоды. Потом обогнула с другой стороны избу, перелезла через невысокий штакетник ограды, взбежала на знакомое крыльцо с увесистым замком на двери. Но на крыльце спрятаться было негде, все тут было открыто, а снова бежать через дровосек в избу у нее не было времени. Конечно, она ничего не обдумала и даже не осмотрелась как следует, но иначе она не могла. По-прежнему ее душила обида, слезы то и дело застилали ее взгляд, и она с трудом принуждала себя к осторожности. Пробежав по двору до угла, чтобы взглянуть на сараи, она тут же отшатнулась к стене – они уже шли по снегу от сараев к избе. Зоська прижалась спиной к стене и занесла топор. Их шаги приближались, сердце ее глухо стучало в груди, отдаваясь в бревнах стены, давящий комок застрял в горле. Но она не заплакала, она лишь сглотнула слезы и, как только он шагнул из-за угла, со всей силой взмахнула из-за плеча топором. Тут же она поняла – неудачно, Антон круто, по-волчьи, вывернулся и сильно ударил сам. Занесенный во втором взмахе топор стукнулся о стену и отлетел к ногам, Зоська вскричала, и он, матерно, со злобой выругавшись, опрокинул ее на снег, ударил раз и другой, приподнял, встряхнул и снова ударил.

– Ах ты, курва, твою мать! Что удумала... Ах, курва!..

Недолго, но жестоко избив ее на снегу, Антон вволок Зоську в тристен. В этот раз она не сопротивлялась, сразу сокрушенная не столько его озверелым напором, сколько своей роковой неудачей. В мыслях ее зло загорелось: «Убивай, гад!», и она сперва даже не почувствовала боли, поняв наконец, что теперь уже все. Теперь уж надежды у нее не оставалось.

– Мерзавка, что удумала! Ах, курва! – в то остывающем, то снова вспыхивающем бешенстве хрипел Голубин, бросив ее на пол. – Я к ней по-доброму, а она... А вы! – вдруг вывернулся он на притихших у печи, растерянных и перепуганных хозяев хутора. – Ты ее выпустила, стерва! – закричал он, угрожающе шагнув к хозяйке.

– Не, не, пан! Ниц не ведам...

– Не ведам! Я тебе покажу – не ведам! Враз прикончу тут! Вместе с твоим гаденышем! Падла! И с ним тоже! – грозно обернулся Антон к хозяину. – Лошадь спрятал-таки, подлец! Теперь сам ее понесешь.

Медленно, без сил приподнявшись на полу, Зоська сплюнула кровавую слюну. Кажется, он выбил ей зуб, очень болела челюсть, заложило в боку, дышать было нечем. Пока он распинался, угрожая хозяевам, она села, немощно опершись рукой, уронив низко голову. Из рта все шла кровь, и она думала: что будет дальше? Обозленный неудачей, он мог в любую минуту порешить всех в этой хате. Правда, за наган он еще не хватался, наверное, живые они были ему нужнее, и, прежде всего, конечно, была нужна ему Зоська. Иначе с чем он предстанет перед полицией в

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Скиделе? Значит... Значит, будет лучше, если он ее не довезет до Скиделя. Ей надо умереть раньше. Так будет лучше для нее самой, для тех, кто в отряде, для связанных в деревнях. Наконец – для ее матери в Скиделе. Зоське надо как можно скорее умереть и тем отвести позор и большую беду от многих.

Новый поворот в ее положении осветил все другим светом, придал новый оттенок всем ее помыслам, по-иному перестроил ее намерения. Она вся притихла, собралась, сосредоточилась на своей новой цели. Теперь уж ей стало не до задания, которого она не смогла выполнить, отпали заботы о сроках, даже пропала жалость к этой вот доброй женщине и ее сыну Вацеку. Чтобы не причинить им несчастья, она должна как можно скорее уйти из жизни, в которой ее ждало худшее, чем сама смерть.

Но как это сделать?

Ее долго и подробно инструктировали, посылая на это задание, она выучила наизусть все пароли и отзывы, запомнила много имен людей, названия деревень и улиц. Она старалась узнать и запомнить все, что могло ей понадобится, и узнала многое, кроме самого важного: как умереть в последний момент, когда жизнь обернется для нее бедой? Сидя на полу, она украдкой оглядела мрачные углы тристена, заглянула в темень под лавкой, под стол, раза два бросила взгляд на стену у порога. Там висела какая-то одежда, коромысло, старый картуз на гвозде, но не было ничего такого, что могло бы пригодиться ей. На полу валялся обрывок веревки, перерезанной Вацеком, но что теперь проку от веревки! Оставалось одно – выхватить у Антона наган и застрелить его и себя. Это было бы куда как удачно... Но если убить его, то зачем убивать себя? Ведь тогда можно будет спастись. Значит, так: убить его и спастись. Одна попытка не удалась, авось удастся другая.

Кажется, опять появилась хоть слабенькая надежда, и Зоська, немного отдышавшись, стала втихомолку следить за Антоном, который расхаживал по тристену. Она ждала, что он приблизится к ней, и тогда... В руках у нее была еще сила, пожалуй, она бы смогла выхватить наган, рукоятка которого всегда немного торчала у него из-за пазухи. Но Антон пока был занят хозяевами и на нее почти не обращал внимания, его снова заботила мысль о лошади.

– Так говори: где взять коня? – строго спросил он, останавливаясь перед хозяином. Тот недоуменно пожал плечами.

– Не ведам, пан. Нема коня. Пан видел...

– Видел! Спрятал, зараза! Теперь ты вот что... Деревня далеко?

– Яку пан мыслит деревню?

– Любую. Какая поближе. Сколько километров?

Хозяин молча переглянулся с хозяйкой.

– Деревня? Деревня ест близко. Пенть килёмэтров, – сказала хозяйка, и оба они уставились на Антона, видно, не понимая, что тот надумал.

– А хутор? Хутор ест ближе?

– Хутор ест.

– Сколько километров?

– Килёмэтров два бэндзе, – сказал хозяин. – Близко ест хутор.

– Ага! Значит, так! – обрадованно решил Антон. – Ты топай на хутор и чтоб через час был здесь с лошадей. Понял?

Хозяин вздохнул и помялся, прежде чем что-либо ответить.

– Так, пан. Але сосед не бардзо даст конь. Много лепш бэндзе, если пан сам сходит на хутор.

– Нет, так не выйдет. Ты пойдешь, а я останусь. Понял? А будешь хитрить, не приведешь коня – сожгу хутор. Понял?

Хозяин вздохнул, хозяйка заплакала, закрыв аккуратным передничком лицо, и хозяин тихо обнял ее за плечи.

– Не тшэба, кохана. Нех бэндзе, як пан сказал. Я пшиведу коня. Нех пан чека.

– Это другой разговор, – спокойнее сказал Антон. – Только живо мне! Даю час времени.

Зоська попыталась удобнее сесть на полу, но только шевельнулась, как сильно заболело в боку, и она тихонько застонала. Она поняла, что этот час времени стал мерой и ее возможностей. За этот час ожидания обязательно надо предпринять что-то, потом, наверно, уже будет поздно. Потом возможностей у нее не останется, время будет служить только ему, работая против нее.

Но что она могла сделать?

Хозяин удобнее застегнул свой кожух, надел рукавицы и, что-то тихо сказав жене, пошел к двери. Антон придирчивым взглядом проводил его до порога и, как только дверь за ним затворилась, круто обернулся к хозяйке.

– А ну марш в ту комнату! И не шевелись мне!

Хозяйка сразу исчезла за филенчатой, оклеенной блеклыми обоями дверью. Антон окинул взглядом тристен и, наверно, не найдя того, что искал, схватил обеими

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
руками стол, который размашисто, через все помещение двинул под дверь, надежно подперев ее из тристана.

– Вот так! Теперь пусть попробует выйти.

Они снова остались вдвоем. Зоська продолжала сидеть на едва освещенном земляном полу, стараясь не глядеть на Антона, она и без того ощущала каждое его движение рядом. Челюсть болела, наверно, напухла щека, и она тихонько поглаживала ее рукой. Подперев дверь, Антон подставил к столу топчан, ощупал и запер на крюк наружную дверь, заглянул в темное окно с запотевшими стеклами и присел на скамью. Однако что-то ему мешало, он заметно беспокоился о чем-то и, вскочив, рукой нащупал на лопатке прореху, прорубленную в коже топчором.

– Зараза! – сказал он и выругался. – Убить хотела!

– Хотела! – не сдержалась Зоська. – Жаль, не удалось.

– И не удастся, – сказал он, расстегивая ремень. Однако, еще не расстегнув его, вынул из-за пазухи наган и старательно затолкал его в тесный, чем-то набитый карман брюк. Зоська во второй раз едва не застонала с досады, поняв, что вся задумка ее пошла прахом, что из кармана нагана не выхватить. И зачем она отвечала ему, может, он не обратил бы внимания на эту прореху, лучше бы отвлечь его на что-либо другое.

Антон тем временем снял колушок и при скудном свете коптилки принялся рассматривать косую, через всю спину, дыру. «Может, он станет ее зашивать, повернется боком, – подумала Зоська. – Может, рискнуть?» Но уверенности в успехе на этот раз у нее не было, она просто могла не успеть.

Нет, он не стал зашивать прореху – он отодвинул стол и приоткрыл дверь.

– Эй ты! Поди-ка сюда! Вот тебе задание – зашить дыру. Поняла?

– Добже, пан, – пролепетала из-за двери хозяйка.

– Десять минут времени. Поняла?

– Добже, пан.

– Давай шей! – сказал он и, захлопнув дверь, снова вплотную задвинул ее столом.

Сидеть на полу в неудобной позе стало утомительно, Зоська попыталась переменить положение и подвинулась, чтобы прислониться к стене. Но только она приподнялась, как Антон вскочил с топчана.

– Эй, куда? А ну стой! Ишь, пряткая какая...

Он грубо толкнул ее снова на освещенную середину пола, подобрал откуда-то из-под скамьи обрывок, наверно, все той же веревки.

– Руки! Руки давай. Свяжем, чтоб спокойнее было.

– Гад ты! – сказала она, уже не сопротивляясь, и он начал туго крутить ее кисти веревкой. Она только болезненно морщилась, едва сдерживая в себе боль и обиду. – Больно же...

– Ничего, потерпишь. Больнее будет.

– Нет уж. Больнее, чем от тебя, мне никогда не будет.

– Будет. В полиции будет больнее, – просто сказал он, с силой затягивая узел.

– И ты отведешь меня в полицию? – спросила она дрогнувшим голосом.

– А куда же прикажешь тебя отвести? Я хотел – к матери. Но ведь ты против.

– Мало того, что подлец, так ты еще и предатель, – сказала она, снова не сдержав быстро наворачнувшихся на глаза слез.

Антон тщательно затянул узел, проверил его надежность, поднялся с корточек и сел у стола. Он недобро молчал. Глотая слезы, чтобы не разрыдаться перед ним, молчала и Зоська. Ни одному из ее намерений, видно, не суждено было сбыться, видно, предстояло готовиться к самому худшему, что только могло случиться в ее положении. Скосив взгляд, она продолжала, однако, следить за Антоном, который, сдвинув на затылок шапку, откинулся спиной к столу и устало вытянул длинные ноги. Коптешка из печурки слабо освещала его туго обтянутые свитером плечи, одну сторону крепкого, вытянутого лица, на котором теперь бугрилась недобрая, злая решимость.

– Вот ты говоришь: предатель, – вроде даже с обидой заговорил он. – Верно, может, даже придется и предать. Но кто меня вынудил на это?

Зоська кисло усмехнулась

– Тебе нужны оправдания? – сказала она, чувствуя, однако, что не надо вступать с ним в разговор – гадко все это и противно. Все разговоры уже переговорены, теперь между ними – пропасть, в которую очень скоро, наверно, придется свалиться ей.

– Мне наплевать на оправдания. Но ты испортила всю мою жизнь. Я уже не говорю, что ты пыталась меня убить. А я ведь чего хотел? Я хотел с тобой жить. Как полагается, по-людски. А ты предателя из меня делаешь.

– Ты до меня стал предателем!

– Ошибаешься! Я не предатель. Я еще никого не предал. Разве что начну с тебя первой. Раз ты меня на это толкаешь...

– Что ж, предавай! – зло сказала она, чувствуя, как все в ней затряслось от

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru бессильной злой ярости. – Предавай. Не ты первый. Но помни, самый первый давно подавился тридцатью сребрениками. И за ним подавятся же все остальные.

Антон, казалось, пропустил мимо ушей эти ее слова, его не трогали древние аналогии, так же как перестали трогать и Зоськины слезы. Похоже, он сам был уязвлен не меньше ее и теперь дал выход своим обидам.

- Ты наплевала мне в душу. Подняла на меня топор!
- А ты не наплевал мне в душу? Не опозорил меня?
- Я? Нет. Я тебе помогал. Без меня ты бы давно уже влипла.

Зоська подумала, что в этом отчасти он, может, и был прав. Все-таки на протяжении последних двух дней он немало помогал ей. Но после того, что случилось, ее благодарность к нему пропала. Она уже готова была возненавидеть себя за то, что принимала эту его некогда необходимую ей помощь.

- Я не просила тебя помогать.
- Мало что не просила. Я по своей воле. Потому что любил тебя.
- Сволочь ты!
- Спасибо. Но теперь ты мне поможешь. Ведь тебе все равно пропадать. Так послужи мне хоть напоследок.
- Нет! Нет!!! – выкрикнула она, содрогаясь на жестком полу. – Этому не бывать. Не надейся. Я тебя покрывать не стану.
- А я и не прошу покрывать. Ты только потерпишь маленько. До Скиделя. Вот и вся твоя задача.

Зоська в отчаянии уронила голову и замерла. Значит, она не ошиблась, разгадав его замысел, значит, он ее обрекал. Удивительно только, как она не поняла это в самом начале. Поддалась его обаянию, вняла его любовному лепету, растаяла от его ласк. Вот это любовь? А она думала... Сколько она перечитала о ней в книжках, нагляделась в кино, сколько перемечтала в девичестве, до войны, да и в отряде в лесу. Какой она представлялась красивой! А ей выпала хуже и подлее, чем сама жизнь. И кто виноват? Немцы? Война? Время? Он уверяет, что во всем виновата она. Она же уверена, что виной всему он и его так далеко идущие планы. Зачем они сошлись в тот ночной час возле незамерзшей Щары, зачем она позволила вытащить себя из реки... Не лучше ли было бы тихо и незаметно уйти под лед, чтобы избежать стольких пережитых и еще предстоящих мучений?..

14

Антон все прислушивался к немои тишине ночи, ожидая услышать во дворе знакомый лошадиный топот, времени уже прошло достаточно, должен был воротиться хозяин. Но он не возвращался, хотя, наверно, уже перевалило за полночь. Свернувшись калачиком, Зоська лежала на полу, и Антон изредка поглядывал на нее – не развязалась ли? Он уже вынес ей приговор, и, как ни удивительно, ему не было жаль ее – пусть пропадает. Пусть пропадает, если она такая беспросветная дура, ни черта не понимающая в жизни. Действительно, много ли нашлось бы в отряде мужчин, которые ради такой соплячки стали бы рисковать головой, спасти ее от войны? А он вот решил. Он ушел из отряда, провел ее сквозь осиные полицейские гнезда, оберегал, согревал. А она? Чем за все это отплатила ему она?

Как последняя идиотка, напичканная копеечной пропагандой, она не способна увидеть разницы между жизнью, войной и тем, что о них писалось в газетах и говорилось на митингах. А еще студентка! А может, именно потому, что студентка? Образованная, начиталась книжек. Он вот не очень любил читать книжки, зато он хватал все на ходу. Он понимал все практически и давно знал, что практика – вот единственно стоящая школа жизни, потому что в книжках все не о том и не так. Надо смотреть, как делают жизнь другие, и поступать если не лучше, то и не глупее остальных. И еще не медлить, не тянуться в хвосте, не явиться к шапочному разбору. Хотя и спешить не годится, надо хорошо оглядеться. А она: «Предатель, изменник...» Куда как грозно и страшно, но все глупо и в корне неправильно. Теперь, когда из его замыслов ничего не вышло, что же ему оставалось? Отпустить ее с богом в Скидель, а куда самому? И что от нее будет проку в этом ее Скиделе? У первого же контрольного пункта ее остановит полиция, передаст гестапо – и прощай, Зоська. Изуродуют и повесят на площади перед костелом. Или расстреляют в овраге. И кому от этого польза? А то еще вытянут на допросе адреса, явки, имена связных и агентов, начнут хватать семьями, погубят массу людей...

Так не лучше ли будет для нее и для всех, если она, не успев ни с кем встретиться в этом ее Скиделе, попадет прямо к Копыцкому и тем окажет хорошую услугу Антону? Уж, наверное, начальник полиции не усомнится в намерениях своего земляка, когда тот предстанет перед ним с приведенной из-за Щары разведчицей. Наверно, это ему зачтется. Да и ей будет легче, ведь никаких встреч в Скиделе у нее еще не было, никаких заданий она еще не успела выполнить – он за это

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru поручится. Может, даже ее и не повесят – отправят куда-нибудь в лагерь. Совесть? Конечно, он не стал бы утверждать, что совесть его спокойна, было вроде не по себе, что-то его тревожило. Но что он мог сделать? Он давно уже знал, что если прислушиваться к совести, то скоро откинешь копыта. Не так просто с этой самой штуковиной, которая называется совестью, сносно прожить даже в мирное время, не говоря уже о войне. Ведь тут борьба. Кто – кого. Он не слабак и не неудачник, но почему бы ему в трудный час не заполучить частичку того, с чем все время носятся эти пропагандисты совести? Пусть вот тем самым и докажут свою готовность к самопожертвованию во имя ближнего. Ведь теперь он для нее – самый ближний. Тем более что именно среди женщин широко распространена прямо-таки врожденная потребность жертвовать ради ближнего всем, вплоть до собственной жизни. Пускай вот и пожертвует для него жизнью, если она в тягость этой образованной дуре. Он ей предоставляет такую возможность. Пусть пользуется им. Антону не жалко.

Но что-то долго не возвращается хозяин. Может, и на соседнем хуторе не оказалось лошади, пошел на следующий. Скорее всего, так и получилось. В том, что хозяин вернется, у Антона не было ни малейших сомнений: он достаточно полагался на силу своей угрозы. Эти хуторяне пуще жизни дорожат своим хутором и отлично понимают, что для такого, как он, поднести спичку под стреху – дело пяти секунд. Тут уж покрутишься, но исполнишь все, что потребуют.

– Эй! – крикнул он в затворенную дверь хозяйке. – Твой куркуль не сбежал?

– Ой, не сбежав, пане. Скоро шпиведе конь, пане.

– Кожух готов?

– Скоро, скоро готов.

– Давай скорей! А то холодно стало...

Действительно, в тристене стало прохладно, дрова в печи прогорели, от наружной двери несло стужей. Коптюшка в печурке стала постепенно меркнуть, наверно, нагорел фитиль или кончалось горючее. Антон подошел к печи и, вынув булавку, подтянул фитилек. Стало вроде светлее.

В это время где-то в сарае голосисто, хотя и хрипловато спросонья закричал петух, и Антон вздрогнул: так недолго досидеть до утра. «Вот же сволочь, – подумал он про хозяина. – Как бы не подвел под монастырь. Ну пусть только вернется...»

15

Как это случилось, Зоська сама не заметила, но вскоре она задремала, скорчившись на затоптанном холодном полу со связанными на животе руками. Все ее горькие беды остались в тридевятом царстве, далеко, в другом мире, в другом времени и месте. Она не создавала во сне, то ли это была война, или, может, довоенное время, или она выпала из всякого времени и очутилась в каком-то новом временном измерении. Однако она ни на секунду не расставалась со своими ощущениями, которые и во сне оставались полными мук и тревоги. Она не знала, что было причиной этой ее тревоги, но ей было плохо, очень беспокойно; скверное ожидание чего-то еще худшего непрестанно угнетало ее. В поле ее зрения, однако, не было ничего плохого, наоборот, перед ней расстилалась весенняя благодать поля с зеленой травой и какими-то цветами на ней, вблизи высилась удивительно белая, словно из сахара, остренькая колокольня костела или, может быть, церкви, где вот-вот должен был появиться Он. Кто Он – Зоська не знала, она не представляла даже его облика, но в точности знала, что Он – существо одушевленное, очень строгое и, несомненно, доброе. Правда, с ним надо быть очень почтительной и вести себя скромно, как со школьным директором по меньшей мере – это она чувствовала с предельной четкостью.

В то же время она никак не ощущала себя физически, она даже не знала, как и во что она одета и есть ли у нее руки и ноги, словно она совсем без плоти, без своего прежнего облика или потеряла способность зрительно воспринимать этот облик. Что касается окружавшего ее внешнего мира, то он с достаточной полнотой воспринимался ею во всей своей вещности, она видела вокруг каких-то людей, идущих, стоявших и разговаривавших, словно на базаре в праздничный день. Возможно даже, это происходило на их рыночной площади или где-то на краю местечка. Несмотря на беспорядочную суету и говор вокруг, люди тоже ждали появления Его, хотя, может, и не так напряженно и томительно, как ждала Зоська.

Но произошла странная перемена в этой атмосфере всеобщего ожидания, почему-то никем, даже самой Зоськой, никак не замеченная, – просто одно состояние незаметно сменилось другим, и вместо бесплотного Его вверху оказалась сама Зоська. Она легко и свободно парила в высоте над землей, деревьями, людьми, какими-то крышами построек, озером и извилистой лентой реки. Это был радостный

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru пьянящий полет, сладостное ощущение простора и беспредельной свободы в нем, Зоська легонько взмахивала руками, чтобы держаться на высоте, где она не чувствовала ни собственного веса, ни притяжения земли, ни даже сопротивления воздуха. Внизу были, наверно, все те же люди, одиночки и разрозненные группки их, но теперь ей не было дела до этих людей, ей хотелось без конца предаваться благостному чувству парения в этом теплом и ясном воздушном пространстве.

Однако что-то уже изменилось то ли в ней самой, то ли в этом пространстве, какая-то сила властно повлекла ее вниз, она почувствовала все прибывающий вес тела и сильнее замахала руками. Но удержаться на высоте она уже не могла и катастрофически быстро снижалась; земля, крыши, деревья и телеграфные столбы на дороге все приближались, она изо всех сил работала руками, но прекратить снижение не могла. Ее с властной неотвратимостью влекло вниз, где уже бежали, крича и суетясь, какие-то люди в черном, протянутыми руками они вот-вот готовы были схватить ее за ноги, и ей требовалось огромное усилие, чтоб уберечься от их длинных ухватистых рук. Предчувствуя, что ее ждет на земле, она изо всех сил работала руками, и эти руки почему-то вдруг превратились в крылья – широкие черные крылья птицы, в которую превратилась и она сама.

Но крылья не помогли ей взлететь, она уже была на земле, в огромном сугробе среди снежного поля и, цепляясь грудью за снежные комья, отчаянно пыталась оторваться от снежной земли, но тщетно. Огромные крылья лишь разметали сыпучий снег, махать с каждой минутой становилось труднее, силы ее кончались, и в сознании бился испуг от мысли, что если она не взлетит, то погибнет. Потом она вроде бы отделилась от черной птицы и увидела ее как бы со стороны – распластанной на снегу с распростертыми, пересыпанными снегом крылами и поникшей головой на склоненной, со всклокоченными перьями шее. Птица делала последние конвульсивные взмахи и отчаянно билась острой грудью о снег. Она уже не взлетала – она умирала, эта огромная черная птица на морозном снегу, и вместе с ней в безысходной тоске, казалось, умирала Зоська...

Но нет, она не умерла – она вдруг проснулась с сознанием того, что вокруг что-то изменилось, может, даже случилось что-то. В накинута на плечи колушке Антон открывал дверь, из которой в облаке стужи в тристен ввалился хозяин, за ним какой-то низкорослый человек в шинели, с красным от ветра лицом, толстяк в суконной поддевке и чернобородый мужик в армяке и с винтовкой. Зоська метнулась с пола к стене, пытаясь подняться на непослушных ногах и не понимая, что происходит. Антон отступил к печи под направленным на него автоматом переднего из вошедших, который с незлобивой уверенностью командовал:

– Руки вверх! Вверх, вверх! Вот так! Пашка, обыскать!

Зоська с бьющимся от сонного испуга сердцем жалась к стене и не знала, что делать. Она только глядела, как толстячок в серой поддевке, которого передний назвал Пашкой, решительно сдернул с Антона его колушок, лапнув по брючным карманам, вытащил из правого кармана наган, начал что-то нащупывать в левом. Внешне почти спокойный, Антон стоял, небрежно приподняв руки, и несколько растерянно бормотал:

– Ребята, да что вы? Ну что вы? Своего не признали? Я же из Суворовского...

– Это мы посмотрим еще, из какого ты Суворовского, японский городской! Чем тут занимаешься? – строго спросил маленький с красным лицом и подобрал автомат. – А она? Кто она такая?

Тут они все враз обернулись к ней, рассматривая ее при едва мерцавшем огоньке коптилки, и до сознания Зоськи медленно, как после обморока, стала пробиваться мысль, что это же свои, наверно, из какой-то Липичанской бригады, ребята-партизаны. Но, почти поверив в свою догадку, она почему-то не обрадовалась, тут же смекнув, что хорошего из этого выйдет немного. Скорее опять будет плохо.

– Она тоже из Суворовского, – сказал Антон и приспустил руки. Никто из них не заметил этого, все смотрели на измученную, прильнувшую к стене Зоську. Зоська между тем молчала, не вправе называть себя, хоть и чувствовала, что сейчас, видно, начнется разбирательство и надо что-то ответить.

– А почему связана? Это что – ты ее связал? Японский городской!.. – хмуря светлые бровки на еще юном лице, допрашивал тот, что стоял с автоматом. Видно, он тут был старшим.

– Я связал, – просто сказал Антон, и хозяин, стоявший позади всех, едва заметно кивнул головой, подтверждая его слова.

– Почему связал?

– Видите ли, – помялся Антон и бодро объяснил: – Мы были на задании, ну и она решила переметнуться к немцам.

– Врешь!! – вся содрогнувшись, исступленно крикнула Зоська. – Врет он!

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Она опять готова была зарыдать от беспредельной обиды и этого нового коварства спутника. Антон, несколько не смутившись от ее крика, передернул плечом в сторону хозяина.

– Вон – свидетель.

– Вот как? – краснолицый внимательно посмотрел на Зоську.

– Постой! – вдруг другим тоном сказал толстяк Пашка. – Я ее знаю. Она в самом деле из Суворовского. Зося, кажется.

Зоська, не ответив, только прервала свой тихий плач, вытерла о плюшевое плечо мокрую щеку и внимательнее взглянула на своего заступника. Нет, он был ей незнаком, кажется, она видела его впервые, хотя вполне возможно, что где-то с ним и встречалась.

– Это он решил переметнуться к немцам, – сказала она спокойнее. – Вон пусть хозяин скажет. Он тут все слышал.

Все враз повернулись к хозяину, но тот, не поспешая с ответом, помялся, поморщился, потом заговорил на своей смеси белорусского с польским:

– Я, пан, мало разумею... Так, штось пан говорил. В Скидель быдто идти. Пани не хотела идти. Почему – не разумею.

– Ну, это враки! – с уверенностью сказал толстяк Пашка. – Товарищ сержант, ей-богу, это наша девка. Я ее знаю.

– Японский городской! – в явном затруднении воскликнул краснолицый и скомандовал: – Развязать!

– Хорошая девка, ей-богу, – сказал толстячок и ступил к Зоське.

Повозившись с минуту над ее узлом, он развязал веревку, и Зоська с облегчением опустила затекшие кисти. Чернобородый с винтовкой молча стоял у выхода. Хозяин отодвинул стол к печи, и в отворившейся двери появилась испуганная хозяйка с Вацеком. Они молча наблюдали за тем, что происходило в тристене, на стенах которого непрестанно шевелились-мелькали мрачные тени людей. Стоя чуть в сторонке, сержант пристально следил за каждым движением Зоськи и Антона, что-то глубокомысленно обдумывая и то и дело хмуря тонкие бровки на строгом молодом лице.

– Так! А того связать! – указал он на Антона, и толстячок повернулся к нему с веревкой. Антон растерянно развел руками.

– Да что вы, ребята? Я – свой!

– Это еще мы посмотрим, какой ты свой. А ну, руки назад!

Делать было нечего, Антон с неохотой заложил назад руки и спиной полуобернулся к толстенному, который обмотал кисти веревкой.

– Вот так.

– Это безобразие, сержант! Мало что оружие отобрали, так еще и вязать! За что? Что эта сказала? И вы ей поверили? Может, у меня с ней особые счеты.

– Это какие еще счеты? – ехидно поинтересовался сержант.

– Хотя бы любовные. А она...

– Японский городской! Ты не темни нам тут про любовь! А ну, марш!

Они расступились, пропуская Антона вперед на выход, и тот заколебался.

– Куда?

– Куда надо. Ну! Марш!

– Дайте хоть полушубок надеть, – заметно занервничал Антон, и толстячок набросил ему на плечи его колуш. Антон шевельнул плечами и после секундного колебания решительно шагнул к двери.

– Ты тоже! – бросил Зоське сержант, и она пошла за Антоном.

На дворе висела предрассветная темень, в которой едва серел снег и совсем сникли, ссутулились темные силуэты сараев. Холодный промозглый ветер недобро дунул Зоське в лицо, неприятной изморозью остудив ее щеки, и она с упавшим сердцем подумала, что ее тоже ведут как арестантку. Но куда они поведут их, эти липичанские ребята? Уж не собираются ли они устроить скорый суд и расправу над Антоном, а заодно и над ней тоже? Но, по-видимому, суд-расправа пока откладывались, для того надо было выйти из опасной зоны или зашиться поглубже в лес. Хотя, судя по мрачной решимости этого сержанта, он мог их обоих с легкостью прикончить где хочешь.

Скорым шагом они прошли мимо колодца и вышли в ночное поле. Злосчастный хутор скоро без следа растворился в серой промозглой тьме ночи, слился с сумеречной стеной хвойного леса. Зоська, однако, не оглядывалась, она едва поспевала за Антоном; пустые опущенные рукава его колушка металась по ветру, словно крылья подстреленной птицы, и Зоське на минуту припомнился ее загадочный сон перед пробуждением. Сон, несомненно, имел какой-то зловещий для нее смысл, в другой раз она бы долго ходила под его впечатлением, теперь же размышлять о нем не было времени. Действительность была мало приятнее сна, и снова было не ясно, чем все окончится.

Они быстро шли ночным полем по неглубокому, чуть причерствевшему к утру снегу.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Антон старательно шагал за идущим впереди всех чернобородым, которого сержант называл Салеом, и Зоська догадалась, что этот – ее землячок, из местных. Но рассчитывать на него не приходилось, она поняла, что здесь всем заправлял этот молодой сержант, к которому неизвестно как было подступиться. Впрочем, она получила возможность перевести дыхание, все-таки она избежала гибели, Антоновы планы рухнули, и Зоська с благодарностью вспомнила хозяина хутора, этого безропотного исполнителя воли жены, который не растерялся, спас хутор и Зоську. Но, странное дело, Зоська не ощущала в себе облегчения, скверные предчувствия продолжали ухватисто властвовать над ее сознанием.

Они все шли по полю, мимо каких-то кустарников, сверху из темного неба падал невидимый в ночи редкий снежок, отдельными снежинками таявший на ее лице, и она совершенно не представляла, куда их ведут. Теперь, когда опасность слегка отвела свою занесенную над ней косу, Зоська все больше стала думать о том, что ей все-таки надо в Скидель. Все-таки задание оставалось в силе, и теперь вроде бы отпало то, что не давало возможности его выполнить. Об Антоне Зоська старалась не вспоминать даже, он перестал для нее существовать, и, хотя шагал в трех шагах впереди, он теперь был – ничто. Стремление окончательно освободиться от всего, что так позорно связалось с ним, и делать свое дело все настойчивее овладевало ею, и она не утерпела.

– Ребята, а куда вы нас ведете? – спросила она по возможности беззаботнее.

– Куда надо! – холодно бросил сержант, идущий последним в этой цепочке.

– Тут такое дело, – сказала, подумав, Зоська. – У меня задание.

– Какое задание?

– Ну... Я же не могу вам объяснить какое. Мне надо в сторону Скиделя.

– К немцам?

– Ну почему к немцам? – готова была обидеться Зоська. – У меня задание.

– У нас тоже задание, японский городской! – недружелюбно парировал сержант. – А мы вон вожжаемся с вами, время тратим. Вот возьмем и шлепнем обоих к чертовой матери.

– За что? – оглянувшись, попыталась улыбнуться Зоська.

– За то! Война, задание, а они тут любовь крутят. Да мародерством занимаются по хуторам. А теперь – задание...

Нет, он был невыносим, этот молодой задавака, и заслуживал того, чтобы его хорошенько отчитать. Но теперь Зоська решила промолчать, черт с ним! Куда-то же в конце концов они их приведут, не будут же они днем тащиться среди снежного поля, значит, к утру где-то укроются. Действительно, было видно, что они торопились, сержант несколько раз тихо, но требовательно покрикивал на направляющего: «Салей, шире шаг!», и тот ускорил и без того весьма торопливый свой шаг. Зоська уже вспотела, но старалась не отстать от шагнувшего перед ней Антона, который, нагнув голову, с оттопыренным на спине кожаным спором шел за передним. Там, в хате, когда она корчилась на полу со связанными руками, а он всевластно распоряжался ее судьбой, они были разделены неодолимой непримиримостью, и думалось, что помирят их разве что смерть. Но с появлением партизан положение их изменилось. Антону связали руки, и ей вроде не развязали, оба они оказались под конвоем в этом ночном поле, судьбы обоих затаило дымкой неопределенности, и эта неопределенность снова как бы объединила их обоих. Зоська подсознательно чувствовала все это, и это ее угнетало. Хуже всего, однако, что с ними почти не разговаривали, никто их ни о чем больше не спрашивал, и Зоська не знала, как все объяснить этим суровым малоразговорчивым людям. Она просто не находила, с чего начать.

Похоже, однако, что они держали путь в лес, который уже проступил поодаль в рассветных сумерках, – снова в сторону Немана, удаляясь от Скиделя. Зоська с тоскливой озабоченностью заметила это, но что она могла сделать? Ее вели как арестованную и даже не хотели объяснить – куда. Но все-таки она чувствовала, что с ней плохо не сделают. На ее стороне была правда, и, кажется, появился заступник, вот этот проворный толстячок Паша, который ее где-то видел.

Тем временем почти совсем рассвело – из серой тьмы выплыло такое же серое зимнее поле, – голая ровня с недалеким впереди леском. От этого леса в поле врезался неглубокий овражек с кустарником, завидев который Салей взял в сторону, и они стали приближаться к овражку. Шедшие сзади сержант с толстячком о чем-то тихо переговаривались, Зоська, отрываясь от своих переживаний, раза два вслушалась, но расслышать ничего не могла, а Антон вдруг дернул шеей и вроде споткнулся даже. Зоська придержала дыхание – похоже, сзади говорили о каком-то наступлении, и Антон с интересом спросил:

– Ребята, не слышать, что на фронте?

– А тебе зачем знать, что на фронте? Чтоб немцам передать?

– Нет, правда? Как Сталинград? – добивался на ходу Антон, и Зоська заметила,

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru как он весь подобрался и затих.

– Сталинград дал фрицам в зубы, – сказал Пашка. – Поперли немцев под Сталинградом.

– Да ну? – с открытым от изумления ртом обернулся Антон.

– Ты шагай, шагай! – прикрикнул сержант. – А то удивился, японский городской!..

– Нет, в самом деле? Ведь немцы говорили, что Сталинград взяли.

– Взяли! Подавились там твои немцы. Вон на шестьдесят километров отбросили. фронт прорван, наши наступают.

– Ай-яй! Гляди ты! – совсем уже изумился Антон.

– Вот, вот, – сказал сержант. – Но тебе-то чего радоваться? Ты же другого ждал.

Зоська не вмешивалась в разговор и ни о чем не спрашивала – после недолгого замешательства все в ней возликовало. Словно что-то, давившее ее долгие месяцы, свалилось с плеч и она явственно почувствовала, как ей недоставало именно этого известия о Сталинграде. Хотя она, может, и не понимала военной важности этого далекого города, но всегда чувствовала, как нужна там победа. Если это только не слухи. Если это на самом деле. Но ребята, должно быть, знают, они даже передают подробности: прорван фронт, и наши продвинулись на шестьдесят километров. И она, заметив, как сник Антон, со злорадством подумала: пусть вот утешится! Ведь он так переживал эту неудачу под Сталинградом, толкнувшую его вчера на измену, теперь пусть возрадуется. Неудачи нет – есть победа! Что же он так померк, ссутулился и опустил свои круглые плечи? Ничего у него не вышло из его коварных шкурнических замыслов и ничего не выйдет.

Салей привел их в едва заметное на равнине углубление все расширявшегося и уходившего вглубь овражка, они дошли до редкого, расползшегося по склону кустарника, и сержант сзади скомандовал:

– Стоп! Посидим здесь. А ты, – кивнул он Салею, – давай дуй. Двадцати минут хватит?

Салей помялся в своем подпоясанном широким офицерским ремнем армяке, пятерней отер мокрую черную бороду. неподвязанные уши его черной шапки небрежно топорщились в стороны.

– Попробую...

– Ну и добро. Давай дуй, – распорядился молодой командир, по виду годившийся в сыновья этому Салею.

Осклизаясь на снегу, Салей пошел вверх по склону, а они остались стоять внизу. Толстенький Пашка полез в карманы и стал собирать закурку. На его добродушном лице не было ни озабоченности, ни даже малейшей серьезности, в уголках губ таилась мягкая улыбочка, будто он занимался чем-то малосерьезным, хотя в общем ему интересным. На остром, свежепокрасневшем, словно обоженном лице сержанта, напротив, отражалась крайняя степень важности, какое-то желчное недовольство собой или скорее другими, и Зоська подумала, что с ним надо держать ухо востро. Такие в своей озлобленности способны на все, а озлить их всегда легче легкого, и по первому поводу они вспыхивают как порох.

– Вот. А теперь мы подрубаем, а вы посмотрите, – без тени юмора сказал сержант, доставая из кармана что-то завернутое в бумажку, и Зоська отвернулась. Еда ее мало интересовала, она все думала, как бы ей вызволиться из-под опеки этих людей.

16

Стоя на снегу в овражке, Антон не смотрел ни на отвернувшуюся рядом Зоську, ни на двух партизан, которые принялись закусьвать из бумажки, и запах вареного мяса мучительно дразнил его обоняние. В который раз за сегодняшнее утро и ночь он был оглушен, почти раздавлен свалившимися на него неожиданностями. Мало ему было скандального упрямства Зоськи, вероломной выходки хозяина хутора, пошедшего за конем, а приведшего партизан, так теперь еще и Сталинград. Город, который, по его мнению, был обречен и со дня на день должен был пасть, тем самым знаменуя конец проклятой войны и победу немцев, оказывается, не только выстоял, но и дал в зубы немцам. Теперь там наступление, война затягивалась, победа еще неизвестно кому достанется. Не о том ли говорили вчера и полицаи, разговор которых так нелепо недослышал Антон и по этой причине едва не сделал свой опрометчивый шаг. Может, теперь он должен благодарить Зоську за ее спасительное для обоих упрямство, простить ее выходку с топором, вообще попытаться примириться с ней? Действительно, новый поворот в войне вынуждал Антона пересмотреть кое-что из своих прежних решений, перестроиться в соответствии с новыми обстоятельствами.

Если только позволят эти обороты из Липичанской пуши, связавшие его руки и ведшие неизвестно куда. Уж не на ту ли сторону Немана? В таком виде он не мог

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru появиться в партизанской зоне, где его сразу возьмут под арест, уж там ему не избежать обвинений. Всякую возможность обвинений надо было погасить тут. Но как? С этим озлобленным недомерком, которого они называют сержантом, даже и поговорить невозможно, он заранее все знает и уверен, что Антон – враг. Да и Зоська тоже окрысилась против – не подойдешь. Но, поразмыслив, Антон пришел к выводу, что в его положении, как ни странно, выручить его сможет именно Зоська. Может утопить окончательно, а может и вызволить – это уже будет зависеть от ее к нему отношения.

Сержант с толстяком тем временем, наверно, доели мясо (по крайней мере, от них перестало нести раздражающим запахом) и теперь лениво дожевывали хлеб, поглядывая на обрыв, где должен был появиться посланный куда-то Салей. Зоська, отвернувшись, сосредоточенно ковыряла носком сапога в снегу. В овражке было затишно, падал редкий снежок. Ноги в постоянно сырых сапогах скоро начали зябнуть на несильном морозце. Антон напряженно соображал, что делать, с какой стороны подойти к сержанту или хотя бы к Зоське. Он чувствовал, что пока была такая возможность, потом она может исчезнуть, и он ни к кому ни с какой стороны не подступится.

Но он ничего не надумал, хотя прошло, наверно, побольше двадцати минут, и Салей не возвращался. Это его невозвращение стало заметно тревожить сержанта, который, стоя на дне овражка и заложив руки в карманы поношенной, с рыжими подпалинами от костров шинели, все поглядывал на обрыв и нетерпеливо топтался в снегу – уже вытоптал небольшую, с квадратный метр, площадку. Наконец, потеряв, наверно, терпение и в который раз недобрый словом помянув японского городского, он начал взбираться на склон. Там, за овражком, где начиналась пашня, было ровнее и наблюдать оттуда было сподручнее. В минутном озорстве запустив в их сторону ком снега, сержант командовал:

– А ну давай все сюда! Все, все! И вы тоже.

Зоська, за ней толстячок Пашка и последним Антон стали взбираться по склону вверх. Лезть по скользкой, засыпанной снегом траве было вообще неудобно, а со связанными руками и подавно. На середине склона Антон поскользнулся и довольно сильно грохнулся грудью о землю, сразу почувствовал в губах соленый привкус крови. Сержант наверху злорадно хохотнул, и Антону понадобилось порядочное усилие над собой, чтобы не поддаться нахлынувшему на него бешенству. Им смешно! Связали, обезоружили, куда-то волокут силой и еще потешаются над его немощью. Умышленно не торопясь, с расстановкой, он поднялся с колен, кое-как утвердился на разъезженном косогоре; возле на снег упало несколько алых капель крови. Они все втроем спокойно стояли вверху над обрывом и с насмешливой издевкой смотрели на неуклюжее его восхождение, и он со вкусом продемонстрировал им свое унижение – пусть порадуются. Это падение зубами о землю уже мало прибавляло к той сумме неудач, которые обрушились на него сегодня, и без того он чувствовал себя несправедливо обиженным и пострадавшим. Под их злорадными взглядами он кое-как выбрался из оврага, оставляя за собой алые на снегу пятна, и покорно остановился перед конвоирами.

– Что раскровянился?! – невольно сказал сержант, перестав улыбаться. – А ну утрись. Неча тут кровью сморкаться.

Антон стоял молча и не шевельнулся даже, когда сбоку к нему неожиданно шагнула Зоська. Протянув руку, она рукавом сачка коротко отерла его подбородок, сделав это в совершенном молчании двумя небрежными движениями руки, и Антон едва удержался, чтобы не вздрогнуть от ее прикосновения. Только когда она отошла с таким видом, будто ей нет до него больше дела, что-то внутри у него шевельнулось – тоска по утраченному или, может, надежда.

– Так, так! – язвительно ухмыльнулся сержант. – Теперь вижу, японский городской!..

Он не договорил – все враз обернулись к недалекой вершине холма, где чуть в сторонке от цепочки своих уходящих следов появился Салей. Он быстро шел вниз к овражку, местами широко осклизаясь по снегу, и сержант с толстяком, наверно что-то учуяв, насторожились. Антон, чуть отвернувшись, вытер о воротник колушка кровь, все еще плывшую из ссадины на подбородке, и тоже смотрел на быстро подходившего Салея. Он чувствовал, что тот несет весть, которая и для него может оказаться важной.

– Ну что? – нетерпеливо окрикнул сержант подошедшего шагов на двадцать посыльного, но тот только махнул рукой.

– Что, не дошел? – спросил толстяк Пашка.

– Дошел! Да что толку?

– А что?

– Серого взяли! – объявил Салей, подошедши, и скинул винтовку прикладом в снег, сдвинул на затылок шапку. От его мокрого лба шел пар.

– А эта?.. Баба его? – напомнил сержант.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

- Баба осталась. От нее и узнал. Через березнячок не пройти.
- Да ну?
- Облава там! Полиция и жандармерия. Как раз в березах устроились.
- А если правее? Подем?
- А там деревня. Из деревни все на виду. Не пустять.
- Дела, японский городской! – уныло ругнулся сержант и обернулся назад к оврагу. Полминуты он суженными глазами вглядывался в серое притуманенное пространство.
- Что ж нам теперь, дневать тут? – обращаясь к нему, тихо сказал Пашка.
- А хрен его знает.
- Я так думаю, – после паузы запаренным голосом сказал Салей. – Можно попробовать возле чугушки. Насыпка там невысокая, но... Каких полверсты.
- А через насыпь не увидят? – усомнился Пашка.

- Нет, не увидят. Ползком если.
- Ползком! С этими вот? – зло кивнул сержант в сторону Антона.
- Если только ползком, – настаивал Салей.
- Ну и задача, японский городской! – выругался сержант и сел задом в мягкий, еще не слежавшийся снег.

Антон настороженно вслушивался, стараясь понять что-то из их разговора, но понял только, что пройти где-то нельзя, что где-то на их пути немцы. Теперь он даже не знал, как отнестись к этой задаче. С одной стороны, он почувствовал невольную радость оттого, что у этих обормотов что-то не получалось, – и пусть, не только же его настигать неудачам. Но, поразмыслив, он ощутил смутное опасение, как бы все это не обернулось для него еще худшим.

Недолго посидев на снегу, хмуря свои тонкие бровки, сержант кивнул Пашке, и тот опустился напротив на корточках, со вниманием уставясь в его острое, по-заговорщически оживившееся лицо. Вскоре толстячок уже понимающе закивал головой. Салей, опершись на винтовку и стоя вполборота, вслушивался в их разговор. Антон издали тоже попытался кое-что услышать, но сержант вовремя учуял его интерес и обернулся:

- Ну, ты! А ну отойди! Отойди, отойди! На пятнадцать шагов марш!
- Делать было нечего, Антон, не торопясь, отошел немного и остановился, искоса поглядывая на партизан. Неясная тревога начала будоражить его и без того беспокойные чувства. Он не разобрал ни одного слова из сказанных сержантом двух-трех отрывистых фраз, но заметил, как вытянулось на минуту обычно добродушное, мягкое лицо толстяка Пашки, которое, правда, скоро опять стало прежним. Салей, поморщившись, вполголоса подтвердил:

- А что ж, можно...
- Не столько поняв, сколько догадавшись, Антон сперва почти помертвел от страха, а потом в сознание его кипятком шибанул испуг, и он бросился грудью вперед к сержанту.

- Нет! Что вы делаете? За что? Я партизан, я с немцами с весны дрался, а вы? Не имеете права!

- Ты чо? Ты чо? – медленно поднялся сержант. – А ну, тихо!
- Это безобразие! Я честный человек! Я свой, советский, а вы...
- Ти-хо! – крикнул сержант. – Японский городской! Ты что разошелся? Ты же вон к немцам деру дать собирался. Ты же их агент!
- Я не агент! Я партизан из Суворовского. Это она по злобе, – кивнул он в сторону Зоськи. – Между нами там произошло... Пусть она подтвердит. Зосья! – обернулся он к Зоське с такой болезненной тоской в глазах, что, кажется, камень не остался бы безучастным. Зоська, однако, посмотрела на него, сузив глаза, и промолчала.

- Что же, мы на руках тебя понесем? – язвительно растягивая слова, проговорил сержант. – Там, может, с боем пробиваться придется. И ползти надо.

- Понятно, ползти, – согласно подтвердил Салей.
- Ну что ж! Я поползу. Я умею. Доверьте, ей-богу. Зачем же губить безвинного? Я же ничего не сделал!

В нем все напряглось и вибрировало от предчувствия того, что сейчас, видно, все для него и решится. И последнее слово будет за этим сержантом. Но почему бы не вступить за него Зоське? Почему она молчит, как воды в рот набравши? Ведь эти его видят впервые и по наговору принимают за какого-то агента, но ведь она может сказать, что он не агент. Ведь он партизан! Из той же Липичанской пуши, из того же отряда, что и Зоська. Почему же она не заступится за него? Неужели она не понимает, что они надумали с ним сделать?

- Зосья, скажи им: я же не враг! Ты же знаешь, я честно воевал и честно воевать буду. Мало ли что между нами случилось! При чем же тут они? Скажи же им, Зосья!

Стоя чуть в стороне, Зоська отрешенно смотрела куда-то в нетронутый, с редкими

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
былинками снег, и сержант вдруг вспомнил:

– А что ей говорить? Она уже сказала. Там, на хуторе. Что ты к немцам перебежать собрался.

– Нет! – запальчиво перебил его Антон. – Нет! Это ошибка. Сплошное недоразумение...

– А ведь и ты говорил, будто она тоже решила перебежать? Так как тебя понимать?

– Это неправда! Я ошибался.

– Хорошая ошибочка, японский городской! А если бы мы ее шлепнули? Послушав тебя?

– Ну что вы! Я это со зла. С обиды! Потому что она... Мы с ней поругались. Ведь я... Ведь мы полюбовно. Зося, скажи им. Что же ты молчишь? Ведь они хотят меня застрелить!

Зося, как ему показалось, немного смягченным взглядом повела по его расхристанной фигуре, потом взглянула поодаль на троих партизан. Видно, она колебалась, и сержант, которому стало надоедать это разбирательство, крикнул:

– Так что? Он правду говорит? Или демагогию разводит?

Теперь они все уставились в мучительно напрягшееся лицо Зоськи, и Антон смекнул, что от ее ответа будет зависеть, жить ему или умереть тут же. Но, будто окаменев лицом, она продолжала молчать.

– Что ж, предавай! – с отчаянием обреченного процедил он сквозь зубы. – Пусть убивают! За мою любовь...

– О, он уже про любовь! Ловкач, японский городской! – съязвил сержант и привычным движением плеча скинул в руку автомат.

Обветренные губы Зоськи вздрогнули, и, словно боясь не успеть, она пролепетала:

– Ладно, не надо. Он свой...

– Так какого же черта?! – взъярился сержант, держа в руке автомат. – Какого черта ты нам мозги там мутила? То кричала: перебежать надумал, а теперь наоборот. А то вот – обоих, к чертовой матери...

– Я со зла, – тихо сказала Зоська.

– Товарищ сержант! – взмолился Антон, почувствовав, что, несмотря на взрыв гнева, сержант заколебался и надо не дать ему вновь обрести уверенность. – Товарищ сержант, я же говорил... Развяжите меня, я докажу. Ей-богу! Ведь я свой, советский...

– Вот видишь! – сказал сержант Зоське. – Он уже и развязать просится.

– Пусть, развяжите, – сказала Зоська.

– Чудеса! Стэфан говорил, на хуторе с топором бросалась, а тут – развяжите! Ну и женская логика! Ладно, что ж, действительно... Пачкаться тут об него. Пашка! – кивнул он толстому. – Развяжи! Но имей в виду, чуть что – сразу очередь в спину. Я цацкаться не люблю, японский городской!

– Ну что вы, товарищ сержант.

Легким движением Антон скинул с себя незастегнутый кожушок, и Пашка развязал сзади веревку. «Как здорово, черт возьми, иметь руки несвязанными, – подумал Антон. – Словно обрести свободу». Но свобода была еще не полная, хотя и появилась надежда. Быстро успокаиваясь, Антон надел в рукава кожушок, тщательно застегнул его на все пуговицы.

– Отдали бы оружие, а, товарищ сержант, – вспомнил он про наган.

– А шиш не хочешь! Еще ему и оружие! – рассердился сержант. – Вот придем, разберутся, тогда и получишь.

«Значит, еще на подозрении. Еще будут держать на прицеле, – думал Антон. – Ну что ж, пусть пока так. Еще неизвестно, голубчики, как вам удастся пройти мимо немцев. Это еще мы посмотрим...»

– Итак, шагом марш! – сказал сержант, закидывая на плечо автомат. Салей с Пашкой уже стояли в готовности двинуться, Антон тоже теперь не медлил, только Зоська что-то замешкалась.

– Погодите, – сказала она. – Мне надо в Скидель.

– Вот те и раз! – зло обернулся сержант. – Опять ей в Скидель! А этого я куда поведу? Что я скажу там? Нет, сперва дойдем до Липичанки, разберемся, а потом куда хошь. Хоть в Берлин к Гитлеру!

– Вы сорвете задание.

– Вы сами сорвали свое задание. Чего стали? – крикнул он на своих. – А ну марш! Салей – вперед!

Салей послушно зашагал по склону наискосок к вершине холма, за ним тронулся Антон. Сержант, выждав, пропустил вперед себя Зоську, толстяка Пашку и сам пошел замыкающим.

«Вот же послал бог спасителей, как только от них отвязаться?» – думала Зоська, снова шагая по склону вслед за Антоном. Ей так не хотелось тащиться неизвестно куда, беспокойство за невыполненное задание охватило ее с новой силой.

Она давно упустила все сроки, нарушила всякий порядок, напутала и все усложнила до крайности. Конечно, у нее не хватило опыта, знаний, а больше всего – характера, простой человеческой твердости. Она уже раскаивалась, что заступилась за Антона, наверно, теперь без него было бы легче, наверно, он заслужил того, чтобы его расстреляли. Но в судьи ему она не годилась, она вообще никому не годилась в судьи, потому что сама во многом чувствовала себя виноватой. К тому же в случае с Голубиным она не была лицом беспристрастным, скорее заинтересованным, и теперь, когда немного поостыла от происшедшего ночью на хуторе, почувствовала, что честнее будет устраниться от этого малоприятного дела. Вот приведут в отряд и пусть тогда его судят. На то есть начальство, товарищи, люди поумнее, а главное – более решительные, чем она. Зоська не хотела больше связываться с ним и его судьбой. Хватит с нее того, что у них уже было.

Быстрым шагом они перешли равнинное поле и углубились в такой же равнинный сосновый лесок. Идти было легко. Еще не старые, редкие, без подроста сосенки хотя и плохо скрывали людей, зато позволяли хорошо видеть вокруг. Салей впереди беспрестанно крутил головой, но, кажется, в лесу было пусто. Они все молчали, только смотрели и слушали. Но лесок скоро кончился, впереди опять раскинулось притуманенное пространство поля, и Салей, не дойдя шагов двадцать до опушки, остановился.

– Товарищ сержант!..

Сержант быстро прошел вперед, вместе с Салеем укрылся за низкорослой молодой сосенкой. Впереди в поле что-то происходило, кажется, там были люди, но отсюда Зоська ничего еще не могла увидеть и следила только за тем, как сержант сторожко наблюдает из-за сосенки. Возле нее, скинув к ноге немецкий карабин, стоял толстяк Пашка. Тревожное беспокойство Зоськи за невеселые свои дела слегка унялось, вытесненное тревогой другого рода, тем более что теперь все зависело от этих людей, она же была лишена и возможностей, и инициативы и ничего предпринять не могла.

– Идите сюда! – негромко позвал их сержант, и они все подошли к его низкорослой сосенке. – Вон, видите?

Вглядевшись через поле в растянувшуюся опушку дальней сосновой рощи, Зоська увидела там людей, лошадей с повозками, очевидно, там проходила дорога, и люди зачем-то остановились на ней и ждали. С этой стороны, от поля, дороге и людей слегка прикрывала редкая березовая рощица, сквозь которую, однако, просматривалось все на дороге. Откуда-то справа в ту сторону бежала наискосок невысокая насыпь железной дороги с рядом телеграфных столбов и жиденькой полоской кустарника. Наверно, это и была та самая «чугунка», о которой говорил в овражке Салей.

– Видели? – кивнул, оглянувшись, сержант. – Попробуем по «железке».

– Понятно, – сказал Антон таким тоном, словно он был тут равноправный боец, а не человек под арестом. – Только перебежками надо.

– Не перебежками, японский городовой, а на пузе! По-пластунски, ясно? – свирепо поправил его сержант.

– Можно и по-пластунски. Лучше всего по канаве.

– По канаве, вот именно. Значит, так! – обернулся сержант. – Я иду первым. За мной – ты! – указал он на Антона. – Потом Пашка и ты, – ткнул он пальцем в Зоську. – Салей, будешь последним. В случае чего – огонь и рывком в лес. Понятно?

– Ясно! – прежним тоном ответил за всех Антон.

Они свернули между сосен вправо и, не выходя на опушку, направились в сторону железнодорожной линии. В леске их не было видно, но лесок не достигал железной дороги, опушка скоро свернула в сторону, впереди был голый участок поля, который предстояло переходить в открытую. Сержант раздосадованно помянул японского городового, помедлил, и Зоська подумала: пошлет кого-нибудь первым. Но не послал. Оглянувшись по сторонам и слегка пригнувшись, помчался по полю сам. За ним, так же пригнувшись, широко засигал по снегу Антон. Пашка-толстяк выждал пожалуй, больше, чем требовалось, и, когда сержант уже достигал невысокой железнодорожной насыпи, по-бабьи поводя задом, потрухал по свежим его следам. Зоська не стала ждать, когда он отбежит далеко, и побежала за ним. Хотя и было далеко, но она видела за насыпью лошадей и повозки, стоящие возле такой же сосновой опушки, там же виднелось несколько человеческих фигур, но разобрать отсюда, чем они занимались, было невозможно. Тем не менее с дороги, кажется, их не заметили, они благополучно перебежали от леса к насыпи, не услышав ни крика,

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ни выстрела. Пока вроде бы все обошлось...

Кажется, и действительно обошлось, она поняла это с облегчением, когда сама пробежала до жиденьких колючих кустиков придорожной посадки и когда туда, вроде не очень пригибаясь, скорее ссутулясь, притрухал Салей. Сержант боком лежал на снегу и жестом положил всех подле.

– Все тихо? Так... Теперь на коротких дистанциях...

Сильно пригнувшись, он вскочил на ноги и побежал вдоль кустиков, за ним побежал Антон. Зоська почувствовала, как сердце ее забилось сильнее то ли с усталости, или оттого, что опасность все увеличивалась – теперь им предстояло прошмыгнуть под самым носом у немцев. Ах, если заметят! Действительно, было бы оружие, а то... Разве что проявит свое умельство этот строгий сержант. Насколько он был ей несимпатичен прежде, настолько сейчас на нем сошлась вся надежда.

Может быть, километр они, сильно пригнувшись, бежали вдоль невысокой насыпи. Но вот насыпь почти вовсе сошла на нет, а главное, кончились кустики, сержант упал грудью на бровку канавы, и они попадали тоже. Они не решались выглянуть из-за насыпи и только прислушивались, но вроде на той стороне их еще не заметили. Что ж, предстояло самое трудное – дальше надо было ползти.

Рыхлый неглубокий снег занялся под утро тоненькой ломкой коркой, которая, однако, больно царапала покрасневшие Зоськины руки; ее юбка и колени очень скоро намокли, но она не ощущала холода. Напротив, ей стало душно под теплым платком, и она сдвинула его на затылок, она едва успевала за безостановочно мелькавшими в канаве сапогами Антона, боясь отстать и тем нарушить порядок. К тому же сзади, шумно пытая, на нее наседали Пашка – она раза два оглянулась, и его вспотевшее лицо оказалось возле самых ее ног. Где-то за ним, вскидывая обсыпанный, в армяке, зад, ворошился Салей.

Так, воткнувшись лицом в снег и ничего не видя вокруг, они проползли с полкилометра, и Зоське уже начало казаться, что она больше не выдержит. В груди у нее горело, спина, плечи и живот – все обливалось липким потом. Сбоку снова пошли реденькие кустики, кажется, уже недалеко был соснычок, и тут она едва не наткнулась на замерший Антонов сапог и тоже замерла, чуть приподняв голову. Только она обрадовалась неожиданной передышке, как сержант, обернувшись, яростным шепотом бросил: «Быстро! Вперед!», и сапоги Антона замелькали с такой быстротой, что она сразу отстала. Изю всех сил перебирая руками и размазывая коленями грязь под снегом, она бросилась за ним, ударила коленом о какой-то камень в снегу, сжала зубы от боли. И все-таки она отставала. Она чувствовала близко притаившуюся опасность и понимала, что надо быстрее. Но быстрее она не могла. Когда, толкнув ее сапогом, через нее в какой-то непонятной спешке перевалился Пашка, она подумала: перевалится еще и Салей, и приготовилась оказаться последней. Но Салей не стал ее обгонять, он упорно полз сзади. Антона она уже не видела, она безнадежно отставала и, чтобы убедиться, что она пропала, набралась решимости и выглянула из канавы.

Вправо ничего не было видно – все-таки их прикрывала невысокая насыпь «железки», зато одного взгляда влево было достаточно, чтобы похолодеть от страха. Совсем недалеко впереди с поперечной дороги тянулось к «железке» несколько возов с седоками. Пока они, наверно, ничего не замечали в канаве, но, подъехав ближе, несомненно, увидят в ней все. Сержант, по-видимому, рванул проскочить раньше, может, под носом у этих саней, но проскочить он уже не успеет. На несколько коротких секунд Зоська обмерла от увиденного, не имея сил догнать ушедших вперед и не зная, что делать. Хватая ртом воздух, она лежала ничком в канаве, пока не почувствовала сильный толчок в сапог.

– Бягом! Бягом, ты, не видишь?! – прикрикнул на нее Салей, и она вскочила.

Низко пригнувшись, она побежала в канаве за уходящими к сосняку тремя фигурами: сержанта, Пашки и Антона, охваченная единственной целью – догнать. Самое страшное теперь для нее было отстать, потерять тех, от кого еще десять минут назад она готова была сбежать. Теперь она видела в них единственную для себя защиту, потеряв которую была обречена в этом поле.

Однако бежать было ненамного легче, чем ползти, она совершенно вымоталась и загнанно дышала открытым ртом. Сильно пригибаясь, она не могла видеть вправо, откуда как-то угрожающе гулко бабахнул первый винтовочный выстрел. Она не знала, стреляли по ней или, может, по тем, что ушли вперед, но она сразу упала, тут же вскочив от сердитого крика Салея:

– Бягом, ты, раззява, туды-т твою мать!..

Не зная, кого больше опасаться – тех, что открыли огонь за насыпью, или совсем уже близко подъехавших по дороге, она, заплетаясь ногами, снова побежала по истоптанной следами канаве. Ушедших вперед она уже не видела, перед ее лицом лишь мелькал разрытый ногами снег, и она, низко склоняясь, бежала по этому снегу. Но выстрелы из-за насыпи загремели чаще, одна пуля, видимо, попав в рельс, с пронзительным треском обдала ее щебенкой и снегом. Но Зоська не упала.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Она только удивилась, увидев невдалеке по кювету попадавших партизан. Кажется, однако, они были живы, и Пашка даже стрелял через насыпь, остальные просто устало лежали. Зоська тоже упала возле знакомых растоптанных сапог Антона. Несколько минут хватала ртом воздух и слушала. Сержант все ругался, остальные молчали. Кажется, вперед ходу не было, путь к лесу уже был отрезан. Выпустив куда-то обойму, Пашка сполз задом с насыпи и убрал за собой винтовку.

– Собаки! – сказал он и вздрогнул от близко ударившей пули.

– Что? – спросил сержант, с потным, раскрасневшимся лицом лежавший на бровке канавы.

– Вон, к лесу бегут!

Как поняла Зоська, это было и еще хуже. Если бегут к лесу, значит, хотят перехватить их на опушке. Куда же тогда им податься?

– А ну, дай! – протянул руку сержант и схватил у Пашки винтовку. – Салей! Жхни по тем, пусть испугаются! – кивнул он за канаву, а сам рванулся выше к рельсу и, быстро прицелясь, выстрелил. Рядом в другую сторону выстрелил Салей, горячая гильза из его винтовки обожгла Зоськину руку. Пашка с Антоном лежали не шевелясь и, только приподняв головы, напряженно вслушивались в перестрелку. Сержант быстро выпустил обойму и вдруг крикнул:

– Бегом вперед! Быстро!!

И, вскочив, опрометью бросился по канаве, за ним с неожиданной прытью припустили Пашка и Антон. Зоська с Салеем снова оказались последними. Но Зоська теперь пуще всего на свете боялась отстать и, осклизаясь по откосам канавы, побежала так, как, казалось, не бегала никогда в жизни.

Однако через сотню метров они снова попадали возле маленького черно-белого столбика с цифрой 7 на боку. Частая винтовочная стрельба гремела, казалось, по всему полю. Сперва Зоська не слышала пуль, но, когда на ее глазах от столбика взлетел вверх бетонный осколок, она тотчас ощутила их злую силу и теснее прижалась к земле. Спасала канава. Только долго лежать в канаве, наверно, было нельзя, они и без того потеряли много драгоценного времени; полицаи уже сжимали их с обеих сторон.

– По одному, – сказал, задыхаясь, Антон. – Короткими перебежками...

Сержант зло оглянулся на него, поискал глазами Салея.

– Салей, огонь!

Салей снова начал стрелять с колена по тем, что подбирались с дороги. Наверно, они там были уже близко, но Зоська не выглядывала, она только вздрагивала, когда близкая пуля вонзалась в насыпь, обдавая ее щебенкой и снегом. Но вот, выбрав, наверно, момент, сержант рывком вскочил на ноги и, что-то прокричав, головой вперед бросился через рельсы, сразу исчезнув на той стороне однопутки. За ним, оглянувшись, менее ловко перебежал рельсы Пашка. Зоська лежала рядом с Антоном. Теперь, наверно, черед был за ним, но Антон почему-то медлил, и она, не поняв причину его промедления и чувствуя, что опять может отстать, выскочила из канавы.

Она благополучно перебежала наискосок рельсы, ухватив взглядом уже вбегавшие в соснячок знакомые две фигуры ребят, и выпрямилась, чтобы перескочить неглубокую с этой стороны канаву. Но в этот момент что-то непонятное с чугунным звоном ударило ее в голову. Зоська пошатнулась, но не упала, в недоумении схватилась рукой за голову и, увидав на ладони кровь, поняла, что ранена. Она вяло перебежала канаву, влезла в засыпанные снегом заросли будылей и, зажимая ладонью рану повыше виска, побежала к недалекой опушке рощи.

Она боялась упасть и не оглядывалась. Только когда сзади и близко грохнул винтовочный выстрел, она на бегу оглянулась – это, пригнувшись, стрелял Антон. Салея не было видно, и она, шатаясь и очень боясь, чтобы не запнуться и не упасть, бежала по чистому снегу. Правая сторона головы как-то странно пухла от глубокой звенящей боли, кровь заливала ухо, щеку и шею под сбившимся на ворот платком, но она бежала к спасительной опушке рощи, где уже скрылись сержант и Пашка.

Антон догнал ее в двадцати шагах от опушки и снова на бегу выстрелил куда-то из винтовки. Впервые одним глазом (второй уже заплыл кровью) она взглянула в ту сторону, куда он стрелял, и ужаснулась: их настигали полицаи. Двое из них бежали с винтовками почти по пятам, один, остановившись, стрелял в Антона. Опушка молчала, сержант с Пашкой исчезли. Как-то увернувшись от пули, Антон перегнал Зоську и тотчас скрылся между сосенок. Зоська снова оказалась последней, а полицаи были в ста метрах сзади. Боль пухла в голове, охватив всю правую сторону, обида терзала ее сердце, она чувствовала, что погибает – глупо и совершенно напрасно. Но все же она заметила то место на опушке, где скрылся Антон, и под выстрелы и крики сзади тоже вбежала в сосняк. Теперь ее надежда была на Антона. У него была винтовка, он был ближе других. И Зоська бежала, как

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru только могла бежать в чаще – раздирая руки, грудь, плечи, оберегая лишь голову от торчащих со всех сторон сучьев.

Сзади слышались выстрелы и голоса, но, кажется, полицаи отстали и видеть ее не могли. Она побежала медленнее и, выбиваясь из сил, постепенно перешла на шаг.

На узкой полянке она увидела знакомые следы сапог на снегу и слепо побрела по ним. Чтобы не упасть, она то и дело хваталась рукой за ветки, другой зажимая рану. Теперь ей ничего не оставалось, как постараться догнать Антона, если он не ушел далеко, чтобы с его помощью перевязать рану. Сама она не могла этого сделать и боялась потерять сознание от потери крови. Она плохо видела в этой чаще своим одним глазом и обрадовалась, когда услышала за сосенкой треск ветки.

– Антон!..

– Ну что? Иди сюда...

С затаенного тучами неба сыпался мелкий снежок...

18

Антон подождал Зоську – а что ему оставалось делать, не бежать же ему вдогонку за этим баламутом-сержантом. Конечно, и сержант, и Зоська теперь были ему ни к чему. Кажется, он выкрутился из беды, избежал самосуда, ушел от полицейской пули и даже вооружился винтовкой убитого на «железке» Салея. С Зоськой, наверно, все уже было кончено – зачем ему Зоська? Хотя... Кто знает, что будет дальше, но вот она выбежала из сосняка с залитой кровью щекой, и что-то в Антоне болезненно сжалось при виде ее недавно еще привлекательного, а теперь искаженного гримасой боли лица.

– Бинт есть?

Бинта, однако, у нее не оказалось, у него тоже не нашлось в карманах ничего подходящего для перевязки. Надо было разорвать что-нибудь из белья, но не раздеваться же тут, под носом у полицаев. Прежде всего следовало уносить ноги, коль уж оторвались от погони; каждая минута была дарована им для спасения.

– Вот черт! – выругался Антон, вслушиваясь в долетавшие с опушки голоса полицаев – еще, чего доброго, кинутся по следам вдогонку. Зоська, все зажимая ладонью рану, загнанно дышала, и он схватил ее за свободную руку.

– Как, терпеть можешь?

Она что-то сказала, но он, не расслышав, поволок ее сквозь туго пружинившие ветки сосенок – прочь от опушки, дальше, в глубь этой молодой рощи, пока ту не окружили полицаи. Окружат, тогда снова придется пробиваться с боем, что всегда пахнет кровью.

Но как-то неожиданно скоро роща кончилась, они выбежали на опушку, и Антон позволил себе остановиться, чтобы перевести дыхание. Зоська сразу упала на присыпанный снегом мох, а он сперва огляделся. Впереди лежало неширокое снежное поле, за ним темнела полоса новой рощи. Рассмотреть ее издали было трудно – сверху всюду сыпал снег. Но, может быть, снег теперь к лучшему, подумал Антон, он укроет следы, будет легче уйти от преследования. Слегка отдышавшись, Антон повернулся к Зоське, которая, уронив голову, боком лежала между сосенок.

– Ну, ты как?

Она не ответила, лишь простонала, сжав зубы. Плечо ее плюшевого сачка было в крови, платок с правой стороны тоже пропитался загустевшей кровью, на которую налипали снежинки. Антон прислонил к сухому сучку винтовку и решительно распахнул свой кобушок. Вытащив из-под свитера подол нательной сорочки, он отдрал от нее неширокую полосу и присел перед Зоськой.

– А ну, дай!

Кажется, девке здорово повезло сегодня – пуля слегка задела голову по касательной, а взяла бы на какой-нибудь сантиметр глубже, и перевязка уже не понадобилась бы. Морщась при виде сочившейся из раны крови, Антон обмотал свой лоскут поверх залепленных кровью и снегом волос, кое-как скрепил толстым узлом концы. Зоська, сильно побледнев, тихо постанывала, ее правый глаз, надбровье и даже щека заплывали мягкой синюшной опухолью. Перевязывая ее, Антон все время испытывал какое-то странное, неподвластное ему чувство, состоящее из жалости и почти непреодолимой безразличности.

– Ничего, – слабо утешил он, закончив перевязку. – Главное – ноги целы.

Куда-нибудь да дойдем.

Она сама осторожно повязала поверх его лоскута свой платок, отчего ее голова стала непомерно большой и уродливой. С Антоном она не разговаривала, видно, едва превозмогая боль, и он не стал приставать к ней с вопросами. Он больше вслушивался в неясные звуки леса и однообразный шум сосен, с тревогой ожидая

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
услышать голоса полицейцев.

Но полицейши, видно, отстали, лес был спокоен, ровно шуршала снежная крупа по колушку на плечах.

– Как, идти можешь?

Зоська вместо ответа сделала немощную попытку подняться, и он, подав ей руку, помог встать на ноги.

С короткими остановками они перешли поле и достигли следующей сосновой роши. Только они вошли в нее, как Зоська вдруг остановилась, переломилась вся в поясице, и Антон, оглянувшись, понял: ее тошнило. Пока она содрогалась, ухватившись за дерево, он растерянно стоял напротив, думая, как бы не пришлось нести ее на спине. Но нет, не пришлось, Зоська справилась с собой, распрямилась, и они пошли дальше. Правда, она все время отставала, вынуждая Антона придерживать свой шаг, и шла, словно бы пьяная, то и дело отступаясь, вот-вот готовая упасть. Руку не опускала от головы, смотрела лишь себе под ноги. Кроме того, она все время молчала, и Антон не окликал ее, терпеливо поджидая во время остановок. Наверно, ей надо было отдохнуть, но он стремился уйти подальше от полиции, а потом... Но он и сам толком не знал, что будет потом.

Миновав рошу, они долго брели по голой снежной равнине неизвестно куда. Антон давно уже не узнавал местности, наверно, он здесь никогда прежде не был, и шел наугад. Снегопад не прекращался. Снежная крупа с ветром стегала с обеих сторон, чаще, однако, заходя сзади, и он думал, что направление выдерживает правильно. Видимость была скверная, а среди равнинного поля и вовсе ничего не стало видеть – в сплошной белой мгле лишь мелькали, крутили, носились снежинки. Но вот чуть в стороне что-то засерело неясным округлым пятном – показалось, стожок или, может, скирда соломы. Однако взглядевшись, Антон догадался, что это – одинокое дерево в поле. Подумав, что пора отдохнуть, он свернул к этому дереву и, немного пройдя, сквозь сеть снегопада увидел вдаль и другое высокое дерево, а за ним ряд деревьев пониже, приземистые силуэты построек, соломенную крышу с трубой. Похоже, они вышли к деревне. Деревня теперь была кстати, в ней, наверно, придется оставить Зоську. Но – если бы ночью. Днем появляться в незнакомой деревне – всегда большой риск, тем более под носом у немцев.

Широко ступая в неглубоком снегу, Антон подошел к дереву и остановился. Это была роскошная груша-дичок с богатой, прямо-таки художественно сформированной кроной, раскинувшаяся на меже двух земельных владений. Ниже под деревом, полузаметенная снегом, горбилась большая куча камней, собранных с этого поля. На языке местных крестьян она называлась крушной. Если присесть пониже, за крушной можно было укрыться от ветра и постороннего глаза, другого укрытия поблизости не было.

– Вон деревня, видишь? – кивнул он Зоське, когда та притаилась к дереву.

– Княжеводцы, – каким-то странно изменившимся голосом тихо сказала Зоська, и Антон, внимательно посмотрев на нее, догадался: это от опухоли, уже охватившей всю правую сторону ее лица.

– Что, знакомая деревня?

– Знакомая. Летом тут у подружки была...

– Вот и хорошо. Будет где перепрятаться. Потемнеет – пойдем. А пока садись, надо ждать.

Он вывернул из-под снега большой плоский камень на краю крушни, и Зоська с готовностью опустила на него, уронив на руки голову ее левой, здоровой, стороной.

– Лягнуло твое задание, – сказал Антон, садясь на другой камень рядом. – И мое тоже. Что теперь делать?

Зоська, тихо постанывая, молчала, и он, приоткрыв затвор, заглянул в магазинную коробку винтовки. Там было всего два патрона и стреляная гильза в патроннике. Гильзу он выбросил на снег, патроны утопил глубже в коробку. Два патрона, конечно, мало, почти ничего, разве что на крайний, критический случай. Хорошо, однако, что раздобыл винтовку. Правда, сам едва не угодил в полицейские лапы, но винтовочку все-таки прихватил. Жаль, не успел поворошить у Салея в карманах, наверно, там нашлась бы лишняя обойма. Но и так едва добежал до опушки. Во всяком случае, с винтовкой уже можно будет возвратиться в отряд. Только что он скажет в отряде о своем трехдневном отсутствии?

Черт, как нескладно все получилось!

И надо же было ему выбрать такой неподходящий момент, нет чтобы переждать в лагере и услышать, что произошло в Сталинграде. Действительно, поспешишь – людей насмешишь. Но кто знал, что дела в Сталинграде обернутся таким неожиданным образом и в такое именно время. Да и Зоську никогда прежде не посылали в Скидель, как он мог упустить такой благоприятный момент?

Эх, Зоська, Зоська! Как она глупо разрушила все его замыслы и едва не погубила

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru его и себя тоже... А может, она спасла себя и его? – вдруг подумал Антон. Если иметь в виду Сталинград, то действительно удержала от губительного последнего шага. Знала ровно столько, сколько знал он, а поди вот... Что значит чутье! У него же такого чутья не оказалось, и он едва не сунулся в этот полицейский гадюшник в Скиделе. Теперь нетрудно было представить, чем бы все кончилось, окажись он у того же Копыцкого. Вот и выходит, что Зоська была осмотрительней и косвенным образом спасла Антона.

Отвернувшись от ветра, Антон терпеливо сидел на камне, подняв воротник колушка, винтовку положил на колени. В этой суете, беготне и перестрелке он не заметил, сколько прошло времени, и думал, что скоро, пожалуй, начнет смеркаться. Но пока было светло, все сыпал снег, и в каком-нибудь километре от груши серели голые кроны деревьев и крыши хат в Княжеводцах. Надо было еще подождать. Он не чувствовал холода, и если бы не ветер, то в колушке ему было, в общем, терпимо среди этого метельного поля под грушей. Вот только как Зоська?

– Она где живет? Подруга твоя? – Антон обернулся к Зоське. – С какого конца?

Зоська медленно подняла осыпанную снегом голову и коротко взглянула на него со страдальческим выражением на искаженном лице.

– А тебе зачем?

– Ну как подойти? Если с этого конца, то можно рискнуть и теперь. Не тянуть до ночи.

Она опять опустила уродливо обвязанную голову и чуть слышно спросила:

– Ты спешишь?

– Спешу, конечно. Погулял, хватит. Пора и честь знать.

– Скидель недалеко. Пятнадцать километров.

– А зачем Скидель? Мне в отряд надо.

– Вот как! Значит, передумал?

– Ну хотя бы и передумал. Ты же слышала: заминка в войне получилась. Немцев от Сталинграда погнажи. А там у них лучшие силы.

Зоська смолчала, и он стал подтягивать самодельный ремень на винтовке. Видно, этот Салей был такой партизан, как и его винтовка с ржавым, забитым грязью затвором, приклад был расколот продольной трещиной, ремень вместо тренчика привязан к ложе бечевкой. Надо будет все это привести в божеский вид, иначе какой же он партизан с никудышным оружием? Теперь, когда, к беде или к счастью, у него сорвалось с этим Скиделем, Антон даже как-то оживился, несмотря на пережитое, все-таки он возвращался к трудной, но уже ставшей привычной жизни в лесу, среди своих, знакомых людей. Вот только как они примут его после столь длительной самовольной отлучки – этот вопрос, как заноза, торчал во встревоженном его сознании. Он еще не додумал ничего до конца, но уже и без того чувствовал, что все будет зависеть от Зоськи. Зоська может его спасти, а может и погубить, когда он вернется к своим. Значит, прежде всего надо поладить с Зоськой.

– Зось, а Зось! Ты на меня не злись, – сказал он примирительно, почти с просьбой в голосе. – Я же хотел как лучше. Для тебя и для себя.

– А я и не злюсь. Что на тебя злиться...

– Вот молодец! – сказал он обрадованно. – Выйдем к своим, поправишься... Мы еще поладим с тобой, правда ведь?

– Нет уж, мы не поладим.

– Это почему? Ведь я же тебя...

– Помолчи лучше, – глухо перебила она, и он подумал: неужели обиделась напрочь? Или очень болит рана? Рана, конечно, скверная, как бы Зоська, если даже и выживет, не осталась навсегда дурочкой. Голова все-таки, не мягкое место сзади. Голову прежде всего беречь надо, потому солдатам на фронте выдают каски. Умные люди придумали. Если поврежден череп, то можно и умереть, это неважно, что пока стоишь на ногах и при памяти. Помер же вон от такой раны партизан из первого взвода Сажнев, хотя перед тем трое суток был на ногах и чувствовал себя неплохо.

– Слушай, Зоська, – сказал он помягче, почти ласково. – Ты вчера предлагала написать командиру. Ну обо мне, в общем...

– Что написать? – не поняла она.

– Ну, ты говорила. Что я помогал тебе и прочее. Что прикрыл группу там, на «железке». Ведь если бы не я, они бы всех, как Салея. Ведь так же?

– А зачем писать? – холодно сказала Зоська. – Ты что, меня уже хоронишь?

– Я не хороню. Но ведь ты остаешься, – кивнул он в сторону деревни, – а мне топать в отряд.

– Уж как-нибудь и я доберусь в отряд.

– Но пока ты доберешься, меня могут... Как я там оправдаюсь?

– О чем же ты раньше думал?

– Раньше о другом думал. О тебе, между прочим! – начал раздражаться Антон.

Он в самом деле чувствовал себя обиженным ее несговорчивостью. Вот же привел

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Бог связаться с этой упрямницей, ни в чем невозможно с ней сладить. Прямо-таки странно, откуда это у нее берется? Судя по миловидной внешности, никогда не предположишь в ней этой твердости, с виду такая покладистая, улыбчивая, без грубого слова, всегда с готовностью понять и поддержать шутку. А тут... Язва стала, а не девка. Такие ему еще не попадались. Всегда он умел договориться с любой, если не сразу, то погодя, добиться своего с помощью ласкового слова и веселой шутки. С женщинами ему в общем везло, и он нередко полагался на них в трудный момент своей жизни. А эта...

Снег продолжал сыпать, но вроде тише стал ветер, и, кажется, начало смеркаться. В поле вокруг потемнело, померкло заволоченное тучами небо. У Антона озябли в сырых сапогах ноги, и он, встав с камня, начал, притопывая, разминаться под грушей. Деревья и крыши в Княжеводцах все еще тускло серели за полем, но он знал, что через час-полтора станет темно. Он отведет Зоську в деревню, разыщет ее подругу, авось там будет покойно и Зоська отлежится у знакомых. Ему же надо пробираться в отряд. Снег пока неглубокий, за ночь он сможет отмахать километров тридцать, местность по ту сторону Немана ему хорошо знакома. Но прежде чем расстаться с Зоськой, надо добиться от нее свидетельства, что он помогал ей в разведке, а не околачивался неизвестно где трое суток. Конечно, он понимал, что даже и с таким свидетельством будет нелегко избежать скандала, но с помощью Зоськи все, может быть, обойдется. Без нее же ему капут, самому ему не оправдаться.

– Уже темнеет, – измученным голосом сказала Зоська, приподняв голову.

Да, пожалуй, уже можно, не боясь быть замеченными, выходить в поле. Покамест они подойдут к деревне, стемнеет и еще больше, но Антон тянул время: ему хотелось напоследок окончательно договориться с Зоськой.

– Сейчас пойдем, – сказал он. – Давай руку, вставай, погрей ноги.

Он помог ей подняться с камня, и она, пошатнувшись, едва удержалась на ногах. Антон подхватил ее под руку, но нетерпеливым движением локтя она отстранила его:

– Я сама.

Что ж, пожалуйста, подумал он, давай сама, если сможешь. Но она не спешила сама, повернув набок голову, сперва неловко вгляделась в едва различимые в сумерках очертания Княжеводцев.

– Я пойду в деревню, – глухо сказала она, не оборачиваясь. – А ты иди за Неман.

– Зачем? – удивился Антон. – Сперва доведу тебя, устрой.

– Нет, – сказала она.

– Это почему? – насторожился он. Упорное неприятие его помощи чем-то озадачивало Антона, но он еще не догадывался, что тому было причиной.

– Я пойду одна.

– Нет, одну я тебя не пущу.

Она еще постояла, горбясь и болезненно прижимая руку к повязке, и вдруг молча опустила обратно на камень.

– Вот еще фокусы! – сказал он. – Ты что, ночевать тут собралась?

– Иди за Неман! – тихо, но твердо сказала она. – Потом я пойду в Княжеводцы.

– Ах, вот как! – догадался Антон. – Не доверяешь, значит?

– Не доверяю.

– Да-а, – несколько растерянно сказал он и тоже опустил на камень повыше.

Оказывается, возможно и такое, подумал Антон. Он прикрывал ее огнем на «железке», не бросил в лесу, увел от преследования полицаев. Он, можно сказать, спас ее, рискуя собой, а она ему не доверяет. Она не хочет показать, куда пойдет в Княжеводцах, чтобы он не выдал подругу, что ли? Но он уже не собирался идти к немцам, он возвращался в отряд – чего же ей еще надо?

С трудом подавляя в себе озлобление против Зоськи, которая сегодня не переставала удивлять его своими необъяснимыми выходками, он вдруг почувствовал степень ее враждебности к нему, и ему сделалось страшно. Ведь с таким чувством к нему она запросто выложит в отряде все, что с ними случилось, и ему наверняка несдобровать. Если там узнают о его неосуществленном плане относительно Скиделя, услышат о его намерении обратиться к Копыцкому, его просто сведут в овраг, где он и останется. Но это было бы ужасно! Именно теперь, когда дела на фронте вроде вдохнули надежду, когда он решился до конца оставаться партизаном, когда он навсегда размежевался с немцами и с Копыцким, он может погибнуть от рук своих бывших товарищей. И всего лишь потому, что где-то усомнился, по молодости захотел выжить и в трудный момент не совладал с нервами...

И погубит его та самая, с которой он готов был связать себя на всю жизнь и из-за которой, может, едва не совершил свою самую большую глупость.

Но ведь не совершил же – вот что, наверно, главное. Говорил, да. Но мало ли что может наговорить человек, когда жареный петух его в зад клюнет!

– Хорошо! – примирительно сказал Антон после долгого тягостного раздумья. – Хорошо... Я пойду за Неман. Но ты обещай мне помочь.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– В чем? – отрывисто спросила Зоська, не подняв головы. Обеими руками она опиралась о камни.

– Не говори никому, что я хотел с тобой... в Скидель.

Она сделала попытку повернуться к нему на камне, но только повела плечами. Тяжелая ее голова упрямо тянула всю ее книзу.

– А что я заместо скажу? Что проспала с тобой ночь в оборе? Что не дошла до Скиделя, потому что заночевала на хуторе? Что провалила это задание, доверяясь тебе? Что круглая дура, идиотка и преступница, которую только под суд?

Кажется, она заплакала, совсем уронив голову и подергиваясь плечами, и в этот раз он не пожалел ее – он почувствовал жалость к себе самому. Действительно, перспектива перед ним очерчивалась более чем незавидная, надо было срочно предпринимать что-то для своего спасения. Но он не знал, что, и угрюмо сидел под крушей, тоскливым взглядом обшаривая вечерний простор. В поле почти уже стемнело, деревья и крыши в Княжеводцах тонули в быстро надвигавшемся сумраке, снежная крупа сонно шуршала в колючем сплетении ветвей груши.

– Вот ты, значит, какая! – с медленно нарастающим негодованием заговорил Антон.

– За себя дрейфишь! Провалила задание и хочешь провалить мою жизнь?..

– За свою жизнь ты сам ответчик. Ты ее так направил. Разве я тебя не отговаривала?

– Допустим, я ошибся. Признаю. Но не ошибается тот, кто ничего не делает. Кто на печи сидит. А мы на ошибках учимся. Кто это сказал? Ты же образованная, должна знать. И ты еще женщина, ты должна быть доброй. А не такой непримиримой.

– Моя доброта меня и погубила, – тихо сказала Зоська.

– Ну вот! – подхватил Антон. – Сама признаешь. Так почему же ты и меня загубить хочешь? Я же тебе не враг!

– Бывают свои хуже врагов, – тихо сказала Зоська. – Врага можно убить. А в своего не так легко выстрелить.

– Ах, вот как! Ты уже готова и стрелять! Это за что? За мою заботу?! За то, что я тебя спас?!

Антон вскочил на ноги – ее обвинения привели его в бешенство. Он – хуже врага?.. Он весь дрожал в гневе от одних только воспоминаний обо всем пережитом с ней за последние сутки. Сколько раз он ее выручал, сколько помогал ей, сколько пережил из-за ее глупых выходов. Конечно, он не забыл, что было и другое, что он допустил грубость, и она вправе была обидеться. Но теперь он не хотел помнить это. Он помнил лишь содеянное им добро и возмущался от мысли, что за это его добро она все время пыталась отплатить ему злом. И еще сожалеет, что не имела возможности выстрелить.

– Сука ты подлая! – крикнул он с тихой яростью, и она отшатнулась, замерла на камне.

Минуту спустя, не сказав ни слова в ответ, Зоська с трудом поднялась на ноги и, поддерживая рукой голову, куда-то побрела в обход круши. Антон с ненавистью смотрел на нее сзади, она была ему омерзительна, и он в мыслях сказал себе, что не окликнет ее никогда. Пусть, как знает, спасает себя сама, а хочет, пусть гибнет, его дело малое. Скорее всего и погибнет. За первым же углом в деревне напорется на полиция и завтра со связанными руками очутится в Скиделе. Но пусть, он горевать не станет. С него уже хватит. Отныне он ей не товарищ и знать ее больше не хочет.

Искоса проследив, как она шатким шагом обогнула крушню, направляясь к деревне, Антон со злостью закинул за плечо винтовку. Ему надо было в обратную сторону – к Неману, в лес. Пути их навсегда расходились, и он не жалел ни о чем.

Он прошел десяток шагов от груши и остановился в растерянности, пораженный новой мыслью: а вдруг ей повезет? Она разыщет в деревне знакомую и расскажет ей обо всем, что произошло между ними? Рано или поздно об этом станет известно в отряде... Нет, он не мог допустить, чтобы она появилась в деревне. Для него это равносильно самоубийству...

– Зося! – крикнул Антон дрогнувшим голосом. – Зося!

Зоська словно не слышала и не обернулась. Ее темная с уродливой головой фигура медленно отдалялась от груши, и Антон вскинул винтовку. Он помнил, что в магазинной коробке всего два патрона, но глаз у него был всегда зорок, а рука сохраняла твердость. Боясь упустить ее в сумерках, он торопливо прицелился в черную спину и плавно нажал на спуск.

Выстрел, сверкнув красным огнем, на секунду ослепил его, Антон опустил винтовку и пристально вгляделся в сумрак. Зоська темным пятном мертвенно лежала на снегу, раскинув в стороны руки. Не сводя с нее взгляда, он перезарядил винтовку, но второго выстрела, наверно, уже не потребовалось. К тому же последний патрон было разумно сберечь на какой-нибудь крайней случай!

– Вот! Так будет лучше, – зло сказал он себе, выругался, сплюнул и быстро

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
зашагал через поле к лесу.

19

Ей было плохо, очень болело в боку и трудно было дышать, она все время пыталась сбросить с себя какую-то непонятную, давившую ее тяжесть, но не доставало силы, и тяжесть продолжала ее давить – мучительно и непрерывно. Слабые проблески сознания то и дело затягивались мутным наплывом беспамятства, она переставала ощущать себя, забываясь в немощи и боли. В короткие моменты прояснения лишь острее становилась боль, через которую едва пробивались невнятные обрывки яви, и Зоська не могла понять, что с ней случилось.

Но безотчетная работа сознания все-таки побуждала ее очнуться. Она ощутила, что умирает, и вся встrepенулась в испуге. Страх смерти вынудил ее на новый отчаянный рывок сознания, она вдруг очнулась, чтобы тут же опять погрузиться в беспамятство от сильной, охватившей ее всю боли.

Однако главное, наверно, все-таки произошло, она уже осознала грозящую ей опасность и набралась решимости противостоять ей. Она очень боялась смерти и очень хотела жить. Новым подсознательным усилием она прорвалась сквозь боль и вернула себе ощущение окружавшей ее реальности.

Она еще не могла раскрыть глаз, но уже поняла, что лежит на снегу и замерзает. В довершение к боли стужа жестоко терзала ее израненное, обескровленное тело, она вся сотрясалась в дрожи, и первым ее побуждением было унять эту дрожь. Но дрожь все усиливалась, охватив конечности, вместе с тем она почувствовала руки, ноги и попробовала повернуться, но только немощно простонала от боли в боку. И без того нечеткое сознание каждый раз обрывалось на этой боли, и она не могла вспомнить, почему тут лежит. Наверно, стужа и боль вышибали все из ее памяти, и она, как младенец, начинала постигать мир с того, что было в непосредственной от нее близости.

Прежде всего это был снег, она бессознательно сгребла каждой рукой по горсти. Одубевшие пальцы плохо ей подчинялись, но она все-таки чувствовала ими холодную влажность снега. Такая же холодная знобящая влажность была у нее под боком, отчего морозною стужей зашло бедро, на котором она лежала. Сквозь боль ощутив мокроту, она снова напряглась в усилии повернуться и приоткрыла глаза.

Вокруг было темно, с сумрачного неба сыпался мелкий снежок, рядом на ветру трепетала склоненная над снегом былинка. Зоська перевела взгляд ближе и не узнала собственных рук – так густо их засыпало снегом. Испугавшись, что скоро ее совсем занесет в этом метельном поле, она двинула одновременно двумя ногами и снова потеряла сознание.

Она не могла знать, сколько на этот раз пролежала в беспамятстве, но, когда сознание снова воротилось к ней, она уже вспомнила, где лежит. И она почувствовала еще, что особенно сильная боль, обессилившая ее тело, исходит из левого бока. Боль эта не дает ей вздохнуть, не дает резко двинуться, она же давит ее непосильным удушающим грузом, распластав на морозном снегу.

Но почему она одна? Почему она ранена в этом ночном снежном поле? Где люди? Где партизаны и как она здесь очутилась?

Потребовалось несколько долгих минут и немалые усилия памяти, чтобы она медленно восстановила в сознании разрозненные моменты прошлого, предшествующие ее ранению. Она вспомнила Антона и поняла, что его рядом нет. Память ее, ухватившись за конец этой ниточки, потянула за нее дальше, и через несколько невнятных картин Зоська вспомнила полевую грушу и крушню под ней, потом – последний разговор с Антоном... Еще она куда-то пошла... Да она же направилась в Княжеводцы! Ведь тут же за полем, совсем близко от груши, видны были княжеводские крыши, и она пошла к ним, бросив Антона... А потом... Что было потом?

Потом был выстрел сзади...

Зоська не хотела плакать, но слезы сами собой полились по ее лицу, и она не вытирала их. Она снова перестала что-либо видеть впотьмах и едва удержалась в сознании. Превозмогая острую боль в боку, она уперлась правой ногой в слезавшийся снег и попыталась сдвинуться с места. Тело ее и в самом деле немного подвинулось, но Зоська тут же и выдохлась, опять и надолго замерев в неподвижности. И все-таки она очнулась, собрала в себе жалкие остатки сил, нащупала правым коленом ямку в снегу и продвинулась еще на полметра.

Она поползла – медленно, с продолжительными остановками, едва превозмогая приступы слабости, от которых мутилось сознание. Теперь, когда она вспомнила, как близко была деревня, она не хотела умереть в поле, она рвалась к людям. Но где они, люди? Как долог к ним путь и сколько еще надо силы, которой у нее почти

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
не осталось?

Она ползла долго, казалось, целую вечность, временами теряя сознание. Иногда болевые удары с такой злобной яростью вонзались в ее бок и спину, что она беспомощно замирала на месте, долго не решаясь снова шевельнуть рукой или ногой. В голове ее что-то болезненно дергалось, казалось, там выдирали из черепа мозг, но к боли в голове она кое-как притерпелась. Хуже было с болью в боку, которая подкарауливала ее ежесекундно, стоило только ей двинуть левой ногой. Это была подлая и жестокая боль, и Зоська подумала, что она, видно, не даст ей доползти до деревни.

Но она должна доползти. Мысль об Антоне сильнее всего другого гнала ее в Княжеводцы. Она понимала, что может скоро умереть, но прежде она должна предупредить своих об этом перевертыше. Иначе он вернется в Липичанку, вотрется в доверие и снова предаст в удобный для него момент. Предать, обмануть, надругаться ему ничего не стоит, потому что для него не существует моральных запретов, он всегда будет таким, каким его повернут обстоятельства. А обстоятельства на войне – вещь слишком изменчивая, и такой же скользко-изменчивый по отношению к людям будет Голубин.

Но почему он такой? Или он таким родился, унаследовав характер от предков? Или таким его сделала жизнь? Но разве жизнь его была труднее, чем жизнь Зоськи с ее повседневною трудом ради куска черного хлеба? Но так жило в этих местах большинство здешних людей, и любой самый забитый бедняк из богом забытой деревни знал, что нельзя поступаться совестью, нельзя идти против своих. Почему же Голубин не усвоил этого?

Зоська жестоко страдала от боли, душевные муки, однако, терзали ее не меньше. У нее не было никакой уверенности, дотянет ли она до деревни, доберется ли наконец до людей. Но ей очень нужны были люди, только они могли помочь ей. Было бы ужасно по отношению к себе, к матери, к товарищам, пославшим ее из леса, пойти и не вернуться, как не вернулся с задания их прежний командир Кузнецов, не вернулась, загадочно сгинув, группа Суровца, никогда не вернется убитый на «железке» Салей, да и мало ли еще кто. Нет, она должна собрать в себе силы, не поддаться смерти и вернуться к своим. Хотя бы затем, чтобы рассказать, что случилось и почему она не смогла сделать то, что должна была сделать.

Она помнила: деревня была совсем недалеко от груши, но не знала, сколько она проползла в этом снегу. Ветер все сыпал и сыпал мелкой крупой, замечая ее след в поле, но совершенно заметет он его, наверно, не скоро. «А вдруг сюда вернется Антон?» – в ужасе подумала Зоська. Вернется, чтобы добить ее, – ведь это вполне логично. И так удивительно, как он не прикончил ее: может, посчитал убитой? Или торопился уйти?

Зоська давно плохо видела одним левым глазом, да и было темно. Боль в голове не дала ей обернуться, и она только прислушалась, замерев на снегу. Но, кроме порывов ветра и привычного шума метели, кажется, ничего не было слышно.

Ее временами поташнивало, как после угара, сознание снова начало меркнуть, и она подумала, что, видно, не доползет. Видно, тут и останется. Но пока она еще что-то могла, она из последних сил подвинула себя в рыхлом снегу один, второй, третий раз и замерла в неподвижности. Впереди что-то чернело в метельных сумерках, но, падая в забытие, она не успела рассмотреть, что. Потребовалась долгая мучительная пауза, прежде чем притупилась острота боли в боку, и, чуть повернув голову, она увидела впереди ограду. Парные кольца с жердями-перекладинами изломанной линией тянулись от нее к деревне. Это была летняя ограда в конце огородов, значит, дома уже близко. Зоська обрадовалась этому открытию, будто предвестнику ее спасения, и, сделав невероятное усилие, достигла наконец угловых колеьев ограды. Чтобы помочь себе проползти еще шаг-другой, она ухватила за тонкий конец нижней жерди, и тот, тихо хрустнув, сломался. Больше силы у нее не осталось. Обескураженная неудачей, она полежала немного и, подняв в руке обломок, ударила им по жерди повыше. Ее удар гулко отдался в ночной тишине, и тотчас где-то вдаль послышался визгливый собачий лай.

Зоська внутренне восторгалась – это была удача; она подняла над собой палку и постучала несколько раз сильнее. Сигнал ее передался по ограде дальше, и, показалось, лай послышался ближе. «Лай же, лай, милая собачка! – подумала Зоська с нежностью. – Лай! Авось нас услышат...»

В счастливой уверенности, что доползла и что сейчас кто-то к ней выйдет, она вся объяла и надолго потеряла сознание.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Теперь свидетелей не было, никто не мог знать о его намерениях, его постыдной попытке улизнуть от войны. Он опять был чист, честен, безгрешен в отношении к Родине, людям и своим товарищам.

Подогреваемый медленно остывающей злостью на Зоську, он не чувствовал никакого угрызения – подумаешь, убил девку. В мире, где шла война и каждый день убивали тысячами, где каждую минуту могли убить его самого, это маленькое убийство вовсе не казалось ему преступлением, – убил потому, что иначе не мог. Сама виновата. Погибла через свой дурацкий характер, который в такой обстановке рано или поздно привел бы ее к могиле. Не застрелил ее он, ее все равно убили бы немцы, вытянув вдобавок кое-какие партизанские сведения, – кому от этого было бы лучше?

Скорым шагом Антон пересек померкшее поле и вышел к хвойной опушке рощи. Невысокие густые сосенки плотно смыкали свой ряд, и он с усилием пролез между ними, стряхнув на себя белесую в ночи тучу снега. Низко сгибаясь, почти на ощупь, он начал пробираться в глубь рощи. Он думал, что вдали от опушки сосняк станет реже, но вся роща оказалась плотно сросшейся хвойной чащобой, пробраться через которую даже днем стоило большого труда, не говоря уже о ночи.

Продираясь сквозь хвойные заросли, он больно расцарапал руку, разодрал кожушок на плече и стал думать уже не о том, чтобы выдержать направление к Неману, а хотя бы выбраться из этой чащобы. Но, круто взяв в сторону, он угодил в какой-то хвойный сушняк, оставшийся, наверно, после одного из летних пожаров, где и вообще невозможно было ни пройти, ни пролезть из-за сплошного густосплетения колючих и твердых, как стальные спицы, ветвей. Поняв, что это место лучше обойти стороной, Антон повернул обратно, потом снова начал забираться влево. Но куда бы он ни подался, всюду его подстерегала непролазная чаща из колючек, ветвей и сучьев, отчаянно цеплявшихся за кожушок, обдиравших лицо, руки, то и дело срывавших с головы шапку. Он устал, разогрелся, взмок от пота и набившегося в каждую прореху снега.

Уже потеряв надежду когда-либо выбраться из этих колючих дебрей, Антон, сгибаясь в три погибели, преодолел очередную делянку особенно густого подроста и очутился наконец на опушке. Впереди было поле, он стряхнул с себя снег, ощущая на разгоряченном лице упругие удары ветра, по-прежнему сыпавшего впотьмах снежной крупой. Он пошел по полю, дав себе слово не лезть больше в заросли, где в такую ночь и такую погоду можно разве что скрываться от врагов. Ему же надо было поскорее попасть на Островок или, может быть, переправиться через Неман в другом подходящем месте. Теперь это заботило его больше всего другого, потому что задержка с переправой грозила завтра новой бедой в этом малознакомом приречном районе с его полицией, засадами, патрулями по деревьям, хуторам, на дорогах.

В поле стояла ночная тишь, идти было легко, Антон понемногу пришел в себя и почти успокоился. Он старался не думать ни о недавнем убийстве, ни о том, что ему пришлось пережить с Зоськой. Что было, то все прошло, внушал он себе, в его положении разумнее позаботиться о будущем. По всей вероятности, придется разыскать того баламута-сержанта и его дружка Пашку, хотя Антон даже не знал их фамилий и не имел представления, из какого они отряда. Но они бы смогли подтвердить его отважный поступок при переходе «железки», все-таки он прикрыл их огнем и тем дал возможность спастись. Правда, они же могут рассказать и о неприятном конфликте с Зоськой на хуторе... Может, лучше не ссылаться на этих людей, что хотя и усложнит объяснение причин его самоволки, зато позволит ему отречься от Зоськи: ее он не видел, не встречал, ничего о ней не знает. Пошла и пропала, мало ли что может случиться с партизанской разведчицей во вражеской зоне... Внешне такая позиция выглядела вполне убедительной и не должна была вызвать больших подозрений, надо лишь вести себя твердо и нахраписто. Где был трое суток? Ходил в деревни, пытался разжиться обувкой. Сапоги совсем развалились, сколько раз говорил комвзвода, никакого внимания. А какой же из него партизан зимой без обуви? Почему не доложил начальству, не попросил отпустить? Шиш бы его отпустили, если бы он попросился.

Авось не застрелят.

После непролазных зарослей рощи шагать в ночном поле было одно удовольствие. Занятый своими мыслями, он отмахал километра три, если не больше, как вдруг обнаружил, что переменился ветер. Сперва дул вроде слева, а потом стал заходить сзади. Или, может, он сам, а не ветер переменял направление? Антон остановился, прислушался. Но в поле ничего не было слышно, кроме привычных порывов шуршащего снегом ветра. Тогда он вгляделся в снежные сумерки, в которых тонуло вокруг равнинное полевое пространство, и тоже не смог различить ничего определенного.

Все же он взял чуть в сторону, показалось, там что-то возвышалось над горизонтом, хотя это мог быть мрачный край неба, и скоро, к его удивлению, из сумрака выплыла темная стена рощи. Но, по его представлениям, здесь не должно быть никакой рощи. Похоже, что он заблудился.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Слегка озадаченный, он остановился в нескольких шагах от деревьев, оперся на снятую с натруженного плеча винтовку. Взглядом он попытался проникнуть дальше в ветреные ночные сумерки, но взгляд схватывал каких-нибудь сто метров, не больше. На протяжении этих ста метров впереди была заметна лишь плавная кривизна опушки, которая почему-то показалась ему знакомой. Да они же сегодня проходили тут с Зоськой! Еще тут ее тошнило, и он стоял и смотрел на покалеченную огнем сосну на опушке. Вон, кажется, и та погорелица, голые ее сучья черными вилами торчат в небо. Черт возьми, куда его занесло!

Надо было заворачивать обратно, обогнуть рошу и выходить к Неману, но Антон, еще не давая себе отчета зачем, пошел к опушке. Возле деревьев было затишнее от настывного в поле ветра, он подошел к сосне и прислонился спиной к ее черному шершавому боку. Все-таки давала о себе знать усталость, слегка кружилась голова, тягучий ветренный гул не прекращался в ушах. Позволив себе непродолжительный отдых, он почему-то перестал думать о том, как выйти к Неману и где перебраться на его левый берег. Его мысли уже занимало другое, перед глазами возникло памятное поле с грушей, где полузаметенное снегом лежит теперь остывшее тело Зоськи. К утру его, наверно, заметет совсем...

Странно, но он уже не испытывал к ней прежней неприязни, в глубине его чувств родилось новое отношение к ней, похожее скорее на сожаление и тихую безотчетную грусть. Он сокрушенно вздохнул, подумав, что все могло сложиться иначе, если бы... Но слишком многое включало в себя это «если бы», чтобы здесь размышлять о нем. Одно несомненно: война порушила все вековые отношения между людьми, поставила человека в условия, когда не подчиниться ее злой воле не было никакой возможности. Вот и здесь: разве он хотел ее убивать? Просто он сам хотел выжить, а выжить вдвоем сделалось невозможным.

Ночь нещадно отмеривала свои минуты, ему надо было уходить, а он все стоял под сосной, хоронясь от холодных порывов ветра, монотонно стучавшего по коре снежной крупой. Что-то мешало ему повернуть в обратную сторону и навсегда покинуть эти места. Чуть смежив глаза, он видел в ветреных сумерках поля знакомую грушу с грудой камней на меже... Это было совсем недалеко отсюда, сразу за рошей. Если идти скорым шагом, вся дорога туда займет минут двадцать. Робко заявив о себе, странное это желание стало быстро набирать силу и охватило его целиком. Он понимал всю бессмысленность этой затеи и спрашивал себя: зачем туда идти? Но робкий голос сомнения скоро умолк, побежденный желанием. Антон еще колебался, но уже знал, что долго не выдержит. Ему стало необходимо еще раз побывать на том месте, взглянуть на мертвое тело Зоськи, убедиться, что она долго не мучилась, что вокруг все тихо-спокойно, его никто не разыскивает, и потом с облегченной душой убираться за Неман.

Нервно содрогнувшись от нетерпения, он понял бессмысленность сопротивления желанию, ставшего сильнее его, и закинул за плечо винтовку.

Весь дальнейший путь к груше был ему хорошо знаком, да и линия опушки не дала потерять направление, он обогнул рошу и оказался на княжеводском поле. Здесь предстояло пройти по прямой не более одного километра. Темная беззвездная ночь, кажется, и еще потемнела, не прекращаясь, сыпался снег, колючие его крупинки больно стегали по настывшим рукам и лицу. Мороз, по-видимому, усиливался. Антон пристально вглядывался в полумрак и еще издали узнал раскидистую крону груши, в ветвях которой неприятно посвистывал ветер. На прежнем месте под грушей горбилась заметенная снегом куча камней. Но он только мельком взглянул на грушу и камни, пробежал мимо них в поле, где, однако, не увидел того, что ожидал увидеть. Очень хорошо помнил, как Зоська упала, раскинув на сером снегу черные руки, и лежала так, видная издали. Теперь же приблизительно на том самом месте ничего вроде не было, и он подумал: как быстро ее занесло снегом. Но снег с самого вечера сыпался мелкий, даже на неровностях его намело не так много, под межой и крушей он был только по щиколотку. Немного встревоженный, Антон пробежал дальше, чем требовалось, повернул обратно. Странно, подумал он, неужели он ошибся в определении расстояния? Но он хорошо помнил, что Зоська отошла перед выстрелом метров на пятьдесят от груши, иначе в сумерках он бы в нее не прицелился. Так где же она могла быть? Неровной восьмеркой Антон обошел поле, снова зашел от груши, поточнее прикинул направление выстрела. Но на том месте, где она упала, сраженная его пулей, ее определено не было.

Почуввав неладное, он пригнулся, чтобы различить на снегу следы, и увидел темное небольшое пятно, сгреб его в горсти вместе со снегом – несомненно, это была смерзшаяся кровь Зоськи. Но где же тогда сама Зоська?

Он упал на колени и обеими руками стал ощупывать снег, сразу наткнувшись пальцами на едва заметную для глаза, широко промятую в снегу борозду с ямками от коленей, и понял, что она уползла. Это открытие ошеломило его. Со смешанным чувством испуга, облегчения и страха он вскочил на ноги и, забыв на прежнем месте винтовку, пригибаясь, пробежал по неровной разрытой борозде – через бурьян,

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru мимо полузаметенного полевого куста в направлении невидимой отсюда, но недалекой деревни. Когда все стало ясно, Антон вяло распрямился, замедлил шаг, остановился совсем и кокливым потеряннм взглядом уставился в сумрак. Он ее не убил, только ранил, и она уползла в деревню, где у нее знакомые, связные, подруги. Ему туда хода нет.

С трудом пытаюсь осмыслить новый поворот в своем положении, он вернулся назад, подобрал винтовку. Называется, пожалел патрон и погубил жизнь. Проклятая Зоська! Сколько же это может еще продолжаться? Посчитав ее убитой, он скоро утратил свой гнев против нее, он даже готов был полюбить ее, мертвую, могущую своей смертью сослужить для него добрую службу. Но теперь он ее ненавидел снова. Она явилась чудовищно непреодолимой преградой в его и без того запутанной жизни. Как ему избавиться от нее?

Но избавиться, наверно, было уже невозможно, упустив ее, он терял над ней свою власть. Напротив, уйдя в Княжеводцы, она обрела грозную власть над ним и теперь может сделать с ним все, что захочет. Наверняка в это самое время, когда он мечется по темному полю, она уже рассказывает кому-то о его злодействе. Спустя несколько дней обо всем станет известно в отряде.

Неровным усталым шагом Антон шел против ветра, не чувствуя его леденящих порывов, понуро уронив голову, засунув в карманы руки. Плевать ему было на стужу, на этот проклятый ветер в голом промерзшем поле. Война загоняла его в тупик, из которого не было выхода. Куда он теперь мог податься, где обрести пристанище? Он даже не знал, где переночевать, поесть, обогреться; опасность угрожала ему с обеих сторон. По привычке он продолжал опасаться полиции и немцев, но и партизаны с нынешней ночи становились для него врагами. Теперь было бессмысленно искать переправу за Неман – в Липичанку ему путь заказан.

Но куда же тогда не заказан?

Все яснее сознавая безысходность своего положения, он видел немало виновников своих неудач, среди которых, однако, не было его самого. За тридцать без малого лет своей жизни он не привык признаваться себе в прегрешениях и, если случались накладки, любую вину готов был переложить на других. Сам же он в собственных глазах всегда оставался безгрешным, так как, будучи строгим к другим, был великодушным к себе самому. Себя он любил и уважал, хотел только добра, которого, случалось, его лишали другие: немцы, партизанское начальство, иногда женщины. В данном случае поперек его жизни роковым образом встала партизанская разведчица Зося Нарейко, виновница всех его бед.

Антон брел в ночном поле, лишенный цели, душевно опустошенный, обозленный против других и, конечно, прежде всего, – против Зоськи. Правда, теперь он корил и себя за оплошность, за то, что пожалел патрон и воздержался от второго выстрела. Зачем теперь ему этот патрон, зачем эта винтовка? Разве для того, чтобы убить себя? Но – дудки, убивать себя он не станет. Он еще молод и еще почти не жил. Несмотря на войну, хотел начать жить, как испокон веков живут люди, но не удалось. Видно, нельзя так все сразу – жить для себя, для других, воевать, любить женщину и быть счастливым. Жаль, поздно он убедился в этом. На кровавом собственном опыте, за который как бы не пришлось заплатить все той же собственной жизнью. Но жизнь у него одна, почему он должен в молодые годы расставаться с нею?

Отупев от неумного встречного ветра, снега и усталости, Антон наткнулся в ночи на невысокую железнодорожную насыпь, почти не остерегаясь, перешел ее в рост и побрел дальше, стараясь не сбиться с направления, взятого от Княжеводцев. Не сразу он понял, что имеет целью тот польский хутор, где так неудачно провел последнюю ночь с Зоськой. Почему именно тот, а не какой-нибудь другой хутор, он не мог дать себе отчета. Может быть, он шел туда потому, что там все же были знакомые ему люди и он рассчитывал перекусить у них и обогреться. При этом ему было неважно, как они отнесутся к нему, он зла против них не имел, хотя прежний урок намеревался учесть на будущее. Теперь он не выпустит из избы никого, пока сам из нее не выйдет. Но прежде всего он поест и чуток отдохнет в тепле, а потом будет видно. Потом он что-либо придумает.

Ему следовало что-то срочно придумать ради спасения, но мысли никак не шли дальше ближайших забот этой ночи и того знакомого хутора, а что делать дальше, он не мог взять в толк. Ясно было лишь то, что к партизанам ему пути нет, к Копыцкому тоже. К Копыцкому был некоторый смысл явиться с Зоськой, без нее же в полиции его не ждет ничего хорошего. Вот же чертово положение, в которое загнала его война!

По-видимому, он все-таки ослаб за эти сутки непрерывной ходьбы по снегу, без сна и без пищи. Несколько раз он замечал, что начинает дремать на ходу, ощущение ежeminутной опасности притупилось в его сознании, он не узнавал местности и, кажется, снова не выдержал направления. С усилием стряхнув с себя дрему, он

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru огляделся и понял, что снова сбился с пути. Как и позапрошлой ночью, перед ним лежала на пойме котра. «Это же надо, дважды заплутать на одном месте», – думал он, глядя на извилистую полосу кустарника вдоль речушки. По всей видимости, хутор остался правее, ближе к Скиделю. К тому же стало светать. Недавно еще плотный, затканый снегопадом сумрак заметно редел, снежные сумерки подернулись прозрачной рассветною синькой, долгая зимняя ночь тихо уступала свои права дню. Антон не заметил даже, когда прекратил сыпать снег, которого здесь намело почти по колено. Сзади за ним тянулись свежие, видные даже во мраке следы, и он думал, что с такими следами далеко не уйти, так его быстро настигнут в поле.

Как и позапрошлой ночью, ему ничего не оставалось, как повернуть вдоль реки вправо. Правда, он мог повернуть и влево, но там, на узком мысу при впадении Котры в Неман, была большая деревня, а в большой деревне всегда недремно несет службу полиция. Антон предпочел не искушать судьбу-мачеху и держаться от деревень подалше. Но и до хутора было далековато, затемно он просто мог не успеть. И тогда он с облегчением вспомнил, что где-то поблизости отсюда ютилась та самая развалюха-обора. Другого пристанища в этих местах, наверно, сыскать не удастся.

Недалеко отойдя от реки, он скоро нашел эту обору, еще издали увидав под ней старое, обсиженное вороньем дерево. Уже совсем рассвело, поле вокруг лежало пустое, дул морозный северный ветер. Антон осторожно выбрался из кустарника, вслушался. Было чертовски холодно, даже воронье сидело на дереве, зябко нахохлясь, без своего извечного грая. Человеческих следов возле оборы вроде бы не было видно, и он с неизвестно почему дрогнувшим сердцем вошел в ее широко распахнутые ворота.

За ночь снежный сугроб возле дверей сильно увеличился и достиг противоположной стены, возле притолоки виднелись полузасыпанные следы, но, кажется, это были следы его и Зоськиных ног. Низенькая дверь в кубовую была растворена, и он нерешительно переступил высоковатый порог.

Тут было немного затишнее от ветра, но холодно, как и в поле. Антон опустился на слежалую гнилую солому, прислонился спиной к обшарпанному боку стены. Руки сунул за пазуху, колени прикрыл полой кожушка. Было бы неплохо вздремнуть хотя бы на недолгое время. Двадцати минут ему бы, наверно, хватило, чтобы снять отупение и обрести прежнюю бодрость. Большого он не мог позволить себе.

С покорностью отдаваясь сразу охватившей его приятной истоме, он какое-то время еще напрягал слух, боясь прозевать опасность. Но, кроме невнятного шелеста соломы на крыше, сюда не проникало никаких больше звуков, было покойно, тихо и глухо. Готовясь уснуть, Антон думал, что не прошло еще двух суток, а как все катастрофически изменилось в его судьбе. Два дня назад с ним была Зоська, и с ней в нем жила надежда. Пусть глупая, несбыточная надежда, но ею тешилась его очерствевшая в лесных дебрях душа. Но вот стало так, что они разошлись врагами, жить на этой земле вместе с Зоськой сделалось невозможным. Он обрел одиночество, Зоська навсегда ушла из его жизни, но ему от того легче не стало. По-прежнему он пребывал в безысходности и перестал понимать почему. Неужели все дело в Зоське? Но как тогда понять, что он, здоровый, неглупый мужик, попал в такую зависимость от этой сморкачки? Разве Зоська сильнее его, умнее или более приспособлена к этой кровавой войне? Ведь после своего ранения она уже дышала на ладан, одной ногой стояла в могиле, и он лишь тихонько толкнул ее. И тем не менее она выжила, где-то укрылась, и по-прежнему власть над его судьбой находилась в ее руках.

Он задремал, как ему показалось, не более чем на пять минут, и тут же проснулся от близкого голоса за стеной. Кто-то, вяло матерясь, беззлобно понукал лошадь. Как и два дня назад, Антон испуганно выскочил из кубовой и сразу же в проеме ворот увидел на дороге сани. В них, стоя на коленях, какой-то мужичок в стеганке глухим голосом материл рыжую, с облезлыми боками лошадку. Правил он в сторону Скиделя.

– Эй, стой! – крикнул Антон, появляясь в проеме ворот.

Мужичок оглянулся на обору и придержал коня, не зная, однако, как поступить дальше. Антон тоже не знал, зачем он остановил его, разве чтобы разжиться поесть? Или разузнать про обстановку в окрестностях и принять какое-либо решение. Он чувствовал, что без определенного решения протянуть долго не сможет. Невозможно жить между землей и небом, надо поскорее спускаться на землю. Где только найти лестницу на эту утраченную им землю?

В поле и на дороге вроде никого больше не было, можно было выйти из оборы, но Антон предпочел позвать мужичка к себе:

– Ты, давай сюда!

Он не сомневался, что мужичок без промедления исполнит его команду, и для пущей убедительности удобнее перехватил винтовку. И в самом деле мужичок бросил на солому вожжи и, оставив на дороге сани, не спеша, с явной опаской пошел к оборе. Пока он шагал по свежему снегу, Антон рассматривал его самодельный, из овчины

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
треух на голове, старую латаную стеганку и лапти-чуни с перевязанными поверх
грязных портянок веревками. Маленькие, часто мигающие глазки на заросшем лице
еще издали настороженно уставились в вооруженного человека у оборы.

– Стой! – приказал Антон, когда мужичок шагов на пять не дошел до ворот, и тот
послушно остановился. – Хлеба нету?

– Не-а, – удивленно сказал мужик. – Яки ж хлеб? Дома...

– Ясно. И ничего больше? В смысле пожрать...

– Ничога. Дорога ж не дальняя. Так што ж...

– А куда едешь?

– Так в Скидель, – махнул он рукой на дорогу и замер в ожидании новых вопросов.

– На базар?

– Не. Яки ж базар в понедельник? К доктору еду.

– Заболел?

– Ды не. Я не заболел. Але...

– Баба, значит? – вел малоинтересную беседу Антон, имея в виду исподволь
выпытать у этого случайного проезжего кое-что из того, что его интересовало в
первую очередь.

– Не баба – девка.

– Ах, девка... А там, на дороге, не видел – полицаев нет?

– Не, не видел. Мож, где и есть, а на дороге не видел.

– И партизанов не слышно?

– Не-а. Не слышать. У нас, знаете, не слышно ничего. Глухо живем.

– А ты из какой деревни?

– Да из Княжеводцев, – сказал мужичок и показал в обратный конец дороги.

Антон испуганно замер. Упоминание о Княжеводцах заставило его забыть все другие
вопросы – кажется, появилась возможность выяснить, может, самое для него
главное, и он, сузив глаза, резко спросил мужичка:

– Ах, за доктором едешь?

– Ну.

– К девке?

– Ну.

– К дочке?

Моргнув слезящимися глазами, мужичок вдруг замялся, словно поперхнулся перед
ответом, и Антон, не давая ему оправиться, схватил за куций отворот стеганки.

– Говори, к кому доктора! Быстро!

– Так к девке, сказал...

– Какой девке? К Зоське из Скиделя? Ну? Раненной в голову? Да? Да? Говори
скорее!..

Но скорее говорить, наверное, уже не было надобности. Мужичок, беспомощно
заморгав глазами, казалось, в мгновение лишился речи, руки его затряслись,
растерянным взглядом он бессмысленно водил по рассвирепевшему от роковой
догадки, обросшему колючей бородкой лицу Антона. Антон тоже зашелся в странной
охватившей его лихорадке, смекнув яростно и самоочевидно, что судьба в последний
раз бросала тонущему свой спасательный круг, за который он должен схватиться или
пойдет ко дну. И, не размышляя долго, он из последних, еще оставшихся у него сил
рванулся к этому кругу. Пока Зоська жива, он должен настичь ее в этих лесных
Княжеводцах. То, что ему не удалось на хуторе, должно удалиться теперь. Конечно,
это не очень красиво по отношению к девушке, которую он любил, но в этом его
спасение. В конце концов, не он придумал эту проклятую войну, где если не
предашь – не уцелеешь. Что же ему остается?

– Так, ясно! – сказал Антон, резко оттолкнув от себя мужичка. – А ну – в
Скидель! В Скидель скорее! – закричал он. – Быстро!!!

В испуге и явном смятении мужичок повернул к дороге, но Антон обогнал его и,
подбежав к саням, схватил вожжи.

– Но-о! Скорей, рысью!

Хлестнув лошадь, он ввалился на ходу в розвальни, мужичок едва успел ухватиться
за поперечину сзади, лошадка натужно рванулась по переметенной за ночь дороге, и
Антон, став на колени, принялся нахлестывать ее вожжами.

Главное для него было – успеть.

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

куда-то.

Она все время молчала, не находя сил ответить на тревожные чьи-то вопросы, да к ней и не очень приставали с вопросами, видно, скоро поняв, что она чуть жива. Зоське ничего не оставалось, как целиком положиться на этих людей, зная, что в Княжеводцах ей плохого не сделают. В Княжеводцах всегда помогут, если только ей еще можно помочь.

Она пришла в себя снова от острой, ударившей под самое сердце боли, раскрыла глаза и увидела близко над собой лампу с надбитым закопченным стеклом. Свет лампы поначалу ослепил ее, но все-таки она успела заметить рядом чье-то немолодое, озабоченное, со сведенными бровями лицо. Чьи-то холодные руки деликатно касались ее обнаженного бока, и она поняла: перевязывают. Зоська с напряжением стонала, не в состоянии молча выдержать боль, и женский, обращенный к ней голос сочувственно заговорил:

– Болит, девчатка? Такая рана!.. Потерпи, девчатка.

Конечно, она будет терпеть, она стерпит все, только бы остаться жить. Как никогда прежде, именно теперь она очень хотела жить. Если это еще возможно...

– И кто тебя так? – голосом погромче участливо спросил мужчина, но она только промычала в ответ. Разговаривать она не могла. Даже сама удивилась: слышать – отлично все слышала, а сказать ничего не могла. Как во сне.

Новый болевой приступ отбросил ее в забытье, долгий промежутки времени она нестерпимо мучилась в фантастическом мире кошмаров. Наверно, она стонала, возможно, у нее начался жар, потому что, когда она снова очнулась, услышала все тот же ласковый голос женщины:

– На, девчатка, молочка попей. Тепленькое молочко, гляди, полегчает...

Она сделала усилие и чуть приподняла голову. Чужими иссохшими губами не сразу нашла край шершавой посуды и торопливо сглотнула что-то безвкусное.

– Ну, еще немножко попей... Молочко те-еплое...

«Молочко те-еплое», – звучит милым голосом мамы, которая третью неделю хлопочет возле пятилетней Зоськи и тихонько украдкой плачет. Зоська тяжело больна, вся в жару, ничего не ест, только пьет молочко. Она пластом лежит в углу на кровати, укрытая кожушкой поверх лоскутного мамино одеяла, и очень ослабла. Но у нее ничего не болит, только все время хочется спать. И она спит – днем, утром, ночью, просыпаясь лишь затем, чтобы попить молочка. Болеть ей, однако, нетрудно, даже в общем приятно, потому что все к ней предупредительно-ласковы, добры и с радостью исполняют каждое ее желание, главное из которых – чтобы не плакала мама. Но это желание редко сбывается, и коротенький мамин всхлип резкой тревогой вырывает девочку из сна, вернее, из тягостно-липкой дремы, Зоська пугается и тоже хочет заплакать. Но она такая слабая, что только тихонько шепчет обметанными губами: «Не надо, мамочка... Мамочка, не надо...» И мать, заслышав ее, сразу утихает, приходит за занавеску и, склонясь над дочерью, бережно гладит ее заостренное исхудавшее личико шершавыми, не по-женски большими руками. Зоська успокаивается, хочет улыбнуться в ответ и слабым голосом пытается утешить маму:

– Мамочка, я не умру. Я не умру, мамочка...

Но ее наивное утешение вызывает у матери новый, безудержный приступ плача. Уронив на постель голову, мать долго сотрясается в безутешном рыдании, и Зоська с недетской решимостью думает: нет, она ни за что не умрет, она будет жить, потому что как же тогда ее любимая, бедная мама?

Мама для нее – главная радость жизни, так же как и она для мамы. Зоська знает это с раннего детства и думает, что никогда на свете не расстанется с мамой.

Но вот рассталась...

Люди говорили, что лицом она вышла в маму, что у нее материнский характер. Зоська и сама иногда думала, что свою доброту и покладистость определенно переняла от матери. Часто она страдала оттого, что нынешнее время меньше всего подходило для этого ее качества, иногда ненавидела в себе эту доброту, принимая ее за слабость, в то время как ей нужна была сила. Но всякий раз ее отвращал один вид людей, явно лишенных доброты, заскоружлых в черствости, и она понимала, как важно быть добрым. Значит – быть справедливым.

...Потом в полудреме она слышит чей-то тихий недалекий разговор-шепот, но там уже новые голоса, похоже – мужские, и до сознания ее доходит обеспокоенное слово доктор. Она догадывается, что это значит, и хочет сказать, что не надо ее везти к доктору, который ей неприятен с детства, потому что доктор – человек из другого, неизвестного ей мира и с ним связаны малоприятные для нее переживания. Теперь у нее другие, не менее важные причины избегать доктора, но у нее нет сил сказать об этом, и она лишь тихонько стонет.

– Попей молочка, девчатка. Попей тепленького...

– Ну что ты пристала к ней с молочком? Видишь, не может! – раздраженно гудит мужской голос, в котором Зоське слышатся знакомые ноты, и она вся напрягается. Но нет, это не отец...

Пойти и не вернуться. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Отца она меньше любила, наверно, потому, что он был неразговорчив и строг, а иногда круто обходился с матерью.

Но в раннем далеком детстве Зоська, может, больше других боготворила именно отца, особенно в редкие для него минуты досуга, когда он не был занят работой и находил возможность заняться детьми. Из каких-то глубинных уголков ее памяти выплывает давнишний день кануна праздника Троицы в начале лета, полузаросшая муравкой дорога в теплой мягкой пыли за околицей, и они с сестрой, семенящие за отцом. Вытянутой в сторону рукой Зоська ведет по стеблям колосющейся ржи, вслугивая осевших на ночлег серебристых бабочек, острохвостые ласточки лихо носятся в погожем предвечернем небе, и за отцом тянется горьковатый аромат березовых веток, целую охапку которых они наломали в роще. Дома их ждал предпраздничный порядок в избе, только что вымытый мамою пол был густо забросан пахучими стеблями аира, они сразу принялись украшать хату ветками и обильно понатыкали их всюду, где только могла держаться хотя бы самая малая веточка. Всю ночь в хате стоял удивительный аромат леса и луга, Зоське снились счастливые сны, и вся ее детская жизнь была преисполнена предвкушения какой-то огромной и скорой радости.

...Она снова ощущает себя во власти знакомой с детства болезненно-немошной расслабленности, когда хочется только покоя, тишины и небытия, потому что в яви – страдания и боль. И вместе с тем в ней немая апатичная успокоенность за свою судьбу, которая теперь от нее не зависит.

Со временем она замечает, что ритмично раскачивается и плывет куда-то, словно во сне. Но сна нет, это уже явь. Зоська полураскрывает глаза, перед которыми – косматый край укрывшего ее кожушка и яркая синь рассветного неба. Мерные плавные толчки куда-то влекут ее, и ей даже приятно от этого ровного убаюкивающего движения в неизвестное. Не сразу она догадывается, что ее везут по полевой санной дороге. Она не может спросить, куда, но она и не тревожится. Значит, так надо.

Она лишь хочет понять, кто с ней? Чувствуется чье-то присутствие рядом, наверно, это возница, но кто? Ей бы только взглянуть на своего спасителя и ничего больше. Об Антоне она не думает – будь он проклят, убийца! Главное, она спасена, даст бог – поправится, и тогда она с ним посчитается. Она посмотрит в подлые его глаза, еще он повалится у ее ног. Если раньше не перебежит к немцам.

– Но-но, шевелися, милая...

Это все та же поившая ее молочком тетка, и Зоське становится покойно, она уже привыкла к ее, схожему с материнским, голосу. Невысказанная благодарность щемящей тоской сжимает что-то внутри, и из Зоськиных глаз скатываются к уголкам губ две щекоотные студеньевые слезинки.

– Ничего, девчатка, все будет хорошо. Перепрячем тебя в хорошее место, как-нибудь очуняешь. Молодая еще, жить будешь, деток родишь. Не век же этой проклятой войне продолжаться, – как свежий родничок в летний полдень, обнадеживающе звучит рядом, и Зоська благостно успокаивается под теплым кожушком.

Авось в самом деле правда: страшное позади, и она как-нибудь еще выкарабкается из своей беды.

1977

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!